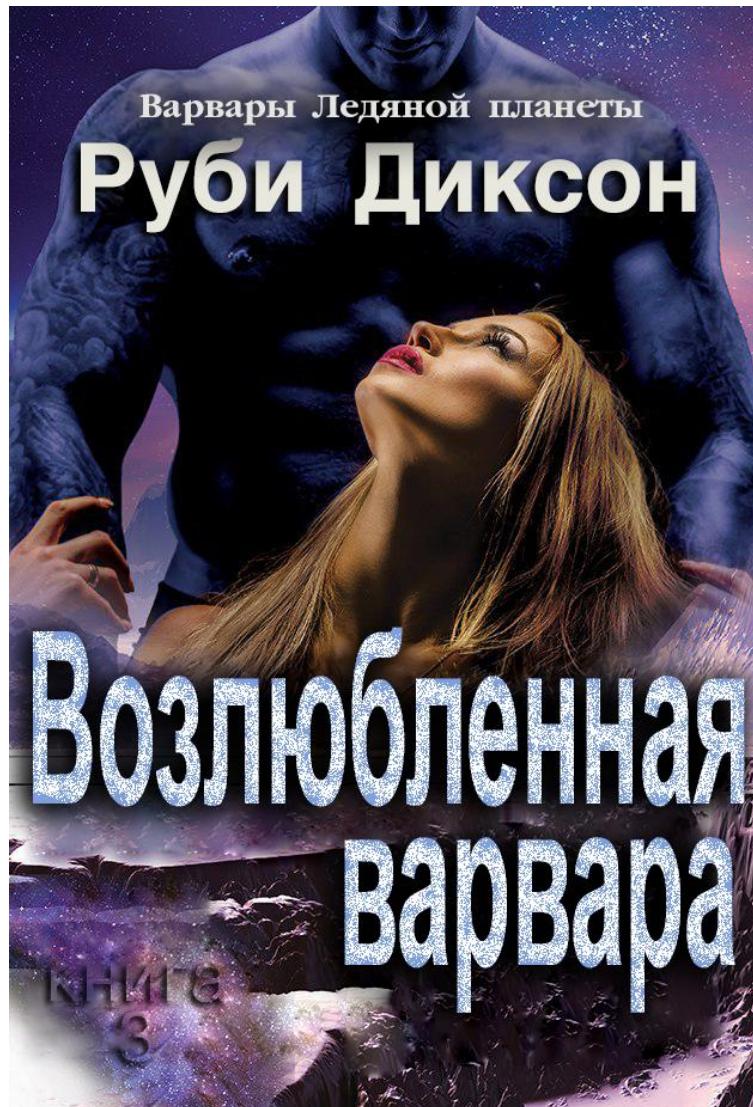

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Руби Диксон

"Возлюбленная варвара"

Серия: Варвары ледяной планеты (книга 3)

Автор: Руби Диксон

Название на русском: Возлюбленная варвара

Серия: Варвары ледяной планеты (книга 3)

Перевод: Сандра

Редактор: Eva_Ber

Вычитка: Наташа Бегишева

Обложка: Мария Суркаева

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

Будучи одной из нескольких людей, застрявших на ледяной планете, я должна быть счастлива, что у меня есть новый дом. Человеческие женщины здесь ценятся как сокровище, а один конкретный инопланетянин ясно дал понять, что хочет меня. Тяжело отталкивать сексуального, любящего пофлиртовать Аехако, когда все, что я хочу сделать, схватить за рога и заставить его забрать меня в свои шкуры.

Но у меня есть ужасная тайна — инопланетяне, которые похитили меня, возвращаются, и благодаря переводчику в моем ухе, они могут найти меня. Мое присутствие здесь подвергает всех опасности..., но могу ли я распрощаться с этой новой жизнью и мужчиной, которого я хочу больше всего в жизни?

Часть 1 КАЙРА

Снова в двух пещерах я слышу слашавые звуки секса и хныканье женщины.

— О, Боже, да, именно так, — стонет Нора. — Шлепни меня именно так.

Слабый шум шлепка отзыается эхом в моем переводчике, и я, издав стон, накрываю ненавистную штуковину обеими руками. Я пытаюсь перевернуться на бок и толкнуться им в подушку, которую сделала из остатков шкур, но от этого переводчик лишь сильнее проходит внутрь моего уха, посылая ослепительную боль в голову. Так что я переворачиваюсь на спину и пялюсь в скалистый потолок девичьей пещеры.

— Именно так, мой большой, сильный, сексуальный зверь, — снова вскрикивает Нора.

— Ннннгггхххх, — произносит ее большой, сильный, сексуальный зверь (также известный как Дагеш). И тогда, чтобы все стало еще хуже, до меня доносится еще одно хихикание, Стейси с Пашовом — которые из-за тесноты делят пещеру с Норой и ее парой — тоже занялись этим.

Черт.

Я ненавижу этот переводчик. *Ненавижу его, ненавижу его, ненавижу его.* Я прижимаю подушку к своему лицу, не обращая внимания на шерсть шкуры, которая липнет к моему рту. Было бы не плохо, если бы каждый переводимый им разговор преобразовывался лишь в стерео. О, нет. Он также усиливает громкость звуков. Поэтому я слышу каждый шлепок по заднице, каждый стон, каждое хныканье, каждый поцелуй, одним словом, — ...все.

Иначе говоря, племенные пещеры битком набиты совсем недавно спарившимися парами. Инопланетянами и нами, людьми, которые потерпели здесь крушение корабля. Нам так же пришлось принять то, что инопланетяне называют «кхай». Это — симбионт, который позволяет нам выживать на этой планете, чтобы здешняя атмосфера не прикончила нас. Правда, один из побочных эффектов кхай — именно он решает, с кем и когда ты спариваешься, и пути назад уже не будет.

Учитывая, что в этом инопланетном племени — известному как ша-кхай — мужчины превосходят численностью инопланетных женщин четыре к одному, удивляться

нечему, что спаривания следуют один за другим. Из двенадцати человек, выживших здесь после крушения, шестеро уже в паре.

Я — ...не одна из них.

Время от времени очень тяжело не чувствовать себя отверженной из-за того, что мой хай молчит. Когда он находит тебе идеальную пару, он начинает выбиривать. Это что-то вроде мурлыканья, но более похожее на песню. Инопланетяне называют это «резонированием», и мужчина будет резонировать лишь своей женщине и наоборот. К тому же, несмотря на принудительное спаривание, всякий, кто подцепил себе пару, блаженно счастлив. Джорджи обожает своего пришельца, Вэктала, который является вождем племени. Моя подруга Лиз яростно защищает свою пару, Рахоша. Стейси и Марлен, и даже вечно рыдающая, испуганная Ариана, все они любят своих мужчин. И мне совершенно ясно, что Нора влюблена в свою пару, если звуки сексуальных шлепков хоть что-то да значат.

Все «оставшиеся» девушки — так же известные как «неспаренные» — осели вместе в одной пещере. Мне посчастливилось заполучить укромное место в уголке с занавесом для уединения. Не то, чтобы он сильно приглушал звуки. Я до сих пор слышу все..., а еще я слышу, когда кто-то крадется, чтобы встретиться с парнем, чем в данный момент занимается Клэр.

Клэр — девушка из капсул, поэтому я ее не особо-то знаю, как и некоторых других. Когда нас похитили инопланетяне, несколько человек в состоянии стазиса содержались внутри встроенных в стену капсул, в полном забвении об окружающем их мире. Остальным из нас — Лиз, Джорджи, мне и еще нескольким людям — приходилось, как скотине, тесниться в грязном, переполненном трюме, и выживать там несколько недель. Когда оказываешься в подобной ситуации, то привязываешься к окружающим тебя людям, и я постоянно по ним скучаю.

Клэр я не знаю так хорошо, как девочек, которые находились в сознии вместе со мной. У меня не было с ней такой близости, как выживание в плену, неделями напролет обнимая друг друга, чтобы делиться теплом, и плавя снег для того, чтобы было что-то, чем утолить жажду. В каком-то смысле я едва ли не в обиде на девочек из капсул, потому что у них все прошло слишком легко, в то время как остальным из нас пришлось влачить жалкое существование, чтобы выжить. Это не их вина, и они столь же шокированы и травмированы из-за похищения инопланетянами, как и мы. Просто нам пришлось терпеть тяжелее и дольше.

Я представляю себе мысленный образ Клэр. Она красавица с мягкой, пушистой копной платиново-белых волос, постиженных в стиле эльфа, которая столь идеально подходит для ее маленького личика. Она чрезвычайно тихая и не подвержена чрезмерным рыданиям, как Ариана. И она не резонирует.

Так почему же она тайком пробирается, чтобы трахнуться с один из инопланетян, ума не приложу. А также я не знаю, с кем именно, и это меня беспокоит. Ее вынудили? Убедили, что она должна пожертвовать своим телом ради обеспечения безопасности? Неужели одинокие мужчины здесь, в пещере, рубят с плеча, а девочки боятся им отказывать?

Я делаю себе мысленную заметку поговорить с ней утром. Я чувствую себя ответственной за всех находящихся здесь девочек. Я была первой, кого не заключили в капсулу стазиса, поэтому чувствую себя самой старшей. Я превратилась в наставницу

наших человеческих девочек, даже при том, что нашим неофициальным лидером стала Джорджи. И я беспокоюсь, что ими могут воспользоваться. Дело в том, что, несмотря на то, что люди Вэктала приняли нас с распостертыми объятиями, нам все еще не знаком их образ жизни и их мир. Нет ничего страшного в том, чтобы быть настороже.

Когда звуки от занятий сексом снова возобновляются, я прижимаю подушку к своему переводчику, чтобы приглушить звуки, и начинаю ждать, когда все наконец-то заснут.

На самом деле, я не могу заснуть до поздней ночи, и поэтому, когда просыпаюсь, у меня затуманенный взгляд, и я постоянно зеваю. Переводчик, хирургически прикрепленный к моему уху, болит, так как он всю ночь вжимался в ухо, и я измучена. Еле волоча ноги, я выбираюсь из постели и направляюсь, чтобы сесть возле очага костра в центре девичьей пещеры. Меган тыкает палкой в огонь, в то время как Клэр обжаривает кусочки сырого мяса. На этой ледяной планете овощей не так уж много, поэтому наши блюда состоят из мяса, рыбы, ну а потом опять мясо. Единственные ягоды, которые мы знаем, используются для купанья. В хранилище есть толченная жидккая кашица, отложенная для дорожных пайков, а также травы для чая. Помимо этого — мясо, мясо, мясо. Иногда сырое, иногда приготовленное, в зависимости от желания порадовать свои вкусовые рецепторы. Лиз ест его в сыром виде, как это делают охотники, но я не могу заставить себя даже попробовать его в таком виде. *Я просто слабачка.*

Я сажусь рядом с Клэр, скрещивая свои ноги.

— Доброе утро.

— Вообще-то я уверена, что уже начало первой половины дня, — отмечает Меган. Она проверяет горячий кончик своей палки, а затем снова засовывает ее в огонь. Меган обычно очень приятная в общении, она тот тип людей, кто говорит ободряющие слова, насколько бы безнадежная ситуация не была. Но с тех пор, как мы попали в пещеры инопланетян, она... ушла в себя. Молчит.

Я очень за нее переживаю.

Клэр безмолвно дает мне палку, а потом большую каменную тарелку, покрытую кусками сырого мяса. Я осторожно насаживаю несколько кусочков себе на завтрак и держу их над огнем.

— Ты не голодна, Мэг? — спрашиваю я.

— Меган съела его сырым, — шепчет Клэр.

Меган лишь улыбается мне краешком губ.

— У тебя желудок покрепче, чем у меня, — говорю я. У меня не так уж и хорошо получается быть девушкой из команды поддержки.

— Когда оно приготовлено, вообще никакого вкуса не чувствую, — говорит Меган и снова смотрит на огонь.

В каком-то смысле она права. С кхай внутри наших тел произошли определенные изменения в нашей физиологии. Запахи ощущаются менее сильно — не плохо, учитывая, что пещера построена вокруг горячего источника, который пахнет серой. Вкус также менее сильный. Все ша-кхай едят мясо сырым, а их дорожные пайки крайне острые от специй. Некоторые люди уже приспособились. Некоторые из нас — нет.

Я держу свой шашлык над огнем.

— Этим утром приходил Аехако, — сообщает Меган, копаясь в углях своей палкой.

— Я не интересуюсь Аехако, — говорю я, подчеркивая сказанное, а затем откусываю кусок от своего завтрака.

— Он интересуется тобой, — она смотрит на меня. — Если бы ты спарилась с ним, то, по крайней мере, получила бы свою собственную пещеру.

Я чувствую, как хмурая тень накрывает мое лицо.

— Я не резонирую ему.

— Это ведь не означает, что ты не можешь спать с ним, — Меган совершенно серьезна.

Я потрясена.

— Я не стану спать с парнем только потому, что это поможет мне получить пещеру. Кроме того, куда мы денемся? Здесь больше не осталось пещер! — я жестом указываю вокруг нас. — Люди уже спят даже в складских помещениях, как в этой.

Меган пожимает плечами.

— Может это не такая уж и плохая идея иметь такого парня, который присматривает здесь за тобой, как Вэктал за Джорджи. К тому же Аехако милый.

Чувствую, как краска смущения заливает мне лицо. Аехако очень милый. А еще и красив, для инопланетянина. К тому же пофлиртовать любит. И... я *не резонирую ему, поэтому все это не важно*.

Она считает, что Вэктал защищает Джорджи, но Джорджи способна сама за себя чертовски неплохо постоять.

И это тоже неважно, потому что они резонируют друг другу. Теперь они — пара и словно kleem склеились, а Джорджи беременна.

Клэр при этом разговоре хранит молчание, но разговор о мужчинах, дает мне ту возможность, в которой я нуждаюсь. Я с трудом проглатываю еще один приготовленный кусок безвкусного мяса и окидываю Меган многозначительным взглядом, прося ее пойти к остальным. Она встает и направляется к своей постели, закутывается шкурами и поворачивается к стене. Кажется, мне придется разобраться и с этим. В самое ближайшее время.

Вместо этого я касаюсь руки Клэр.

— Мы можем поговорить?

Настороженный взгляд появляется на ее эльфо-подобном лице. Она кивает головой.

Я жестом указываю на переводчик, выступающий из моего уха. Он немного похож на спиральную раковину, сделанную из металла, торчащую прямо из одной стороны моей головы.

— Я рассказала тебе, как он действует, верно?

Клэр снова кивает головой.

— Я упоминала, что из-за этого устройства я много чего слышу? Больше, чем обычный человек хотел бы?

— Наподобие...? — ее голос раздается тихим, едва слышимым шепотом.

Я наклоняюсь вперед.

— Как девочки, которые не спаренны, посреди ночи идут встречаться с мужчинами. Ее лицо покрывается красным румянцем, и она вскакивает на ноги.

— Ты считаешь себя моей матерью?

— Что? Я... нет! Я лишь...

— Я уже выросла, — говорит она, ее руки сжались в кулаки, и на мгновение мне кажется, что она сейчас меня ударит. Я так удивлена ее гневом, что могу лишь пялиться на нее. — Знаешь что, я могу заниматься сексом просто ради секса. Я могу делать все, что захочу. И ты уж извини, если я пытаюсь себя хоть немного утешить в этой скверной ситуации.

— Клэр, прошу тебя. Я просто хотела убедиться, что с тобой все в порядке. Что никто тебя не принуждает...

— Не все из нас такие заносчивые ханжи, как ты, — выдает она в гневе. Девушка швыряет свое приготовленное, но несъеденное мясо в огонь, а затем ураганом вылетает из пещеры.

Я остаюсь совершенно одна, у меня челюсть слегка отвисла от этой вспышки ярости. Боже. Сейчас я чувствую себя слегка уязвленной, но в основном я просто потрясена услышать такую бурную вспышку ярости от такого маленького, робкого человека.

«Не все из нас такие заносчивые ханжи, как ты».

Ауч.

— Хорошо поговорили, — комментирует Меган, переворачиваясь в постели, чтобы посмотреть на меня.

— Что с ней случилось?

— То же самое, что случилось со всеми нами, отверженными, — отвечает Меган. — Она просто пытается найти свое место в жизни.

Из-за ее слов я начинаю немного сердиться.

— Мы не отверженные.

Она только пожимает плечами.

— Мы не резонируем. И из-за этого все равно невольно чувствуешь себя немного отверженной.

Знаю..., но еще я знаю, почему я не резонирую.

— Не стоит расстраиваться, — заверяю я ее. — Я совершенно уверена, что, если вам хочется иметь семью, в какой-то момент вы начнете кому-то резонировать. Целительница говорила, что такие вещи иногда требуют времени.

Это также объясняет, почему я не резонирую, но я держу эту мысль при себе.

Она легонько фыркает.

— Я знаю, почему я не резонирую, Кайра. Тебе не нужно пытаться подбадривать меня.

— Что ты имеешь в виду?

Она сидит в своем гнезде из шкур, и на мгновение ее лицо накрывает невероятная печаль.

— Я была беременной, помнишь? — она дотрагивается до своего живота. — Они высосали его из меня, будто он пустое место. И без разницы, что это было незапланированно. Просто дурацкая ночь в клубе, которая перешла в секс по-пьяни. Я даже не знала имени того парня.

Я ничего не говорю. Как я могу ее осуждать? Кажется, что та жизнь, которой мы жили, была очень много лет назад.

— Но я все еще вспоминаю об этом, — говорит она слабым голосом. — Я все еще задаюсь вопросом, — она на мгновение отводит взгляд, потом быстро моргает. — И мне кажется, что мой кхай знает, что мое тело еще не готово к другому ребенку. Как будто он дает мне время, прежде чем вернет меня обратно в строй.

— Ооо, — не знаю, что еще тут можно добавить.

— А у Джоси установлена внутриматочная спираль, — говорит Меган. — Думаю, она поэтому не резонирует. Другие девочки тоже могут быть под действием какого-то контроля над рождаемостью. Я начинаю подозревать, что все мы, кто не резонирует, просто не способны зачать, — она смотрит на меня. — Ты под уколом?

Я мотаю головой.

— Ясно, — она пожимает плечами. — Ну, тогда ладно. Джоси не говорила, но она боится, что кто-то поймет, что у нее спираль и она не в состоянии забеременеть, и она понятия не имеет, как они могут отреагировать. Ее нельзя винить за стремление к тому, чтобы быть принятой в эту среду.

Я ничего не говорю. Джоси надрывалась до крайности, пытаясь научиться, как выделять шкуры, плести, готовить и всему прочему, что только приходит ей в голову. Мне казалось, что этим она просто выпускает переизбыток своей энергии и снимает нервозность. *Бог ты мой. Я и правда бесполковая.* Конечно же, она напугана. Как и все мы.

Эти инопланетные мужчины заинтересованы в нас из-за того, что мы из себя представляем. Мы — утробы. Мы — их шанс на семью. Если мы не можем им это дать,... в какой момент они прекратят нас кормить? Прекратят предоставлять нам крышу над головой?

Вдруг стены пещеры становятся слишком тесными и начинают давить. Мне тяжело дышать.

— Я... думаю, мне нужно прогуляться, — говорю я Меган. Я должна выбраться отсюда. Меня снова начинает накрывать чувство безысходности. Стены будто надвигаются на меня. Не поменяли ли мы один плен на другой?

И что они сделают со мной, когда узнают, что я бесплодна? Что, еще будучи ребенком, у меня лопнул аппендицит, а инфекция поразила мои яичники, и у меня вообще никогда не будет детей?

Что тогда будет со мной?

AEXAKO

Я вижу, как маленькая фигурка Кайры в спешке вылетает из пещер, и я непроизвольно следую за ней, словно хищник, преследующий свою добычу.

Кайра очаровала меня с самого начала. С тех пор, как мы спасли их из той черной пещеры, в которой они прятались, меня потянуло к человеку с печальными глазами и странным устройством, выступающим из ее уха. Вот я и подумал, что буду резонировать ей, но мой кхай остается безмолвным.

В то же время, когда она рядом, мой член уделяет ей должное внимание. Он оживет, когда она зачесывает пряди своих каштановых волос за свое маленькое, совершенное, неукрашенное ушко. Он судорожно дергается в ответ всякий раз, когда она улыбается

одной из своих редких улыбок другим человеческим женщинам. А когда она краснеет и в спешке убегает от меня? Это разжигает внутри меня хищника.

Я хочу найти ее и, схватив, сжать в тисках своих объятий. Вдавить ее в снег и трахать до тех пор, пока не услышу свое имя из ее уст.

Но она не уступает мне. Наверное, это ее человеческий образ поведения. Я дал ясно понять, что заинтересован в этом конкретном человеке, но она игнорирует любые мои попытки привлечь ее внимание. Она редко бывает одна, всегда окружает себя другими человеческими девушками. Это может оказаться моим единственным шансом передать ей тот человеческий подарок в знак ухаживания, который предложила ее подруга Лииз.

Я мчусь обратно к своей постели, чтобы забрать предмет, который я выстрогал. Я отдам его ей, и она узнает о моей заинтересованности. Я хочу увидеть выражение ее лица, когда она осознает это. Хочу видеть, как ее нежные, маленькие человеческие губки раскрываются от удивления. Я хочу прикоснуться к ее гладкому лбу и узнать, в каких местечках еще она гладкая.

Я хочу прикоснуться к тому третьему соску у нее между ног, о котором упоминал Вэктал и который имеет его пара. Он рассказывал, что тот заставляет ее визжать. Я хочу заставить Кайру визжать и потерять то свое осторожное, спокойное внутреннее состояние, которое всегда отражается на ее лице. Я очень хорош в постели. Я знаю, что могу ублажить ее.

Мысли о том, что серьезная Кайра раскинувшись кончает в моих руках, заставляет мой член напрячься в моих штанах, и я сквозь ткань потираю его рукой, облегчая боль. У меня уже долгое время не было женщины, и мой член с готовностью откликается на мысль о том, чтобы снова погрузиться в теплое, гостеприимными складками прикрытое влагалище женщины.

— Вот ты где, — мурлычет голос.

Я сдерживаю стон раздражения, когда Айша неторопливой походкой входит в пещеру моей семьи. Моя постель ближе всего ко входу и весьма ограничивает возможность уединиться. Уж точно не для того, что у Айши на уме.

— Я сейчас очень занят, Айша, — говорю я грубым голосом в надежде, что она поймет. Я скрываю подарок для Кайры на поясе моих штанов, потому что последнее, чего хочу, чтобы кто-то вроде Айши видел, что у меня, прежде чем это увидел мой желанный адресат.

— Химало показывает одной из уродливых человеческих девушек, как красит кожу, — говорит она, а затем движется вперед, чтобы положить руку мне на грудь. — Не хочешь пойти со мной в мою пещеру?

Я убираю ее руку со своей туники. Некогда я приветствовал пристальное внимание Айши. Она была не спаренной и кокетливой, и я охотно занимался с ней постельными утехами.

До тех пор, пока она не стала резонировать скромному Химало, одному из дубильщиков племени (*прим. имеется в виду выделка шкур*). Айша была недовольна — в то время она прыгала из постели одного несвязанного охотника в другую, переполненная страстным желанием порезвиться и получать удовольствие. «Резонирование» означало, что она приобретает пару и семью... к тому же в лице того, кого она просто не хотела. Их спаривание было не самым радостным событием, но я искренне пожелал ей счастья.

Впрочем, я вздохнул с облегчением, потому что Айша может быть раздражающе-приставучей, когда ей надо, чтобы все было так, как она хочет. Я просто счастлив, что она не моя пара.

Но ее комплект умер через несколько дней после того, как появился на свет, и она со своей парой постоянно грызется, а теперь она стремится опять взяться за старое..., вот только я не заинтересован в паре другого мужчины. К тому же Айша больше не единственная молодая женщина в племени.

Она цепляется мне в руку.

— Аехако, постой.

— Я занят, Айша. Найди свою пару, если тебе хочется секса.

Она в раздражении фыркает и хлопает меня по руке.

— Мне он не нужен. У нас нет общих детей. Почему я должна оставаться связана с ним? — она следует за мной, когда я, выйдя из уединения пещеры своих родителей, направляюсь в главное помещение племени. — Насколько я помню, раньше тебе нравилось делить со мной шкуры.

— Меня интересует другая, — отвечаю я ей.

Айша задыхается и, вцепившись в мою руку, тянет меня назад, чтобы повернуть лицом к себе.

— Надеюсь, она не одна из тех людей?

— Кем же еще она может быть? — я издаю сдавленный смешок.

— Но они ведь страшно... уродливые.

Я закатываю глаза.

— Разве это имеет значение?

Я не считаю их уродливыми. Отличающимися, да. Интригующими? Несомненно. Они могли бы быть столь же красивыми, как рыба-кас с ее переливающейся чешуей, но Айша все ровно посчитает их уродливыми, потому что они - соперницы. Бедняжка Айша столкнулась с угрозой — раньше все молодые охотники в племени были в полном ее распоряжении. Теперь она вынуждена наблюдать, как они спариваются со своими собственными парами, и испытывает крайнее недовольство из-за своего ущемленного положения.

Она надувает губки.

— Я истосковалась по тебе, — говорит она, пробуя другую тактику. — Аехако, прошу тебя.

Я окидываю ее сокрушительным взглядом. Она зря тратит мое время, ведь все это время Кайра снаружи одна. Это крайне редкий случай, когда я могу провести время с ней и никто не стоит у меня над душой.

— Мне нужно идти, — говорю ей твердым голосом и поправляю подарок, который прячу под своей одеждой. Айша окидывает меня любопытным взглядом, но отходит в сторону. Я трусцой бегу ко входу из пещеры, высматривая маленькую фигурку Кайры. Люди ростом едва достигают до моей груди, а я даже не самый высокий из мужчин в нашем племени. Они — хрупкие существа, и меня беспокоит, что снаружи Кайра подвергает себя опасности.

В снегу я вижу следы и, выйдя из пещеры, следую за ними к находившемуся неподалеку холму, где в изобилии растут целебные растения Мэйлак. Они вклинились в

небольшую долину, оградившись от самых пагубных ветров. Кайра здесь и с хмурым выражением на лице с яростью срывает с растения листья.

Когда я приближаюсь, она поворачивается и впивается в меня взглядом. Я — тот, кто вызвал у нее гнев? Я усмехаюсь про себя. Щеки у нее покраснели в тот необычный розовый цвет, который некоторые находят в людях уродливым. Я считаю его очаровательно-восхитительным. В ней — целый ряд занятых цветов — розовый и каштановый, а ее яркие глаза, благодаря симбионту, цвета кхай-синевы.

— Привет, моя маленькая подружка, — приветствую я ее.

— Я тебе не подружка, — бормочет она. — И я не маленькая.

В ответ на это я лишь усмехаюсь.

— Тебе следует попить немного тех интисарских растений, — указываю я ей. — Они полезны для зрения.

Она бросает на меня еще один свирепый взгляд.

Я вовсе не против. Я предпочитаю проявление у нее гнева, чем печаль в ее глазах, которая у нее столь часто отражается на лице.

— Я не нуждаюсь в травах для зрения, — заявляет она мне.

— Нет? — поддразниваю я и направляюсь в ее сторону, и тогда указываю на другой куст. — А вот этот — для мужской потенции.

Она окидывает меня потрясенным взглядом, а ее щеки снова заливают розовый румянец.

— Я в нем, разумеется, не нуждаюсь, — говорю я ей. — Мой член многие часы может оставаться стоячим и не повиснуть. Это растение в основном предназначено для старшего поколения или мужчин, которые долгое время болели и желают спариваться со своими парами.

Шум, который она издает, — удушье.

— Даже слышать не хочу про твой... пенис, — она бросает на меня еще один злобный взгляд. — Может, тебе стоит пойти и поговорить об этом с той своей подружкой поподробнее. Она, кажется, заинтересована в тебе.

— Ты что, ревнуешь? — спрашиваю я, будучи этому счастлив. Я пытался дать понять Кайре, что заинтересован ухаживать за ней, но она отвергала меня на каждом шагу. Она передумала? Я восхищаюсь ее прекрасными каштановыми волосами, когда они развиваются на ветру, и представляю, как они рассыпаются у меня на груди.

И тогда мне снова приходится поправлять свои штаны.

— Ревную? Ха! С чего бы мне ревновать? Я уродлива, помнишь? — она постукивает по блестящей металлической раковине, прикрепленной к ее уху. — Я слышала каждое слово из вашего разговора!

Я не в силах убрать восторженную улыбку со своего лица. Она слышала мой разговор с Айшей. *А она ревнивая. Меня это весьма радует.*

Может быть, Кайра все-таки не такая уж и равнодушная. Самое время подарить ей подарок в знак моего ухаживания.

КАЙРА

«Но они ведь страшно уродливые».

«Разве это имеет значение?»

Эти слова звенят у меня в ушах, когда я срываю листья с одного из зимних растений. *Дурак. Дурак. Дурак.* Будто мне без разницы, что ему плевать, как я выгляжу, главное, чтобы он меня трахал.

— Почему бы тебе просто не вернуться обратно внутрь и оставить меня одну?

— Как я могу оставить тебя одну? — у Аехако до сих пор есть та поддразнивающая нотка в голосе, от которой у меня в животе все трепещет... и в это же время хочется ему врезать. Он кладет свою ладонь мне на руку. — Ты вырвешь все листья с этого растения. Если оставлю тебя, то найду весь холм голым, — шутит он. — Мэйлак будет очень недовольна.

Я снова свирепо смотрю на него, но перестаю обнажать куст, на который я накинулась. Он совершенно прав — я собрала листьев намного больше, чем следовало, но этот мужчина меня так чертовски расстроил.

— Я закончила с растением. Теперь ты свободен и можешь идти.

Однако он не уходит. Вместо этого он протягивает руку и прикасается к переводчику, торчащему из моего уха. Мужчина пальцами проводит по раковине моего уха, где он прикреплен, и мне приходится сдержать дрожь, которая меня пробрала от его прикосновения.

— Эта штука причиняет тебе боль?

— Это не очень-то приятно, — а вот его прикосновение очень даже приятно. Его палец на моей коже чувствуется невероятно теплым, и покалывания от осознания этого распространяются по моим рукам. — Он тяжелый, и мне неудобно спать. К тому же он ужасно холодит.

А еще я слышу все разговоры на мили вокруг...

— Может, просто вытащить его оттуда? Хочешь, чтобы я попробовал?

Я отстраняюсь от него. В моей голове взрываются всплески ужасных воспоминаний, и я еще крепче натягиваю шкуры вокруг своего тела.

— Они хирургически его имплантировали. Я сама пыталась его вытащить, но он находится слишком глубоко. Мне просто приходится смириться и жить с ним.

Ну, могло быть и намного хуже. Они могли изнасиловать меня так же, как Джоси. Они могли лишить меня моего малыша так же, как Меган.

— Я хочу тебе помочь, — тихо говорит Аехако, и нотки всякого поддразнивания исчезли из его голоса.

Я смотрю на него, и слабый намек на улыбку появляется на моих губах.

— Это так мило с твоей стороны, но мне и так хорошо. Я серьезно.

Я бросаю смятые листья в кожаный мешочек. Хотя он и прав, я сдавливаю их чуть ли не до уничтожения. Я даже не уверена, стоит ли мне отдавать их Мэйлак. Они выглядят сильно помятymi.

— Ты на меня злишься, Печальные Глаза, не так ли? Я что-то не так сказал или сделал? — он наклоняется ближе, и я улавливаю дуновение его запаха. Он пахнет ягодами, которые они используют для мыла, и совсем чуть-чуть потом, который отчего-то на нем пахнет замечательно. — Моя цель — заставить тебя улыбнуться, а не омрачить твоё лицо еще большей печалью.

— Я в полном порядке, — утверждаю я, пусть даже его недавний разговор с женщиной ша-кхай все еще причиняет боль. Для меня очень важно, считает ли он меня привлекательной. Я всего лишь человек — смех, да и только!

— Нет, ты не в порядке.

— Ну да, а тебе нравится посыпать соль на рану, — отвечаю я непроизвольно, а потом меня мысленно передергивает от отвращения. *Тьфу. Ну почему же меня так заносит?*

— Что это за высказывание? Я не понимаю, — он наклоняет голову. — А разве слова «в порядке» в данном случае это уместные слова?

Рахош говорит, что он не понимает половину того, что говорит Лиз, поэтому я переживаю, что наш языковой барьер серьезнее, чем мы думали.

— Не бери в голову, — отвечаю я быстро и отхожу в сторону, так как он подошел очень уж близко, и от этого я начинаю трепетать от волнения. — Думаю, Мэйлак нужно побольше чайных листьев.

Я торопливо направляюсь к следующему растению.

— «В порядке»* означает... аaaa, — он начинает хихикать и следует за мной. — Ты слышала мой разговор.

*Прим.: в данном диалоге между героями речь идет об игре в толковании слов, так как слово «fine» с английского переводится и как «в порядке», и как «прекрасно», «великолепно» и т.д.

Я пожимаю плечами, уклоняясь от ответа на вопрос.

— Ты слышала, и твои чувства задеты, потому что считаешь, что я не нахожу тебя привлекательной.

— Вовсе нет, — вру я, отворачиваясь от него. Но у меня такое чувство, будто мои эмоции у меня на лбу написаны, а он может видеть меня нас kvозь.

— Хмм. Разве? Тогда посмотри мне в глаза, Печальные Глаза, и скажи еще раз.

Я не смотрю. Я срываю несколько листьев с нового куста, потому что это отличная возможность, чтобы отвлечься.

— Посмотри на меня, Кайра, — снова велит он.

Я украдкой поднимаю на него глаза. Я в недоумении, отчего меня так сильно влечет к этому инопланетянину. В прошлом, на Земле, отношения для меня не существовали. Я из того типа девушек, которые словно... невидимки для парней. Я не одеваюсь в сексуальную одежду, не флиртую и редко пользуюсь косметикой. Мои волосы банально каштановые и скучно прямые, лицо у меня чуточку удлиненное, чтобы считалось красивым. Даже собеседник из меня никудышный. Я не девственница, надеющаяся выйти замуж.

Я девственница, потому что я скучная и несексуальная. Обычно мне было бы наплевать. Но Аехако? Он очень мужественный и настолько потрясающий, что аж дух захватывает. Он — один из немногих ша-ххай, который стрижет свои волосы коротко. Стрижка у него чуть ли не под корень, и она лишь привлекает внимание к его широкой, обаятельной улыбке и огромным рогам, которые выступают от линии роста его волос. Защитные, бугристые нарости у него на лице более заметны, и это делает его лицо — особенно его нос — бледнее, чем остальное. Но у него настолько привлекательная улыбка, что не можешь не найти этого мужчину красивым. Он высокий и мускулистый, плотного, а не худощавого, как у пары Лиз Рахоша, строения, и все его тело синевато-серого цвета, который я нахожу интригующим.

Сказать, что он вызывает отклик у меня в душе — это еще преуменьшение. И мне ненавистно, что он не реагирует так же и на меня. Я снова отвожу взгляд.

— Мне абсолютно наплевать, считаешь ли ты меня уродливой.

— Но я вовсе так не считаю, — шепчет он, и я чувствую жар его большого тела, когда он снова приближается ко мне. — Я попросту не стал поправлять Айшу, чтобы отдалиться от нее, так как мне не хотелось продолжать тот разговор.

Так значит, он считает меня хорошенькой? Счастливая дрожь пробегает сквозь меня.

Я рублю на корню в себе ход подобных мыслей. Не имеет значения, находит ли он меня привлекательной. Флиртовать с ним — точно ошибка, я не могу допустить, чтобы потом я страдала от разбитого сердца.

Я бесплодна. Вряд ли он когда-нибудь будет мне резонировать. Он может флиртовать, сколько хочет, но, вступив со мной в серьезные отношения, мы можем оказаться в тупике.

— Мы просто друзья, — говорю я, когда он наклоняется ближе.

— Если мы просто друзья, почему тогда ты так переживаешь?

— Я не переживаю, — снова возражаю я. Затем оглядываюсь на его лицо, которое в нескольких дюймах от моего. От этого у меня снова начинает странно трепетать в животе, словно там порхают бабочки. — Почему... почему ты стоишь так близко?

Однобокая, чересчур сексуальная усмешка растягивает его губы.

— Потому что ты все время продолжаешь пятиться назад, — он наклоняется вперед, — и мне нравится, как ты пахнешь.

— Ахако, — говорю я нежным голосом. Я не могу давать ему надежду. Он должен понимать, что флирт со мной ни к чему его не приведет. Он должен приберечь свое внимание для женщины, которая когда-нибудь сможет стать его официальной парой. — Послушай..., — я прерываюсь, потому что он что-то вытаскивает из-под своей туники. — Что ты делаешь?

— Я отдаю тебе подарок в знак моего ухаживания, — он вытаскивает из-под туники что-то длинное, толстое и завернутое в кожу и протягивает его мне.

— Подарок? — я принимаю это, глубоко тронутая вниманием. Мы, люди, владеем столь немногим, что я и так уже чувствую себя страшной нахлебницей из-за всего этого необходимого, что добрые инопланетяне ша-кхай предоставили нам. А сейчас он делает мне подарок?

— Подарок в знак моего ухаживания, — подчеркивает он. — Я очень усердно над ним трудился.

Подарок... в знак ухаживания? Это у ша-кхай такие обычай?

— Ясно, — мне не стоит принимать его, но должна признаться, мне любопытно, что это такое. Он заполняет мои руки, и где-то с фут длинной (*прим. ок. 30 см*), к тому же толстый, как бейсбольная бита. Я медленно разворачиваю его... А потом, вытаращив глаза, пялюсь. *Не может быть, это ведь не...* — Это твой, эээ, пенис?

Он гордо кивает головой.

— Он имеет довольно точное сходство. Я упорно трудился, чтобы он выглядел точь-в-точь. Правда, из-за того, что я часами пялюсь на свой собственный член, пока строгаю ножом, остальные посчитали, что я спятил, — он пожимает плечами. — Разве он тебе не нравится?

Это же дилдо! Я пялюсь на него в смеси ужаса и неверия собственным глазам. Он сделан из кости, и мне становится немного страшновато от того, какого рода тварь может иметь кости вот такой... толщины. О, Боже, я краснею. Он и правда очень-очень толстый. И длинный. Это ведь не может быть реальным размером его пениса. Уж ни с чем не спутаешь тяжелую головку на конце, и вены, прослеживающие длину его, кхм, оборудования. Это однозначно пенис. Вдоль верхушки даже имеются выпуклости, похожие на нарости, что у него на бровях и больших, мускулистых руках. Причем на нем имеются даже яйца, а над членом выпирает нечто, что подозрительно похоже на мизинец.

Господи всемогущий, да это, должно быть, и есть та самая «шипора», о которой упомянула Лиз. А я-то думала, что она насмехается над нами.

Как оказывается, это совсем не так.

Я толкаю эту... штуковину... обратно ему.

— Я не могу принять это!

На мгновение он выглядит подавленным. Его смеющаяся улыбка исчезает, а лицо накрывает свирепое выражение.

— Ты делаешь это из-за другого? На твое сердце кто-то уже заявил свои права?

Я легонько покачиваю головой.

— О чем ты говоришь?

Я совершенно сбита столкнувшись, но продолжаю толкать дилдо обратно ему.

Он сводит брови, а руки упирает в боки.

— Разве это не надлежащий подарок, чтобы подтвердить серьезное намерение ухаживать за девушкой?

— Люди не преподносят подарки, чтобы подтверждать намерение ухаживать!

— Но Лиз... — он прерывается, когда полное осознание произошедшего накрывает его с головой.

— Я ее прикончу, — говорю я зловещим голосом.

Вместо того, чтобы разозлиться, Аехако откидывает назад свою большую, рогатую голову и взрывается от ревущего хохота. Хватаясь за живот, он разрывается от безудержного смеха. Хорошо, что хотя бы одному из нас весело от этой маленькой шутки. Понятия не имею, что мне теперь делать.

— Забери это, — говорю я, толкая вещицу ему в руки.

Он, все еще посмеиваясь, вскидывает руку и качает головой.

— Ну нет, это предназначалось в знак ухаживания, а я в самом деле намерен за тобой ухаживать, мой человек с печальными глазами. Так что, оставь его себе, — он задорно шевелит бровями. — До тех пор, пока тебе не захочется увидеть оригинал?

— Я... что? Нет! — шиплю я. — Не собираюсь я смотреть на твой пенис!

— Ты уверена? Он очень даже хорош. Ты только посмотри, насколько внушителен мой подарок! — он жестом показывает на костяной дилдо. — С ним я доставил бы тебе огромное удовольствие. В постели я весьма хорош.

— Даже слышать не хочу о твоих сексуальных подвигах, — я шиплю. Потом снова заворачиваю вещицу в кожу, потому что, будь я проклята, если стану размахивать огромным дилдо, проходя через всю пещеру, а он, судя по всему, не собирается забирать его обратно.

— Нет? — на какой-то миг он выглядит весьма расстроенным. — Как тогда человеческие мужчины ухаживают за женщинами, которые им нравятся?

— Ну, не дарят же им искусственный возбужденный пенис. Они дарят им цветы, шоколад, поцелуй и всякое такое.

Он скрещивает руки на груди.

— Мне казалось, ты говорила, что они не дарят подарки.

— Поцелуй — это не подарки!

— А что это?

Совершенно озадаченная я пялюсь на него, хлопая глазами. *Он не знает, что такое поцелуй? Он, должно быть, подшучивает надо мной?*

— Это уловка с подвохом, да? — говорю я, с подозрением глядя на него. — Я, как предполагается, рассказываю тебе, что такое поцелуй, после чего ты настаиваешь наглядно продемонстрировать, а в следующий миг — наши миндалины уже вовсю играют в хоккей.

Когда я говорю, он сильно хмурит брови, и очевидно, что он понятия не имеет, о чем я толкую.

— Миндалин... хо-ки?

— Может, хватит уже, — я вне себя от гнева и на него, и на Лиз, так как они оба, похоже, сговорились против меня. — Поверить не могу, что Лиз стала бы рассказывать тебе про дилдо, но ни слова о поцелуях.

— Так значит, они похожи? — в его глазах отражается хитрый блеск.

— Хватит уже с меня этого разговора, — я ухожу, направляясь поближе к кустам. — Тебе лучше уйти.

— Почему тебе так сложно поверить, что я хочу быть с тобой, Кайра? — он приближается ко мне, настроен решительно как никогда, и своей большой рукой прикасается к моему плечу. Вся моя выдержка уходит на то, чтобы не потянуться к этому легкому контакту между нами. Я так изголодалась по любви и взаимной близости, что не доверяю самой себе, но попросту не сброшу свои трусики лишь потому, что он представляет собой кое-какую стабильность в этой странной новой жизни.

— Потому что мы не резонируем друг другу, — говорю я усталым голосом. И не будем резонировать, потому что мое тело лишилось способности рожать детей, и неважно, как сильно мне бы этого хотелось. Или же парню, стоящему рядом со мной.

— Неужели мы не можем наслаждаться тем невероятным удовольствием, что предлагают нам наши тела? — он наклоняется ближе, и я чувствую жар его тела напротив моего, хотя я даже не смотрю на него. — Разве мы не можем познать радость прикасаний друг к другу?

— А дальше что? — спрашиваю я. — Что произойдет, когда ты начнешь резонировать кому-то другому, или же я?

Он пожимает плечами, а его большое тело совершенно расслабилось.

— Тогда жизнь продолжается, а мы празднуем создание нового союза.

И никто не испытывает хоть каких бы то ни было глубоких чувств? По-моему, в такое трудно поверить, но я держу свои мысли при себе. Никакой ревности? Никакой жгучей испепеляющей обиды? Никакой зависти, что кто-то другой завладел твоим возлюбленным?

Возможно, он может отключить свои чувства с помощью выключателя, но я-то знаю, что создана не такой. Я знаю, что, когда соглашусь на роман, я захочу реальный

роман. Чтобы между нами были серьезные отношения, а не быть просто секс-приятелями. Я хочу быть любимой и любить в ответ.

Но, к моему сожалению, все, что Аехако может предложить, — быть просто секс-приятелями.

— Не интересует, — лгу я и окидываю его своим самым серьезным «Серьезная-Кайра-Говорит-Совершенно-Серьезно» выражением лица. — Так что можешь бросить это дело прямо сейчас.

Он вздыхает и слегка качает своей большой головой.

— Мы еще поговорим, Печальные Глаза. Я не собираюсь тебя бросать, даже если ты сама махнула на себя рукой.

Он протягивает руку и проводит пальцем по моей щеке, а потом уходит.

От этого легкого прикосновения у меня на коже остается ощущения покалывания, я переполнена ноющей потребностью. *Почему я? Ну почему именно я должна быть самой невезучей девушки на всем свете?*

Потому что знаю, что, как только я уступлю своему желанию и заведу отношения с Аехако, в тот же момент он может начать резонировать другой женщине.

И я останусь одна. Опять.

Только тогда, когда он уже на полпути вниз по холму, я осознаю, что у меня в руках все еще завернутый в кожу дилдо.

— Постой, — кричу я. — Забери это!

Он игнорирует меня.

Я остаюсь на открытом воздухе до тех пор, пока больше ни секунды не могу выносить холода. Тогда, когда мои пальцы озябли от мороза, губы потрескались на ветру, а моя сумка полна трав, я наконец-то возвращаюсь в пещеры. Дилдо я запихнула в сумку с травами, так как не знаю, что еще с ним делать, однако он неприлично выпирает. Дело в том, что он просто огромен. Быть такого не может, чтобы у какого-нибудь парня был такой здоровенный член. Не то, чтобы я была экспертом по членам, разумеется. На мгновение я задумывалась даже о том, чтобы закопать его где-то в снегу, но после всего этого времени и усилий, что Аехако вложил в него, это кажется неправильным.

К тому же, оставшись одна, я могу и захотеть поизучать его чуточку поподробнее.

Направляясь внутрь, я дую себе на пальцы, пытаясь согреть их. Перчатки имеют первостепенное значение, равно как и снегоступы. Если честно, то на самом деле мы нуждаемся во всем понемногу. Лифчики, трусики — и я содрогаюсь при мысли, каково будет, когда у меня в очередной раз начнутся месячные. В прошлом месяце их у меня не было, но они у меня никогда и не были регулярными. Хвала богам за это, потому что эти люди носят одежду из кожи, а из нее получается не лучшая пара трусов. Пусть у нас возможности весьма ограничены, все же нищим выбирать не приходится. Нам еще повезло, что мы живем в тепле и сытости.

В главной пещере довольно тихо, пусть даже я и наблюдаю нескольких людей, проводящих время в центральном бассейне. Днем многие из мужчин выходят неподалеку охотиться на мелкую дичь или занимаются всевозможными ремесленническими работами. Джоси говорила мне, что у мужа Мэйлак, Кэшрема, всего в нескольких шагах есть

пещера, которую он использует для дубления и выделки кожи, и там всегда так ужасно воняет, что может вызвать раздражение даже у нашего притупленного обоняния.

Я направляюсь к пещере целителя и стучу по стене снаружи, потому что над входом затянут кожаный занавес.

— Мэйлак?

— Кэй-ша, — она кричит.

«Входи», — произносит переводчик мне в ухо.

Я вхожу внутрь, но она не одна. Меган лежит на циновке перед целителем, а трехпалые руки Мэйлак трогают ее живот. Ее глаза неистово светятся, что, как я узнала, происходит, когда она глубоко погружается в целительство. В углу Эша, маленькая дочка Мэйлак, играет с несколькими костяными игрушками.

— Ооо! Я не вовремя? — я говорю это на английском, потому что мы все еще не знаем их инопланетный язык.

— Ничего страшного, — говорит Меган, нежно улыбаясь. — Я просто зашла, чтобы Мэйлак осмотрела меня и все такое. Хочу убедиться, ну, понимаешь, … все ли органы у меня функционируют исправно или маленькие зеленые человечки навредили кое-чему.

Когда они делали ей аборт? Ооо! Я даже не подумала об этом. Я сажусь в конце циновки, тогда как Мэйлак окидывает меня застенчивой улыбкой, а потом продолжает свое дело, мягко прижимая руки к животу Меган. Ребенок — ей должно быть годика два, минимум — смотрит на меня и, счастливо лепеча, ковыляет ко мне.

«Перевод отсутствует», — передает переводчик. Это — детский лепет. Я улыбаюсь и протягиваю руки Эше, и она бесстрашно залезает мне на колени. Ее маленькая синяя ручка тут же тянется к моему лбу и потирает его, исследуя различие между ее наростами и моей гладкой кожей.

— Я собрала травы и решила их занести, — говорю я, чтобы объяснить причину своего прихода. — Ей удалось найти что-нибудь плохое?

Меган пожимает плечами, но не встает.

— У нас тут что-то вроде языкового барьера, но до сих пор в ужас она не приходила.

— Это же хорошо, — говорю я, а потом подавляю смех, когда Эша отгибает мне губу и исследует мои прямые зубы. У нее самой острые маленькие клыки.

— Эша, — Мэйлак окликает ее и легонько трясет головой.

— Все в порядке, — говорю я и немного отворачиваюсь от ребенка. — Я не жалуюсь.

Я люблю детей. Знаю, Лиз жаловалась на то, что еще не готова стать мамой, да и Джорджи говорила, что никогда не задумывалась о детях, а я думала. Я постоянно думаю о них. Может, потому что у меня их не может быть.

Мэйлак похлопывает по животу Меган, и неистовый свет в ее глазах немного смягчается.

— Закончила, — говорит Мэйлак на своем языке, а переводчик непроизвольно оживает словами.

— Она закончила, — говорю я Меган, которая, выжидающе, смотрит на меня.

— Со мной все в порядке? — Меган, усаживаясь, спрашивает у Мэйлак. Она кладет руку на свой живот, а затем двигает руками в ритмичные укачивающие движения, означающее убаюкивание ребенка. — Все у меня нормально функционирует?

Целитель кивает головой и издает поток инопланетной речи, жестами указывая на живот Меган, а потом смотрит на меня. Они все знают, что я могу перевести. «*Недавно твоей утробе нанесли рану*, — говорит Мэйлак. — *Когда-то там был младенец, но больше его там нет. Твой кхай сейчас занимается восстановлением повреждений. Он уже почти закончил, и когда это произойдет, не должно быть никаких препятствий, из-за которых ты не могла бы вынашивать ребенка, как любая другая женщина. Просто подожди еще один оборот Маленькой Луны и сама увидишь*».

Я перевожу для Меган и морщусь, когда маленькие, хваткие ручонки Эши натыкаются на мой переводчик и дергают за него. Немного завидуя улыбке облегчения, которая все шире растягивает губы Меган, я осторожно оттягишаю маленькие пальчики Эши, чтобы высвободиться.

— Я так рада это слышать, — она жестом указывает на целителя, которая смотрит на меня. — Если хочешь, она и тебя посмотрит? Ну, чтобы узнать причину, по которой ты не резонируешь.

Я прикусываю губу, а затем мотаю головой.

— Я и так знаю, почему я не резонирую.

— Ну и в чем же дело? — ее глаза широко распахнуты.

Я колеблюсь. Я так боюсь кому-нибудь об этом рассказывать, но еще я испытываю необходимость с кем-то разделить свое бремя. Я хочу, чтобы хоть кто-то понимал, почему со мной настолько непросто иметь дело.

— Когда мне было тринадцать, у меня лопнул аппендицит. Я едва не умерла и много времени провела в больнице. По этой причине несколько из моих внутренних органов заразились, а когда мне стало лучше, врачи сказали мне, что я никогда не смогу иметь детей, — я пожимаю плечами. — Я знаю, что не резонирую, потому что бесплодна.

Выражение сочувствия в ее глазах причиняет мне боль. Она бросает взгляд на Мэйлак, которая не в состоянии понимать наш разговор.

— Послушай, может, она все же взглянет. Может быть...

Я качаю головой и устраиваю поуютнее Эшу, остерегаясь ее маленьких рожков, выступающих из ее детской головки. На данный момент они завернулись, прилегая к ее голове, но они вырастут и будут больше выступать.

— Что будет, то будет. Я ужасно боюсь, что получу от них пинка под зад, как только они узнают правду.

— Я буду молчать и никому ничего не скажу, — горячо заверяет меня Меган. — Клянусь тебе.

— Спасибо тебе, — я улыбаюсь ей теплой улыбкой.

Она улыбается мне в ответ, но тут выражение ее лица меняется и становится таким причудливым. С ее губ срывается хихиканье.

— Эээ, у тебя есть еще кое-что, о чем тебе хочется рассказать?

Я слегка растеряна ее вопросом, но тут и Мэйлак начинает хихикать.

— Эша!

Я опускаю взгляд и вижу, что малышка нашла мой подарок в знак ухаживания... и очень сосредоточенно разглядывает его.

— О, господи, — бормочу я и, забрав его у нее, снова заворачиваю его в кожу. — Мне это подарил Аехако.

— А, ну да, — произносит Меган подтрунивающим голосом.

— Вини в этом Лиз. Она уверила его, что именно так человеческие мужчины ухаживают за женщинами.

— Ооо, проклонулись ростки романчика? — она складывает вместе ладошки. — Это же потрясающе!

Я качаю головой.

— Из этого ничего не получится. Я никогда не буду резонировать. Откуда мне знать, что завтра он не станет резонировать тебе? Или Джоси? Или Клэр?

А меня тогда в очередной раз бросят. Это — история моей жизни. Каждый раз, когда я встречаю парня — что само по себе очень редкое явление — и у нас начинаются отношения, я чувствую себя обязанной указать на то, что у меня не может быть детей. И поскольку я никому не отдаюсь, их интерес умирает. Я подружка не для длительных отношений. Я — краткосрочное, своего рода «не-очень-интересное» временное увлечение до тех пор, пока они не встречают ту единственную, с которой они хотят провести всю оставшуюся жизнь.

И ею никогда, вообще никогда не бываю я.

На этот раз сочувствующий взгляд Меган, полный жалости, меня действительно беспокоит.

— Будь, как будет. Вот, — говорю я, открывая свою сумку, чтобы свернуть тему разговора. — Я принесла тебе травы, Мэйлак.

В течение нескольких дней все спокойно. Люди по-прежнему загружены своими делами. Джоси решила, что хочет научиться готовить, а Тиффани все еще настойчиво пытается превратить шерсть двинти в своего рода пряжу. Меган проводит время с Мэйлак и около пещер ухаживает за лечебными травами, а Харлоу соскабливает шкуры. Клэр таится вместе со своим инопланетным ухажером, а, когда родители малышей заняты делами, присматривает за ними.

Все остаются чем-то занятными, включая меня. Здесь была измельченная соль из «большого соленого озера», расположенного в нескольких днях пути отсюда, и она бесценна для всех, поэтому я пытаюсь выяснить, как засолить и закоптить мясо, чтобы сохранить его подольше. Однако, еда очень ценна, поэтому я беру самые неприятные кусочки, вкус которых людям не нравится, и экспериментирую на них. Хотя и это кажется расточительным. Один из тайных складов замороженного мяса был похоронен под лавиной, и племя было обеспокоено тем, что, когда станет «действительно холодно», будет недостаточно продовольствия, чтобы накормить всех, поэтому все мы постоянно в рабочем режиме. Здесь появились «новые рты», беременные женщины, много тех, кого необходимо обеспечить столь нужной одеждой, поэтому нет времени сидеть сложа руки.

Последнее время я совсем не вижу Аехако. Он тоже уходит охотиться, и странно, но я истосковалась по его заигрываниям и смеху. Я убеждаю себя, что не должна, в то же время все остальные, похоже, просто отлично вписались на новом месте с этим племенем... за исключением меня.

Не удивительно, что я чувствую себя одинокой. Может, потому, что все мои самые близайшие подруги, кажется, обрели любовь. Мне ненавистно, что я испытываю зависть, когда вижу, как Вэктал кормит Джорджи кусочками мяса, или что Лиз с Рахошем

предпочитают проводить свое время в охотничьих угодьях, потому что это означает очень много времени оставаться наедине. Я завидую даже Ариане, потому что ее пара Золай изо всех сил старается заставить ее улыбнуться.

Единственный человек, который у меня остался, это Аехако, а я прогнала его.

Охотники находились в охотничьих угодьях всю неделю, и от этого в пещерах было тихо. И все же, когда, вернувшись с охоты с новыми шкурами, Аехако мне подмигивает, и очень трудно скрыть, что я краснею от волнения. Особенно, когда он утверждает, что сберегал шкуры для меня, чтобы из них изготовить плащ. Какой же он заботливый.

Ну, разумеется, тогда мне на ум приходит образ дилдо во всей своей полноте — вплоть до отдельных вен, и я снова заливаюсь краской смущения.

В тот же день приходят Лиз и Рахошем, притащив сани, полные мяса для племени, и собираются остаться здесь на ночь. Они входят одновременно с Кэшолом, одним из многих одиноких охотников в племени ша-кхай. Я обнимаю Лиз, радуясь встрече с ней. Она вся светится от счастья, пылает крепким здоровьем и любовью к своей паре.

— Ну, как охота? — спрашиваю я, лучезарно ей улыбаясь. — Твоя пара до сих пор продолжает тебя кормить?

Она заливается смехом и отступает в сторону, когда Кэшол, перебросив через плечо тушу двисти, заносит ее в пещеры племени на обед. Кто-то направляет его в девичью пещеру, наверное, потому что Тиффани пытается сделать нечто загадочное, чтобы сотворить что-то со всей этой шерстью двисти. Лиз все заливается смехом, снова привлекая мое внимание.

— Боже, ну конечно. Когда мы не трахаемся как кролики, мы едим. У нас так много еды, — она похлопывает себя по животу. — Рахош полон решимости поскорее увеличить меня в объеме.

Покрытый шрамами инопланетянин наклоняется и целует свою пару в макушку.

— Я должен пойти поприветствовать вождя, — он уходит в ту сторону, куда направлялся Вэктал.

С собственнической улыбкой на губах Лиз наблюдает, как он уходит, а затем она поворачивается ко мне.

— Как ты? Как жизнь в переполненных пещерах?

— Переполнена, — соглашаюсь я. — Мы все тут переступаем друг через друга. Они поговаривают, чтобы снова, через несколько лет, открыть вторую пещеру, как только родятся все детки.

— А она у них есть?

Я киваю головой.

— Судя по всему, когда-то недалеко от сюда у них была вторая, поменьше, но после болезни все перешли в одну.

— Так почему бы ее снова не открыть? — Лиз обнимает меня за талию, когда мы направляемся в девичьи пещеры, чтобы присесть и немного перевести дух.

— Потому что они не уверены, достаточно ли у нас запасов, чтобы накормить две пещеры, — говорю я ей. В последнее время это было самым обсуждаемым предметом серьезных разговоров. — Пещеры занимают полдня пути отсюда в хорошую погоду, а во время плохой погоды добраться до нее практически невозможно. Они опасаются, что зимой люди будут жить впроголодь. Пока что мы продолжаем оставаться здесь и смотрим, что из этого получится.

Не знаю даже, восхищаться ли мне, когда подумываю о еще одной пещере. Было бы не плохо иметь немного уединения..., но вместе с тем, я беспокоюсь, что это приведет к ситуации «отправка всех «отверженных» в другое место», а я не хочу, чтобы это произошло.

— Я не возражаю против толкотни, — добавляю я спустя миг. — Я...

В пещере эхом отзывается пронзительный визг. Мы с Лиз обмениваемся взглядом, ну а потом обе мчимся к девичьей пещере, так как именно там раздался этот визг.

Когда мы оказываемся на месте, видим Меган, обернувшую свои руки вокруг шеи Кэшола. Он держит ее в объятиях, своим лицом мужчина прижимается к ее лицу, а ее ноги не касаются земли. Она снова начинает хихикать и визжать, и тогда мы слышим это — чудесную гармонию легкого мурлыканья.

— Вот деръмо! — говорит Лиз и радостно хлопает в ладоши. — Вы двое только что стали резонировать?

— Так и есть, — отвечает Меган и целует в щеку ошеломленного Кэшола. — С тобой все хорошо?

— Моя пара, — молвит он благоговейно, а потом снова кружит Меган вокруг себя.
— Моя пара!

Она снова и снова покрывает его лицо поцелуями и тут чмокает его в губы, приводя Кэшола в замешательство.

К этому моменту у входа в пещеру уже сформировалась толпа, однако Меган с Кэшолом были настолько увлечены друг другом, что даже не обратили на это внимание. Переполненная счастьем, она смотрит ему в глаза, а он не может перестать прикасаться к ней. С тем же успехом нас могло и вовсе тут не существовать. Мурлыканье в пещере было достаточно громким, чтобы я ощущала собственную безмловную грудь сверхтихой.

— Сегодня прекрасный день, — заявляет Вэктал позади нас. — Наше племя продолжает расти и процветать.

— Эй, — произносит Лиз, когда Кэшол начинает расшнуровывать тесемки на своих штанах. В таком же забвении Меган теперь с огромным увлечением целует его глубоким поцелуем, что нам становится неприлично смотреть на них. — Думаю, мы должны оставить их одних.

Джорджи шагает вперед, проталкиваясь мимо всех зрителей, и опускает занавес над входом в девичью пещеру.

— Давайте оставим их наедине, — говорит она весело. — Большинство охотников вернулись, к тому же у нас хорошие новости. По-моему, это надо отметить.

Несколько радостных приветствий эхом отдаются под сводами пещеры, и начинается непрестанная болтовня, заглушающая мурлыканье счастливой парочки. Я ухожу, чувствуя себя немного потерянной и одинокой. Я должна быть счастлива за Меган. *Должна*. Почему-то я оглядываюсь по сторонам пещеры и вижу Аехако.

Он наблюдает за мной.

И душа у меня начинает болеть еще больше, потому что мне его не получить.

AEXAKO

У нас есть перебродивший чай, называемый сах-сах, в изготовке которого Кэшрем, муж Мэйлак, настоящий мастер. От него вонь как от задницы серпоклюзов*, но вкус на

языке ощущается приятно теплым, к тому же способствует избавлению от запретов. Во время праздника племя распечатывает один кожаный мешок сах-сах за другим, и все пируют, смеются и радуются. Старая Кемли и ее пара вытаскивают свои барабаны и флейты, и пещеру заполняет радостная музыка, перекрывающая любые шумы, которые может издать теперь уже резонирующая пара, поддающаяся требованиям кхай.

*Прим.: серпоклюв - не существующее животное.

Фарли, дочка Кемли, — пока еще настолько молоденькая, чтобы считаться лишь подростком — вытащила свои краски и раскрашивает декоративными символами кожу любого, кто в силах усидеть достаточно долго, чтобы дать ей это сделать. В моем сердце Фарли занимает свой прочный уголок, поэтому я один из первых, павший жертвой ее детской мольбы, и когда я сажусь, она разрисовывает мои рога спиральами, а мои лицо и грудь — размашистыми символами. Старейшины этому улыбаются — в свое время наши предки, как правило, украшали свои тела в честь спаривания, и они рады видеть, что обычай возрождается.

Кроме того, люди очень восторженно идут на раскраску, и я наблюдаю, как бледную кожу Джо-си разукрашивают синими фигурами. Неподалеку сидит Кайра с печалью в глазах и наблюдает. У нее улыбка на лице, но эта улыбка не достигает ее глаз. Такое случается редко. Время от времени она поглядывает на меня, но затем столь же быстро отворачивается.

Даже посреди торжества она кажется очень одинокой.

— Можно я возьму это? — спрашиваю я у Фарли, протягивая руку к горшочку с красноватого цвета краской. Они с Джо-си хихикают, глядя на разноцветную раскраску в «зебру», которую она разрисовывает, но красный в ней не используется.

— Разумеется, — отвечает Фарли на ша-кхай. — Собираешься кого-то раскрасить?

Я киваю головой и жестом указываю на Кайру.

— Похоже, ей не помешало бы принять большее участие в празднике.

Джо-си одаривает меня улыбкой. Она ни слова не понимает из нашего разговора, но догадывается, о ком я говорю.

— Будь добр, заставь ее улыбнуться? Она меня обламывает.

— Что это она обламывает у тебя?

Джо-си лишь снова начинает хихикать.

— Неважно.

Все-таки странные эти люди. Я беру краску и кожаный мешок сах-сах, и прежде чем направиться в сторону Кайры, я наклоняюсь к Джо-си еще раз.

— Ты знаешь, что такое поцелуй?

Она кокетливо мне подмигивает.

— Ты что, здоровяк, клеишься ко мне?

Я посмеиваюсь.

— Ты меня слишком быстро доконаешь.

Она хихикает, и совершенно очевидно, что уже какое-то время она прикладывается к сах-сах. Она вручает Фарли краску другого цвета, а затем закатывает один из своих меховых рукавов.

— И мои руки тоже!

Я выжидаю, пока Фарли в жесте двигает рукой, а затем начинает разрисовывать красочные круги на коже Джо-си.

— Поцелуй, — говорит Джо-си, погрузившись в раздумья. — По-моему, Джорджи с Вэкталом называют его спариванием губами.

Aaa! Я видел его собственными глазами. Когда Вэктал думает, что другие не смотрят на них, он прикладывается своим ртом к губам своей пары, и они сливаются вместе. Мне даже показалось, что он засовывал свой язык ей в рот, что довольно-таки интересно. В прежнее времена языком я лизал влагалище, но рот — никогда, и мне не терпится попробовать.

Я высматриваю в толпе Кайру. Она, отойдя в сторону от шумных членов племени, скрывается в углу, чтобы не путаться под ногами у людей, которые начинают танцевать под ритм барабанов. Ожидание еще одного ребенка и еще один счастливый резонанс всегда является поводом для праздника. Не имеет значения, что тут не хватает места, где новая пара может устроить свой дом. Всегда найдется местечко, даже если придется спать сваленными в кучу поверх друг друга.

Я бы не возражал лежать на Кайре.

Когда я пересекаю оживленную пещеру, медленной, расслабленной походкой, виляя бедрами, прямо передо мной выходит Айша.

— Это для меня? — спрашивает она, увидев в моей руке кожаный мешок сах-сах.

— Нет, — я прохожу мимо нее, игнорируя раздраженный звук, который она издает. Я направляюсь прямо к Кайре, которая скрывается в углу. Она сидит на набитой подушке, а рядом с ней еще одна, пустая. *Отлично*.

Человек окидывает меня недовольным взглядом, когда я опускаюсь на подушку рядом с ней.

— Мне не нужна компания.

— Ничего не поделаешь, Печальные Глаза, — я предлагаю ей кожаный мешок с чаем. — К счастью для тебя, меня не так легко отговорить.

Кайра нюхает напиток и морщит свой забавный, крошечный человеческий носик.

— Что это?

— Это..., — я подыскиваю правильные слова. — Он прожигает глотку и заставляет чувствовать себя лучше. Ты будешь?

— Алкоголь, — исправляет она. Она снова нюхает его и предлагает его мне. — Сначала ты.

Я делаю большой глоток из кожаного мешка и морщуясь от резкого вкуса, но через мгновение меня заливает теплом.

— Крепкое.

Она забирает у меня кожаный мешок и чуть-чуть отпивает из него. Я наблюдаю, как ее маленькие губки огибают место, где всего лишь миг назад находились мои, и меня тут же пронзает похоть. За Кайрой очень даже непросто ухаживать, но я полон решимости добиться своего.

Она морщится от вкуса, но делает второй глоток.

— Он ужасен.

— Выпей еще. Его вкус начнет казаться значительно лучше.

Она отпивает еще один большой глоток, а затем откашливается, вытирая рот.

— Думаю, ты меня обманываешь.

— Может, я немного преувеличиваю, — говорю я, и когда она пытается вернуть его мне, я отказываюсь брать. — Продолжай. Тебе явно не помешает легкое влияние алкоголя.

— Опьянение, — поправляет она меня.

— Ваш язык сбивает с толку, — говорю я ей и пальцем черпаю легкий мазок из маленького горшочка с красной краской. — В большинстве случаев ваши слова не имеют смысла.

— Ты не далек от истины. Нам, наверное, следует поскорее научиться вашему языку. Вернуться обратно к космическому кораблю и получить «загрузку мозгов», о чем раньше упоминала Джорджи.

Под «космическим кораблем», я полагаю, она имеет в виду пещеру старейшин, которая, как люди клянутся, является еще одним кораблем, на котором сюда приземлились наши предки. Может, они и не ошибаются, но мне все же странно думать о нем, как о корабле. Когда она в очередной раз отпивает, ее взгляд обращен к группе танцующих в центре пещеры. Несколько недавно спаренных человеческих женщин со своими мужчинами танцуют вокруг теплого бассейна и замечательно проводят время. Остальные устроились неподалеку и просто отдыхают. Мой друг Золай кормит лакомыми кусочками свою пару, которую он любит до безумия.

— Все они выглядят такими счастливыми, — говорит Кайра тихим голосом. — Мне следует радоваться за них, не так ли?

Перебродивший чай, должно быть, действует на нее очень быстро; она даже разговаривает со мной по своей собственной инициативе. Я оглядываюсь и смотрю на остальных.

— Разве они не должны быть счастливы?

— Нет, конечно, должны, — она снова смотрит на меня глазами, полными грусти и печали. — Вся проблема во мне.

Я провожу кончиком пальца, который обмакнул в краску, вниз по ее маленькому носику, образовывая линию.

— Потому что тебя не радует, что они счастливы?

Она косит глаза к носу, приглядываясь к линии.

— Зачем ты меня разрисовываешь?

— Ну, это обычай у нас такой, когда отмечаем праздники. Раскрашивая себя, мы выражаем свою радость.

Ее глаза снова излучают печаль.

— Тогда, может, тебе стоит приберечь свою краску для кого-то другого.

— Глупости, — я наношу легкий мазок на ее подбородок, а затем добавляю еще две красочные линии на ее изящных скулах. Она хранит молчание, в то время как я это делаю, и наблюдает за мной. Мне так и хочется высказать ей кокетливые шутки, пофлиртовать, вызвать улыбку на ее маленьком личике, но она выглядит такой несчастной, будто оказалась в тяжелой и безысходной ситуации, что любые шутки, которые я произнесу, могут показаться явно глупыми. Я заканчиваю с ее лицом, изучая творение своих рук, а затем снова обмакиваю палец в горшочек с краской и начинаю выводить линии на утонченных изгибах мышц ее шеи. Ее кожа под моими прикосновениями ощущается такой мягкой, что у меня тут же начинает болезненно ныть член. — Ты приносишь радость в мое сердце. Разве это ничего не значит?

Я ожидаю, что она закатит глаза в знак одобрения, но вместо этого, она становится еще более печальной.

— Тебе уже пора отказаться от любой мысли обо мне, Аехако. Направь свое внимание на девушку, с которой у тебя может что-то выйти.

— Что-то... выйти? — еще одна человеческая фраза, сбивающая с толку. Мы слышим слова, но то, как эти люди их используют, не имеет никакого смысла.

Кайра лишь издает вздох и пытается отвести взгляд.

Я ловлю ее за подбородок, прежде чем ей это удается.

— Я узнал, что такое поцелуй, — говорю я ей, довольный собой. Это вполне отвлечет Кайру и унесет печаль из ее глаз. Я ожидаю, что она станет увиливать, отступит и снова упрекнет меня за то, что флиртую с ней.

Вместо этого ее пристальный взгляд направляется к моим губам. Ее губы слегка приоткрываются, и она наклоняется вперед.

— Оoo?

Я узнаю приглашение с первого взгляда, когда вижу его. Я наклоняюсь вперед и прижимаюсь своим ртом к ее губам. Я не имею четкого представления о нюансах, связанных с поцелуями, но я вполне уверен, что смогу в этом разобраться. Если это что-то наподобие облизывания влагалища, я просто буду следить за ее намеками.

Губы у Кайры мягкие и податливые, и в своих мыслях я тут же непроизвольно представляю их на своей коже. Мой член ощущается, словно камень, внутри штанов. Она прижимается своими маленькими губками к моим, а я нахожусь в нерешительности, не будучи уверенным, как мне надо отвечать. Вэктал всегда выглядит так, будто он пожирает свою женщину.

Но когда Кайра проводит языком между моих губ, я приоткрываю их, чтобы впустить ее. Инициативу в поцелуе она берет на себя, и я очарован — и возбужден. Она зажимает в кулаки мою тунику, и я прижимаю ее к себе, ощущая, насколько хрупок человек по сравнению с моим коренастым, мускулистым телом. У нее нет рогов, нет бугристых наростов, защищающих мягкие части ее тела, и ее уязвимость страшно пугает меня.

Тут ее язычок касается моего, и я напрочь забываю все о ее хрупкости. Внутри меня бушует похоть, и я осторожно потираю своим языком ее. На вкус она как перебродивший чай, только более сладкая, более восхитительная его версия. К тому же язычок у нее идеально гладкий и скользкий в отличие от моего, у которого есть бугорки и шершавости, как у всех ша-кхай. Кайра осознает это, и слабый звук, полный удивления, срывается с ее губ.

Тем не менее, она не отстраняется. Она, потянувшись рукой к моей щеке, ласкает мою челюсть, и мы по-прежнему целуемся. Я слегка наклоняюсь над ее ртом и лижу ее в ответ, подражая движениям, которые она начала. Когда Кайра не начинает этому мешать, я продолжаю, и мои движения становятся все сильнее и смелее, выискивающе. Снова и снова я трахаю ее своим языком. Это, как я понимаю, и есть то, что нравиться людям. Это — попытка раздразнить губами, обещание того, на что будет похоже само спаривание. Такое невероятно сумасшедшее ощущение.

А еще эти ощущения просто потрясающие.

Я не могу прекратить целовать ее. Теперь понимаю, почему люди так сильно этим увлекаются.

Через секунду она отстраняется и смотрит на меня. В ее глазах тоже полыхает ошеломляющая похоть, а руками она цепляется за меня.

— Пойдем, — шепчу я, наклоняясь вперед и снова проводя языком по ее губам. — Остальные заняты праздником. Моя пещера должна быть свободна. У нас будет время побывать наедине.

И мне не терпится исследовать ее человеческое тело и выяснить, что ей нравится.

Она начинает нервно моргать и затем мотает головой.

— Нет, еще нет. Я...

Голос у нее прерывается, а глаза стекленеют. Ее рука подлетает к серебристой раковине, которая выступает из одного ее уха.

И тут ее лицо накрывает выражение полного дикого, животного ужаса.

ЧАСТЬ 2

КАЙРА

Они возвращаются.

Какая-то часть меня всегда надеялась, что мы уже никогда не увидим их космический корабль. Что они забудут о грузовом трюме, который здесь сбросили, и дадут нам прожить остаток своих дней здесь, в мире с людьми Вэктала. Мы уже прижились, извлекая лучшее из столь диковинной ситуации и постепенно выкинув из памяти первых наших похитителей.

По-моему, это всего лишь самообман, попытка выдать желаемое за действительное.

Но когда чирикающие трели маленьких зеленых человечков проникают сквозь мой переводчик, все мое тело напрягается и на меня волнами накатывают воспоминания. О том, как глубокой ночью меня похитили из моей же квартиры и я очнулась на смотровом столе. О моем леденящем душу ужасе при первом контакте с инопланетянами и их разочаровании мной, что я их не понимаю. О том, как они с силой меня удерживали в то время, как принудительно-болезненно вставляли переводчик мне в ухо. О неделях, проведенных в трюме, сильно пропахшим всевозможными нечистотами, страдая от животного ужаса. О пережитом страхе произвести хотя бы малейший шум.

«Погодные условия на планете не идеальны. Извлечение имущества должно быть отложено».

Это — единственное, что я улавливаю, но это — все, что мне нужно услышать. Они возвращаются, чтобы забрать груз!

А у меня до сих пор переводчик в ухе.

От страха я начинаю шумно задыхаться и цепляюсь за руки Аехако.

— В чем дело? — он прикасается к моему подбородку. — Кайра?

Они смогут обнаружить меня. Они смогут найти меня, так как переводчик не извлечь из моего уха, и тогда они вернут меня обратно себе. *Господи!* Я с трудом сглатываю подступившие к горлу рыдания.

— Уверен, что мысль о том, чтобы провести время в моей пещере, вряд ли настолько ужасна, — его голос, дразнящий и сладкий, возвращает меня обратно в настоящее. Я крепко к нему прижимаюсь, цепляясь за его руки.

«Мне нельзя об этом никому рассказывать. Остальные впадут в панику», — мысли вихрем кружат у меня в голове. Если они начнут выслеживать переводчик по сигналу наушника, думаю, мне не стоит находиться здесь, в пещерах.

В своих мыслях я до сих пор настолько далеко, что, когда Аехако наклоняется снова поцеловать меня, я автоматически отворачиваюсь от него.

Выражение его лица омрачается.

— В таком случае все дело во мне? Разве тебе не хочется моего внимания?

— Я... дело в том... тут все непросто, — глядя на него, я мотаю головой. — Пожалуй, я пойду посижу у огня, ладно?

Может, если буду находиться в окружении других, их счастливые голоса заглушат страхи, растущий внутри меня?

AEXAKO

Творится что-то неладное. Я наблюдаю за тем, как Кайра встает и одеревеневшей походкой подходит к костру, расположенному в центре пещеры. Для остальных на ее губах мелькает вымученная улыбка. Хоть она и сидит с ними, я чувствую, что в своих мыслях она находится не в пещере и ни с кем-то в частности. Она выглядит такой отстраненной, когда столь пристально всматривается в огонь, а между бровями у нее пролегла озабоченная складка.

Возможно, все-таки дело во мне. Возможно, мои попытки ухаживать за ней заставляют ее переживать. Расстроенный этим, я встаю на ноги и возвращаю краску Фарли. Праздник больше меня не радует. Я наблюдаю за Кайрой еще несколько минут, и хотя она улыбается и разговаривает с другими, для меня совершенно очевидно, что она встревожена и очень несчастна.

Никогда раньше меня не отвергала женщина, с которой я сближался. Я разделял шкуры с двумя женщинами, моими сверстницами, и обе жаждали получить мое внимание до тех пор, пока они не обрели свои собственные пары. Моя собственная мать называет меня очаровашкой. И все же, этому маленькому человеку с печальными глазами не терпится сбежать от меня.

Лишенный спокойствия, я отдаю Фарли свой кожаный мешок сах-сах и отправляюсь спать в свои шкуры. Я вернулся обратно к моим родителям и братьям, так как в пещерах почти нет места. Я совсем не против — все равно у меня нет пары, хотя я с удовольствием нашел бы тихое местечко и делился бы наслаждением с Кайрой.

Однако, когда я добираюсь до своих шкур, они уже заняты. Там Айша, которая манит меня пальчиком, недвусмысленно призывая идти вперед. Это совсем не то, в чем я нуждаюсь этой ночью. Утомленный, я рукой протираю лицо, размазывая краску, которую Фарли так усердно накладывала.

— Что ты здесь делаешь, Айша?

— Все на празднике, — говорит она, затаив дыхание, пока водит рукой по моей постели. — Иди сюда и присоединяйся ко мне. Я соскучилась по тебе.

Я мотаю головой.

— Иди и разыщи свою пару, Айша. Этой ночью я не нуждаюсь в компании.

Разумеется, это чистая ложь — появясь через секунду Кайра, я с радостью взял бы ее в свои шкуры. Но у Айши есть пара, и мне отвратительно ее пренебрежительное к нему отношение.

— Мне он не нужен, — надув губы, утверждает она. — Я хочу тебя.

— Ты не нужна мне, — говорю я как можно мягче. Айша мой давний друг, но теперь она, кажется, полна решимости испортить мне жизнь. — Наши кхай никогда не соединяются, Айша. Прекрати уже пытаться вернуть прошлое.

Она встает и поправляет свое кожаное платье, впиваясь в меня взглядом.

— Как тебе угодно, но этот человек не хочет, чтобы ты был с ней, Аехако. Лучше извлекай удовольствие там, где можешь.

Я умышленно не обращаю на нее внимания, когда она уходит. Меня это бесит, но она права.

Следующим утром, сидя возле костра, расположенного в центре пещеры, я занимаюсь вырезанием и наблюдаю за Кайрой. Я делаю игрушку для Эши, которая уже достигла того возраста, чтобы проявить интерес к лекарственным растениям своей матери и нуждается в чем-то, что отвлечет ее. Когда Фарли была маленькой, я сделал для нее костяные кольца, соединив их между собой аккуратной резьбой, и она была в восторге, как они звякают. Я сделаю такие же для Эши. Я беру одну из длинных бедренных костей двинти и начинаю над ней работать. Изготовление звякающих цепей для ребенка предполагает выдалблиивание многих дыр, и это позволяет мне спокойно сидеть и наблюдать за людьми в пещере.

Один из них в особенности, всегда в центре моего внимания. Этим утром Кайра сидит около костра, окруженного валом. То, что она не находится в своей пещере, подсказывает мне, что она кого-то ищет. То, что она не подходит ко мне, причиняет боль, но мне любопытно увидеть, кого она ждет. Она выглядит усталой, у нее круги под глазами, а красочные, шутливые линии, которые я нарисовал на ее лице прошлой ночью, исчезли. Еще два человека сидят рядом с ней и болтают, однако она держится эмоционально отдаленно.

Но когда в пещеру входят Вэктал с Джорджи, она тут же оживляется. *Aaa. Так она ждет вождя.* Я напрягаю слух, так как мне очень интересно узнать, о чём они будут говорить.

Она вполне непринужденно здоровается с Вэкталом и Джорджи, ну а потом излагает свой замысел.

— Мне бы хотелось отправиться в пещеру старейшин.

— К космическому кораблю? — спрашивает с любопытством Джорджи. — Серьезно? Зачем тебе это?

Видно, что когда Кайра отвечает, она испытывает неловкость. Она слегка наклоняется и прикасается к серебристой раковине в своем ухе.

— Мне бы хотелось выяснить, могу ли я это удалить. Если получится, думаю, мне нужно будет воспользоваться там компьютером, чтобы овладеть местным языком. И я тут долго размышляла, — она широким жестом обводит пещеру. — Оглянитесь вокруг. Эта пещера не естественное природное образование. Дверные проёмы слишком ровные, потолки слишком идеальные. По-моему, когда люди Вэктала здесь приземлились, они, должно быть, додумались до какого-то способа обрабатывать камни. Мне бы хотелось понять, удастся ли нам снова это сделать. Может, нам удастся позаимствовать запчасти с корабля и изготовить новые резаки. Нам потребуется больше пространства, чтобы для каждого хватало места.

Вэктал потирает подбородок.

— Это отличная идея.

— Мне понадобится один человек, который меня сопроводит, — она быстренько продолжает. — Просто отправь меня туда с одним из охотников, и я уверена, что обратную дорогу смогу найти сама, как только кто-то укажет мне путь...

Я встаю раньше, чем она заканчивает свое предложение, так как во мне проснулись все мои защитные инстинкты. Широкими шагами я иду туда, где она разговаривает с вождем. Ее план просто безумен. Люди вообще ничего не знают об этом месте. Они даже не имеют никакого представления об этих огромных снежных пространствах, не знают местных животных и в какой опасности находятся. Кайре никогда не удастся вернуться обратно, если оставить ее там саму по себе. Я этого не допущу.

— Я отведу Кайру в пещеру старейшин.

Она оглядывается и удивленно смотрит на меня, тем не менее, про себя я отмечаю, что она не возражает. Кайра лишь крепче сжимает свои маленькие человеческие губки, ну а потом направляет взгляд на Вэктала.

Это меня сильно беспокоит. Она настолько сильно хочет уйти, что готова терпеть

мои заигрывания? Она и впрямь обеспокоена какой-то серьезной проблемой.

— Тебе придется взять кого-то еще, — сообщает Вэктал. — Кто-нибудь из остальных людей также может нуждаться в языке.

Выражение лица Кайры становится еще более обеспокоенным.

— Ох, но на случай, если эта миссия окажется бесполезной и не принесет желаемых результатов, мне бы не хотелось тратить впустую время других людей. В этот раз, ну да ладно.

— Можем взять маленькую группу, — я предлагаю компромисс. — Может нам следует свести группу до трех охотников и трех людей?

Вэктал в одобрении кивает головой.

— Когда вы отправляетесь в путь?

Я выжидающе смотрю на Кайру.

Она выглядит расстроенной.

— Мне бы хотелось отправиться как можно скорее.

— Ну, тогда завтра. С первыми лучами солнца. Я поспрашиваю, а там будет видно, кто из охотников захочет пойти.

— Нам обязательно брать с собой двух людей? — Кайра выглядит расстроенной.

— Что-то случилось? — спрашивает Джорджи.

Кайра резко мотает головой, натягивая фальшивую улыбку на лицо.

— Просто не люблю попусту тратить чье-либо время.

Нет, проблема совсем не в этом. Она что-то скрывает, но в чем тут дело, я понятия не имею.

Однако я собираюсь вытащить из нее эту информацию.

Оказавшись под давлением, Кайра соглашается взять с нами двух людей по имени Харлоу и Клэр. Харлоу — та, которая с рыжей гривой и крохотными крапинками, покрывающими ее кожу. Я запомнил ее из-за необычной окраски. О Клэр я не могу вспомнить ничего, за исключением того, что она чрезвычайно тихая. Ну, это, и то, что, судя по всему, она делит шкуры с Бэком всякий раз, когда у нее появляется такая возможность.

Бэк, конечно же, тут же добровольно вызывается присоединиться к нам в нашем походе. Не сомневаюсь, что он видит в этом возможность провести побольше времени со своей человеческой любовницей вдали от переполненной пещеры.

Я не могу винить его за это; именно по этой же причине я сам тенью хожу за Кайрой. Помимо того, что речь идет о ее защите, я втайне лелею надежду на то, что, флиртуя с ней, хоть одна из моих игривых подколок попадет в десятку, она оттает и падет в мои объятья.

Я совсем не рад, что те трое других охотников вызвались идти с нами. Им плевать, что наша группа, как предполагается, должна быть маленькой, лишь бы получить возможность от души провести какое-то время с несвязанными человеческими женщинами.

— В конце концов, — заявляет Харрек. — Разве не так Рáхóш стал резонировать своей женшине? Он удерживал ее отдельно от остальных, пока она не уступила ему, — он кивает головой в сторону женщин, неподалеку подготавливающих свои походные сумки.

— Я был бы не прочь провести время наедине с одной из них. Может, мне удастся убедить их кхай, что я готов обзавестись парой.

Услышав его слова, я, нахмутившись, гляжу на него.

— Это дело не касается спаривания с женщинами.

— Нет? Скажи об этом Бэку. Он считает малышку с тихим голоском своей собственностью, и при всем при этом они не связаны должным образом. Несмотря на это

я буду держаться подальше от нее, — он просто пожимает плечами. — Любая из остальных вполне меня устраивает. У той, у которой раковина в ухе, очень красивые глаза.

Неудержимый прилив собственничества тяжело пронзает меня.

— Ты можешь пойти в следующий раз, — я вру ему. — Идет Хэйден, — когда Харрек начинает возражать, я добавляю: — Он должен проверить свои ловушки.

И, прия в бешенство при мысли о том, что он подумывает о сближении с моей Кайрой, я штормом уношуясь прочь.

Он просто-напросто захотел себе пару — ему безразлично и то, что глаза у Кайры полны печали, и то, что она чувствует себя одинокой. Он ей совершенно не подходит.

Когда двое других охотников спрашивают меня, когда мы выдвигаемся, я выдаю им ту же отговорку — наша группа уже полностью собрана. И тогда я подхожу к Хэйдену и говорю ему, что хотел бы, чтобы он присоединился к нам. Мой угрюмый друг не в восторге.

— Ты предлагаешь мне пойти с вами? — спрашивает он, камнем затачивая острие своего любимого копья. — Зачем тебе это?

— Потому что ты единственный, кто, как мне кажется, не думает своим членом, когда дело доходит до человеческих женщин, — я скрещиваю руки и смотрю на него, пытаясь сохранять свой голос естественным.

Он фыркает, глядя на меня в ответ.

— Этим ты подразумеваешь, что пытаешься держать остальных подальше от той, которую ты уже сам выбрал.

Меня прорывает от смеха, поскольку Хэйден всегда меня видит нас kvозь.

— Вполне возможно. Но разве можно меня в этом упрекать?

Он окидывает меня угрюмым взглядом.

— Кто из женщин отправляется в путь? Джо-си тоже идет?

— Нет, она не идет.

— Отлично, — он встает и сдувает костяную пыль с острия своего копья. — Ну, тогда я пойду с вами.

— Хочешь, чтобы она пошла? Я могу поговорить с Кайрой... — мой голос прерывается хихиканьем от его хмурого взгляда, который он на меня кидает. — Нет? Джо-си совсем безвредная.

— Она болтает без умолку, — говорит он резким голосом, накладывая маленький кожаный защитный чехол на острие своего копья. — И ей совершенно не важно, хочу ли я слушать ее разговоры, или нет.

Как забавно.

— Может, если бы ты поговорил с ней, вместо того, чтобы игнорировать, она поняла бы, какой ты сварливый малый.

— А может мне сказать Харреку, что ты изменил свое решение?

Я поднимаю руки вверх в знак капитуляции.

— Не обязательно становиться таким вспыльчивым, мой друг. Ты ведь с нами? Мы уходим утром.

Он быстро кивает.

— Но, если узнаю, что Джо-си идет, отправишься без меня.

КАЙРА

Пока я упаковываю сумку для похода, из-за переводчика в моем ухе я не могу не слышать разговор Аехако с Хэйденом. Горячий румянец накрывает мои щеки. Он отвергает других охотников, поскольку хочет быть тем единственным, кто проводит со мной время. Я польщена, пусть даже убеждаю себя, что не следовало бы. Аехако не может

претендовать на меня.

Просто мне так хочется, чтобы... он мог.

Однако сейчас возвращаются инопланетяне, и, по-моему, все-таки к лучшему, если я одинока.

Рядом со мной Харлоу корчит рожицу, проверяя один из снегоступов, которые она сделала.

— Похоже, вот этот раскалывается. Древесина недостаточно зеленая. Или... эээ... розовая? — девушка стягивает обувь и проверяет ее. Она изготовлена из кожаных ремней и древесины розовых, гибких ресница-подобных деревьев, растущих группами снаружи пещеры. — Мне нужна новая ветка, — Харлоу встает на ноги и отряхивает свои мягкие кожаные штаны. — Девчонки, не хотите пойти со мной? В любом случае нам надо сделать одну пару для Клэр.

Я встаю, оставив свою сумку. Заслуживающая порицания часть меня хочет и дальше подслушивать разговор Аехако, но мне не следует этого делать.

— Я иду с тобой.

У меня уже есть такая обувь, но Клэр редко покидает пещеру, поэтому у нее ее нет.

— Я остаюсь здесь, — говорит Клэр тихим голосом, энергично занимаясь переупаковкой своей сумки. Одного беглого взгляда вокруг достаточно, чтобы увидеть, что неподалеку болтается Бэк. *Ааа, понятно.* Я натягиваю на плечи плащ из шкур и пару рукавиц, а затем для себя и Харлоу достаю ножи с костяной ручкой.

Мы выходим из пещеры в снег и идем по тропе немного вперед к густой роще розовых, гибких деревьев. Я слышу хруст снега под чьими-то шагами позади нас и понимаю, что один из охотников следует за нами тенью. Они всегда держат ухо востро и присматривают за людьми — не из-за чего-либо дурного, а лишь по причине, что мы ничего не знаем об этом мире. Они не хотят, чтобы мы пострадали.

Харлоу рассматривает деревья.

— Хотелось бы мне, чтобы у них было много веток, как на деревьях на нашей родине. Тогда было бы куда проще.

Углубляясь в «лес» этих деревьев, я киваю в согласии. Некоторые из них на кронах расколоты на части, разветвляющимися ветками, но в основном деревья растут прямо вверх без веток, только с пальмо-подобными перистыми листьями вместо обычных. Они определенно выглядят, как одна большая ресница, покрытая множеством таких же, но гораздо меньшего размера.

— Давай тогда просто используем молодые деревца? Их будет гораздо проще срезать.

Наши снегоступы очень легко изготавливаются — это один длинный кусок ветки, выдолбленный в форму слезинки и связанный на пятке. Кожаные ремни перекрециваются крест-накрест, чтобы в центре сделать сетку, и сверху они привязываются к ноге. Положительным моментом является то, что для их изготовки не надо быть специалистом, поэтому мы с легкостью можем справиться с ними сами.

Мы с Харлоу выбираем подходящее деревце. Оно немного короче, чем нам хотелось бы, но если мы срезаем прямо у корня, оно должно быть достаточной длины для легкого веса Клэр. Харлоу выбирает деревце, растущее рядом, и мы обе приступаем к его срезанию у основания. Погода сегодня более холодная, чем обычно, а с серого неба крупными снежными хлопьями валит тяжелый снег. Я переживаю, что они могут решить, будто бы погода не подходит для нашего путешествия и отсрочат наш поход.

Я должна уйти. В самое ближайшее время. И чем скорее, тем лучше.

Рукавицами я раскапываю снег, пытаясь найти корень. Земля здесь, как только я зарываюсь достаточно глубоко, чтобы обнаружить ее, имеет любопытный синеватый оттенок, и от удивления я с силой ударяю по ней. Пожалуй, это еще одно прекрасное доказательство того, как это место отличается от родины. Я раскапываю еще немного грунта, с иронией отмечая про себя, что мне удалось зарыться в снег на глубину

практически в два фута, а мы находимся на склоне холма, что означает, что здесь не так глубоко, как в других местах. Мгновение спустя я обнаруживаю нечто, имеющее беловатый цвет, и начинаю его раскапывать.

У этого растения нет стержневого корня, как я ожидала. У него... утолщение. Похоже на репу? Взволнованная, ножом и рукавицами я продолжаю копать, уже не заботясь о своей первоначальной задаче. К тому времени, когда я раскапываю растение целиком, то обнаруживаю луковицу размером с пляжный мяч. Она имеет лесной запах и беловатый цвет, а когда я поднимаю его на снег, Харлоу подходит ко мне, чтобы взглянуть на него.

— Это что, картошка? — спрашивает она взволнованно.

— Понятие не имею. Как думаешь, он съедобен?

Они здесь, похоже, только мясо и едят.

— Я готова его попробовать, — говорит она со смехом. — Раньше я ведь была вегетарианкой. Мне было очень тяжело перестроиться.

Держу пари, так и есть.

Мы отрезаем ствол деревца для снегоступов, и я крайне довольна, когда заношу этот корнеплод внутрь. Может нам удастся привнести этим людям несколько аспектов рациона человеческого питания и расширить возможности питания в целом. Мне нравится мысль о том, чтобы делать вклад, а не просто постоянно принимать.

Тем же вечером помимо нашего сырого мяса мы едим кусочки жареного корнеплода. Кемли, пожилая женщина, которая является знатоком племени по растениям, признала корнеплод съедобным. Она не понимает, с чего бы нам хотеть его есть, однако все готовы отведать приготовленные кусочки, и я вижу, как протягиваются руки за добавкой. Я очень довольна и счастлива.

Но совсем не рада, когда Аехако отводит меня в сторону.

— Не хочешь отложить путешествие? С каждым часом становится все холоднее.

— Что? Нет, конечно! Не глупи. Все в порядке.

Сведя брови, он кивает в сторону входа в пещеру.

— Пойдем. Сейчас увидишь.

Я заканчиваю есть свой кусок «не-картофеля» и иду следом за ним. От входа в пещеру дует резкий ветер, но полагаю, что если возьму свой плащ, это лишь укрепит решение Аехако остаться. Так что я собираюсь с духом, скрещиваю руки на груди и следую за ним, когда он выводит меня наружу на ночной воздух.

Еще около фута снега выпало по сравнению с началом второй половины дня, а воздух определенно более холодный. Аехако выходит из пещеры на пару шагов, а затем оборачивается и смотрит на меня.

— Ветер изменился, — говорит он, указывая на небо. — Теперь он дует с востока, — ну, слово, которое он проговаривает, — это не «восток», но именно так его переводит переводчик. — Он обрушивается на горы, а затем поворачивает обратно сюда, а это означает еще больше снега.

— Ну и что? — говорю я, стараясь казаться беспечной. — Здесь всегда идет снег. Какое это имеет значение?

Он делает шаг назад ко мне. Мы вышли из согретой пламенем глубины пещеры, и здесь гораздо темнее, чем я ожидала. Я инстинктивно придвигаюсь поближе к стене пещеры, чтобы загородиться от ветра, и не могу сказать, что опечалена, когда Аехако встает передо мной, еще больше заграживая холодный ветер. — Люди весьма хрупкие, — говорит он. — Не хочу, чтобы ты навредила себе во время этого пешего перехода, — он протягивает руку и убирает прядь волос с моего лица. — Может у тебя и свирепый дух, но у тебя маленькое и слабое тело.

— Маленькое и слабое? — шиплю я, а затем легонько шлепаю его по руке, когда понимаю, что у него на лице игривая улыбка. Он меня дразнит.

— Твои руки уже ледяные, — говорит он, беря мои пальцы в свои. — Даже твой

кхай не в состоянии справиться с таким холодом, — его хватка излучает тепло, и он подносит мою ладонь к своим губам и дует на нее теплым воздухом.

По какой-то непонятной причине от этого у меня напрягаются соски. Его прикосновение очень нежное и заботливое, а дразнящий взгляд, которым он на меня смотрит, кокетлив и полностью в духе Аехако.

— Нам нужно идти и очень скоро, — говорю я ему тихим голосом. — Это крайне необходимо.

— Есть что-то, что беспокоит тебя, — говорит он, зажимая мою ладонь между своими и потирая мои пальцы, чтобы их согреть. — Ты поделишься со мной в чем дело?

Господи, я и правда хочу. Я придвигаюсь поближе к нему и подаю ему другую свою руку, чтобы он о ней так же позаботился, и он принимает ее, нежно накрыв своей, а затем растирает мои холодные пальцы, чтобы их согреть. Но что будет, если я расскажу ему, не попытается ли он привлечь остальных, чтобы спасти меня? С их копьями и пращами ничего хорошего они не добываются против инопланетян с их технологиями, которые я видела.

Так что я выдаю разумную ложь. Или, по крайней мере, полуложь.

— Я просто... волнуюсь, что инопланетяне вернутся. Я боюсь, что каждый прожитый здесь день вот-вот станет нашим последним. Что на следующий день я проснусь и обнаружу себя снова похищенной на том же инопланетном корабле.

Я надеялась, что он подарит мне успокаивающие слова. Скажет мне, что такого не случиться. Что с ним я в безопасности. Вместо этого он опять нежно дует на мои руки и говорит:

— Никто не может предсказать, что случится завтра, Кайра. Я могу упасть с обрыва и сломать себе шею. Могу заразиться кхай-болезнью. Или... могу дожить до старости и поседеть, как Кемли с ее парой Борраном, — он пожимает своими широкими плечами. — Но я знаю наверняка, что жизнь в постоянном страхе о том, что что-то может случиться, мешает наслаждаться тем, что есть сегодня.

Как ни странно, но его слова заставляют меня чувствовать себя лучше. Я пододвигаюсь к нему чуть поближе, чтобы ощутить тепло его тела.

— Боюсь, я все же не могу выбросить все это из головы, чтобы жить сегодняшним днем. Я бы правда этого хотела.

— Я могу показать тебе, как это сделать, — шепчет он.

Я любуюсь его ртом, зачарованная проблесками острых клыков, скрывающихся за этими мягкими улыбающимися губами. *Мне не следует целовать его. Мне не следует хотеть целовать его.* Мое время сочтено. Возвращаются ужасные инопланетяне, и они заявятся прямиком ко мне, поскольку я до сих пор ношу этот дурацкий наушник. Но меня так безумно влечет к Аехако, что можно сойти с ума. Я хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. Я хочу его поцелуй и быть в самом центре его внимания. Хочу флиртовать ему в ответ, хотя в глубине своей души знаю, что это — плохая идея.

Проклятие, я хочу, чтобы идея флиртовать являлась замечательной.

— Жизнь может быть сладкой, если живешь одним днем, — шепчет он, и его пальцы скользят в мои растрепанные волосы, убирая их с лица.

Я наклоняюсь к его руке, которой он ко мне прикасается. Я просто ничего не могу с собой поделать. С тех пор, как нас привели сюда, я чувствую себя столь оторванной от других и одинокой. Я хочу иметь возможность расслабиться и отдохнуть в условиях полной безопасности. Я так сильно хочу, чтобы кто-нибудь прижал меня к себе и сказал, что все будет в полном порядке.

— Боюсь что, вполне возможно, у меня осталось не так уж много времени, — признаюсь я ему. Я прикрываю его руку своей идерживаю ее, прижатой к моей щеке. Он осторожен, чтобы не касаться той части ненавистного переводчика, который выступает из моего уха, но я очень уж остро осознаю, что он там. Даже сейчас он в моей голове шумит и щебечет болтовню из глубин пещеры. Меня бесит, что он никак не замолчит. Моя душа

истосковалась по тишине. Мне хочется, чтобы закончились все эти тревоги и страхи.

Аехако наклоняется и приподнимает мое лицо к своему. Его намерения отражаются в каждой черточке его лица. Он вот-вот поцелует меня. Кроме того, он приближается достаточно медленно, чтобы я могла остановить его в любую секунду, если я не захочу этого.

Но я хочу. Поэтому я хватаю его за один из больших рогов и тяну вниз, ближе ко мне, сокращая расстояние, разделяющие нас. Его губы встречаются с моими, и тогда мы жадно целуемся. Его губы оказываются поверх моих, его ищущий язык проникает глубоко в мой рот, и на какое-то время я забываю все об инопланетянах и разговорах в пещере. Я забываю о переводчике, хирургически имплантированном в мое ухо. Я забываю обо всем, кроме мягких губ мужчины, целующего меня, и его неповторимом вкусе. О том, что наши зубы нежно сталкиваются, когда наш поцелуй становится чересчур восторженным. О том, что он своим языком упрашивает мой, поощряя меня быть столь же агрессивной, как и он.

Его рука поднимается к моей груди, и он толкает меня назад — и к моему удивлению, я понимаю, что прижата к скале, когда я спиной сильно ударяюсь о гладкий камень. Его рука накрывает мою грудь, а его губы ни на секунду не отрываются от моих. От неожиданности я издаю слабый писк ему в губы, когда его большой палец задевает мой сосок. От этого легкого прикосновения быстро разносится удовольствие по всему моему телу, поразив нервные окончания, о наличии которых я и понятия не имела. Мой пульс стучит, словно отбойный молоток, и я хочу, чтобы Аехако опять это сделал. Я прерываю наш поцелуй и, задыхаясь, смотрю на него.

— Я...

— Слишком много? — спрашивает он низким, хриплым и настолько сексуальным голосом, что мне хочется растаять прямо на месте, превратиться в снег. — Тебе здесь слишком холодно? — костяшками пальцев он леноночко прослеживает ложбинку у меня между грудей. — Может, нам пойти внутрь?

В очередной раз он дает мне выбор взять на себя инициативу. Внезапно я становлюсь пугливее олененка, не совсем понимаю, как поступить, и меня всю трясет. Я знаю, чего хочу, но это конфликт со здравым смыслом.

Что будет, если я сблизусь с Аехако, а завтра он начнет резонировать кому-то другому? Что будет, если те инопланетяне заберут меня отсюда, как только я уступлю желаниям, которые рябью проносятся по всему моему телу?

Своим большим пальцем он проводит по моей распухшей верхней губе.

— Живи сегодняшним днем, Кайра, — шепчет он.

Такое ощущение, будто он может читать мои мысли. Даже, если завтрашний день покатится к чертям, у нас есть сегодняшний. Думаю, сегодняшний день должен стать моим. Думаю, мне стоит создать для себя парочку воспоминаний, которые помогут мне вынести до конца все то ужасное, что наверняка ждет меня впереди.

Так что я беру его за руку и смотрю вниз на нее. Мы с ним так отличаемся друг от друга. Моя кожа — беловато-розовая человеческая плоть без малейшего намека на смуглость; его — синего цвета, как у его народа, а на ощупь, словно замша. От трех больших костяшек пальцев у него отходят три толстых, сильных пальца, оканчивающиеся блестящими синеватыми ногтями квадратной формы без заострения. Моя рука по сравнению с его определенно выглядит крохотной, но я не чувствую от него угрозы.

Я чувствую себя в безопасности. И поэтому я перехожу сразу к делу.

— У тебя рука такая холодная, — шепчу я ему тихим голосом.

На какое-то мгновение я замечаю в его обычно улыбающемся лице проблеск разочарования. Он начинает отстраняться, посчитав мой ответ за отказ от его внимания.

Но я сжимаю его руку крепче, так как отпускать ее я не собираюсь. Вместо этого, своим пристальным взором вглядываясь в его глаза, я направляю ее под свою рубашку из мягкой кожи и прикладываю к своему теплому животу.

Я даю ему понять, что хочу продолжения. Что хочу большего. Большего с ним. Что

сегодня я живу сегодняшним днем.

Низкий грохочущий стон рокотом отдается в моем переводчике, и, наклонившись вперед, Аехако прижимается своим покрытым выступами лбом к моему ровному.

— Ты сведешь на нет все мои благие намерения, Кайра.

— Я и не знала, что они у тебя такие благие, — говорю ему слегка кокетливым голосом, от чего у меня аж дыханье перехватывает. Заигрывать вообще не в моем характере. Но с ним мне хочется нарушить свои привычные рамки.

И я обожаю его ответную реакцию.

Его пальцы под моей рубашкой поглаживают мой живот, щекоча меня. Я слегка извиваюсь, а когда он носом подталкивает мой, после чего губами проводит по моим губам, я открываю их, откликаясь на его поцелуй. Мне хочется указать ему, чтобы он не заскался о своих благих намерениях, но неожиданно они кажутся такими неважными. Просто мне хочется немного нежности. Немного прикосновений.

Аехако рукой поглаживает мои ребра, а потом, задрав мою рубашку, он ласкает полушарие моей груди. Я втягиваю воздух, только сейчас осознав, насколько велика его ладонь. Моя грудь наверняка кажется ему крошечной. Мне в голову приходят крупные, сильные женщины его племени. Я до сих пор немного тощая после нескольких недель, проведенных в плена, умирая от голода. Мои груди, конечно, уже не такие, какими были раньше, но и тогда они не особо впечатляли.

Лишь кончиками пальцев прослеживая изгиб груди, он впивается мне в губы страстным поцелуем, мягко всасывая мою нижнюю губу. Господи. Для мужчины, который до вчерашнего дня и понятия не имел, как целоваться, он чертовски хорош в этом.

— Ты такая красивая, Кайра. Такая же изысканная, как серпоклюв*.

*Прим.: серпоклюв - не существующая птица.

Комplимент кажется мне довольно странноватым, и нервное хихиканье срывается с моих губ, когда в моем воображении возникает образ смертоносного тукана**. Не очень-то сексуальная картинка.

**Прим.: Тукан, тукана, муж. (зоол.). Южноамериканская птица, близкая к дятлам, с огромным, полым внутри, клювом с зазубринами по краям, питающиеся почти исключительно сочными плодами (например, бананами) и ягодами. В данном случае геройня воображает образ, исходя из буквального восприятия слов, составляющих название птицы «a scythe-beak», где «scythe» переводится как - серп, коса итп., а «beak» как — клюв.

— Что такое серпоклюв?

— Шшш, — говорит он. — Сейчас это совершенно не важно, — он своим большим пальцем снова проводит по моему соску, а затем начинает обводить вокруг него круги.

Я делаю глубокий вдох. Его прикосновение чувствуется, как само совершенство. Я закрываю глаза, ноги у меня становятся ватными от стремительного наплыва ощущений. Я чувствую, как своей большой рукой, поддерживая, он обнимает меня за талию в тот миг, когда я начинаю оседать прямо возле стены. Он не дает мне упасть. Все это время он покрывает мое лицо нежными, ласковыми поцелуями.

— Скажи, если я слишком сильно налагаю своими прикосновениями, — шепчет он, а потом скользит своими губами поверх моих.

Этого никогда не бывает слишком много. Мне настолько хорошо, что я едва могу ясно мыслить. В кои-то веки бесконечная болтовня, перехваченная моим наушником, кажется абсолютным пустяком. Все, что сейчас существует, — это большое тело Аехако, прижимающееся к моему, его рука, охватившая мою талию, и тот большой палец, который терзает мой каменно-твёрдый сосок.

— Ты такая мягкая, Кайра, — говорит Аехако, облизывая мое неизмененное ухо. Он нежно прикусывает мочку, послав дрожь по всему моему телу. Я цепляюсь за него, потерявшись в ощущениях. — Ты повсюду такая же мягкая? — он задумчиво рассуждает. — Если бы я обследовал тебя между ног, я бы нашел тебя там такой же мягкой?

О, Боже. Слабый протест уже крутится на моем языке, но все же остается невысказанным. Я не хочу его останавливать. Хочу, чтобы он открыл для себя всю меня и продолжал прикасаться ко мне. В прежние времена я прикасалась к себе, но это никогда не чувствовалось и в половину так же хорошо, как его ласки.

Я хватаю ртом воздух, мне тяжело дышать, когда он нежно проводит губами по моим, и тогда его рука тянется к поясу моих штанов. Штаны подпоясаны шнуром, так как пуговицы и застежки-молнии здесь не изобретены, и мне кажется, что я начинаю распадаться на части в тот же момент, что и узел. Мои развязанные штаны на несколько дюймов соскальзывают вниз по моим бедрам, и в предвкушении все мое тело напрягается.

Его пальцы ласкают мой живот.

— Вообще-то, ты тоже можешь ко мне прикасаться, Печальные Глаза, — говорит он тихим, искушающим голосом

Ооо. Я начинаю часто-часто моргать, пытаясь открыть глаза, и тут до меня доходит, что мои руки сжаты в кулаки и неподвижно приложены к его груди. *Ну, разумеется, ему хочется, чтобы и к нему тоже прикоснулись.* *Ну, какая же я дурочка.* Я выпрямляю свои ладони и хватаюсь за его тунику. У него на вороте шнуровка, и я начинаю неумело с ней возиться, постоянно ощущая его пристальный взгляд на своем лице и поглаживание его руки мягкой плоти низа моего живота.

Не имея ни малейшего понятия, чего от меня ожидают, очень трудно сконцентрироваться на том, что происходит. Так что я концентрируюсь, пытаясь заглушить все, за исключением решения насущной задачи. Операция: «прикоснуться к Аехако». Я тяну за шнурки его ворота, развязывая их, пока они широко не раскрываются, демонстрируя широкое пространство синей, мускулистой груди. Я рукой проскальзываю под материю и прикасаюсь к нему, с удивлением ощущая над его сердцем шероховатую текстуру гораздо большего количества наростов. Я постоянно забываю, что у этих инопланетян более жесткая, покрытая наростами поверхность кожи поверх особо чувствительных частей тела.

— Вот здесь ты жестоковатый, — шепчу я ему, скользя пальцами по странному участку кожи.

— А ты повсюду такая гладкая, верно? Меня это приводит в восхищение, — его пальцы опускаются ниже и дотрагиваются до завитков моих лобковых волос. — Ааа... и вот это тоже. Я и забыл про это.

Мои ноги автоматически сжимаются вместе, и я, испытывая позор, тянусь, чтобы вытащить его руку. Точно! У этих инопланетян на теле нет волос, как у людей. Мы, должно быть, кажемся им отвратительными.

— Я... Я... Я...

Мне ничего не приходит на ум, что бы такое сказать. Принести извинения из-за не побритого лобка? Тут же нет ни одной бритвы!

Но Аехако не обращает внимания на мой нажим на его запястье и, исследуя мои завитки, водит сквозь них пальцем.

— Они отличаются от волос у тебя на голове, ведь так? — он припадет устами к моим длинным локонам, пробуя их губами. — Это так интересно.

— Аехако, прошу тебя, — шепчу я, чувствуя, как горит мое лицо. — Мне просто...

— Не стоит стыдиться. Я познаю твои отличия. Мне они нравятся, — он наклоняется и снова целует меня, затем нежно втягивает мою нижнюю губу и посасывает ее. Это отвлекает мое внимание, и в голове у меня снова сплошная каша, а потом, выпустив мою губу, он шепчет: — Добавлю это в свой список возбуждающих ощущений, необходимых представлять себе, когда буду ласкать свой член.

У меня глаза расширяются. Он будет думать о волосах у меня на лобке, когда ему захочется помастурбировать? Почему же это вызывает такое... бурное возбуждение? Я делаю глубокий вдох и снова разглядываю его огромную, широкую грудную клетку. Я могу его остановить, но... мне совершенно не хочется этого делать. Несмотря на мое девичье смущение, мне хочется, чтобы его исследующая рука пробиралась еще ниже, чтобы он получил еще больше в его коллекцию фантазий для мастурбации.

На мой взгляд, это так пугающе и непристойно, однако в данный момент меня это не заботит.

Внутри его ворота я скользжу рукой в сторону, во всех отношениях чувствуя его рельефную грудную клетку. *Господи, ну прям, как каменная плита.* Я рукой наталкиваюсь на что-то твердое и понимаю, что это — его сосок. Мне становится любопытно, поэтому я провожу по нему своими пальцами, исследуя его более тщательно. Мне никогда не приходило в голову задумываться о своих сосках, как о мягких, пока я не ощупала его. Он такой же шероховатый, как и поверхность кожи защитной пластины у него поверх сердца. Так необычно.

— А сейчас, ты добавляешь к своим возбуждающим ощущениям, разве нет, Кайра?
— выдыхает он хрипло, тогда как глаза его горят страстью. — Чтобы могла думать обо мне, когда поздней ночью в своих шкурах будешь прикасаться к себе.

Я чувствую, как у меня начинает гореть лицо, лишь подумав о том, чтобы сделать подобное. Мне хочется возразить, что этого я делать не стану, но... боюсь, это было бы ложью. А он достаточно самонадеян, чтобы считать, что я буду думать лишь о нем.

Вот только это на самом деле совсем не ложь.

Прикусив губу, я вытаскиваю руки из его ворота, после чего переключаюсь на его талию. Я хочу и дальше прикасаться к нему, но как только мои руки покидают тепло его одежды, снова подкрадывается лютый холод наружного воздуха. Я приподнимаю подол его короткой туники и скользжу пальцами по его крепким бедрам. Он носит сапоги высотой до колена, но под одеждой у него обнаженная кожа, что меня шокирует. Он словно шотландец в килте, и мне хотелось бы знать, носит ли он хоть что-нибудь под этим килтом.

А еще мне хотелось бы знать, достаточно ли у меня смелости для того, чтобы выяснить это.

Он с шипением выдыхает, когда я провожу пальцами вверх по одному из его бедер, покрытых рельефными мышцами.

— Продолжай исследовать меня, Кайра. Я не собираюсь тебя останавливать, — и его губы снова запечатывают мои, тогда как его пальцы опускаются ниже и касаются моих складочек.

Он издает стон мне в рот и приглушает мой вскрик от неожиданности этого прикосновения. Там, где его пальцы, я чувствую столько всего. Я чувствую, насколько огромна его рука, насколько толстые и длинные у него пальцы. Насколько теплая у него кожа.

Насколько сильно, очень сильно я промокла между ног.

У меня нет трусиков. Здесь нет кожи, из которой вышли бы добротные инопланетные трусики, и поэтому я научилась обходиться без них, хотя чувствую себя ужасно голой. Однако, именно в этот момент я рада, что на мне нет трусиков, потому что его пальцы поглаживают мою влажность, и он снова издает стон.

— Могу поспорить, что на вкус это как самый сладчайший нектар.

Я вновь издаю протяжный стон, впиваясь пальцами в его бедра при мысли о том, что он пробует на вкус мои соки.

Язык Аехако сплетается с моим, в то время как его пальцы исследуют мои складочки. Они двигаются сквозь мои половые губы, находят вход в мою сущность, от чего я задыхаюсь и замираю, и тогда он плавно скользит обратно к моему клитору.

Когда же он прикасается к нему, у меня перехватывает дыхание.

— Аaaa! — заявляет он, явно выглядя очень довольным собой. — Я обнаружил твой третий сосок.

Мой... что?

Мне следует поправить его. В самом деле, следует. Но его пальцы скользят по нему так же, как он делал это с моей грудью, и от этого ощущения настолько невероятные, что я издаю крик и цепляюсь за него, не в силах сделать хоть что-то, кроме как раствориться в этих ощущениях.

В очередной раз его рот захватывает мой, и как только я обрачиваю свою ногу вокруг него, практически усаживаясь на его руку верхом, он начинает играть с моим клитором, потирая его своим большим пальцем вперед-назад, а я хныкаю и трусь о него, будучи полностью поглощенной отчаянной необходимостью. Мой язык просовывается в его рот, и я, опьяниенная желанием, уже не в силах ни о чем думать. Я так близко к тому, чтобы кончить, но лучше мне сказать ему, чтобы убрал свою руку...

И вот его поцелуй меняются, он порхает языком по моим губам, после этого несколькими поцелуями покрывает мой подбородок, мою щеку и продвигается к моему уху. Он снова покусывает мочку, а потом посасывает ее, как раз тогда подушечками своих пальцев он перекатывает мой клитор.

И я пропала. Издав глубокий стон, я кончуя. Проклятье, я кончуя настолько сильно, что все мое тело сотрясается от силы моего оргазма. Мир вокруг переворачивается, и уже не существует ничего, за исключением моего рваного дыхания, ощущения горячего, твердого тела, прижатого ко мне, и пальцев, которые настойчиво потирают мой клитор. Агония пронзает меня насквозь, и я кончуя, к тому же вместо того, чтобы Аехако отстранился от меня, он все продолжает ласкать мой клитор, вызвав во мне предельный накал возбуждения. Я... я не знаю, что и думать. Каждый раз, когда я касалась себя, в тот момент, когда кончуя, я останавливаюсь. Дело сделано. Вот только он все еще прикасается ко мне, и я уже не могу с этим справиться. Громкий крик срывается с моих губ, когда я в очередной раз кончуя, еще тяжелее, более остро, а его губы накрывают мои, чтобы приглушить этот звук. А я лишь продолжаю кончать.

К тому времени, когда посторазменная дрожь перестает прокатываться сквозь мое тело, меня лихорадит, и я чувствую себя чрезвычайно чувствительной, но выдаю писк тоненьkim голоском в знак протesta, когда его пальцы соскальзывают с моего клитора. В ошеломлении я поднимаю взгляд на Аехако, а он напоследок целует меня в кончик носа, после чего подносит свои влажные пальцы к своему рту. Снаружи так холодно, что они покрываются тончайшей коркой льда, но он слизывает эти замерзшие капли, а из его горла прорывается глубокий рокот удовольствия.

А я просто пялюсь на него.

Чем мы только что тут занимались?

AEXAKO

Руки Кайры сжимают мою задницу, так близко к моему хвосту, что это сводит меня с ума. Я не знаю, понимает ли она, во что она вцепилась, — судя по ее бессмысленному взгляду, я не уверен, осознает ли она вообще.

И неописуемая гордость распирает меня от одной только мысли об этом. Мне нравится, что именно я довел ее до совершенно бессмысленного состояния.

Она моя. Резонирует она или нет, но Кайра — моя женщина, моя пара, и я буду драться с любым мужчиной, который посчитает иначе. Я по-собственнически обнимаю ее, наблюдая, как меняются выражения на ее маленьком человеческом личике.

Однако, в тот момент, когда она приходит в себя, печаль вновь возвращается в ее взгляд. Я этого не допущу. Поэтому я привожу ее в себя еще одним поцелуем, а потом шепчу ей на ухо:

— Твоим рукам достаточно тепло?

Она моргает и смотрит на меня подернутыми дымкой глазами, и тут же отдергивает руки, как будто обожглась, как только осознает, что держит меня за задницу. У нее темно-красное лицо, нос — от холода, а щеки — от смущения.

— Нам не следовало этого делать.

При мысли об этом собственническая мужская половина меня тут же становится ворчливой. *Почему не следовало?* Я смотрю, как она натягивает обратно спущенные на бедра штаны и завязывает шнурки.

— Почему бы нам этого не делать? Разве ты не наслаждалась? Разве я не заставил тебя содрогаться от удовольствия?

Ее пальцы прижимаются к моему рту, чтобы заставить меня замолчать, и она оглядывается вокруг, чтобы убедиться, не наблюдает ли кто-нибудь. Я нахожу это забавным, если учесть, что мгновение назад, когда кончала, она голосила от наслаждения. Когда она убеждена, что больше никого нет, то снова смотрит на меня с упреком в глазах.

— Почему нам не следовало этого делать? — я еще раз задаю тот же самый вопрос.

— Было здорово.

— Да, конечно, но мы же не связаны! А с моим-то везением завтра ты можешь с кем-то спариться.

— Аах, — говорю я. — Но сейчас у нас все еще не закончилась эта ночь.

И я наклоняюсь поцеловать ее еще разок и расстраиваюсь, когда она отворачивает голову в сторону.

— Я девственница, — говорит она.

— Я не знаю этого слова.

— У меня никогда ни с кем не былоекса.

Ее лицо снова становится восхитительно красивым. Мне вот любопытно, останется ли оно таким и дальше, если она будет смущаться еще больше?

— И?

— И я должна беречь себя для своей пары! Если мне вообще когда-нибудь такой достанется, — выражение ее лица снова становится печальным.

Меня совершенно сбивает с толку подобный ход ее рассуждений.

— С чего бы тебе беречь себя?

— Разве он не захочет быть единственным, кто прикасался ко мне?

Я фыркаю.

— Думаю, он бы предпочел, чтобы ты знала, что делать. Какой мужчина станет попрекать тебя за желание получить удовольствие?

Ее брови взлетают вверх, однако уголки ее губ приподнимаются в слабую улыбку. Она смягчается ко мне.

— Это не очень-то естественный образ мышления у людей.

Я широко раскрываю руки в красноречивом жесте.

— Рассмотри хорошенъко мужчину, что стоит перед тобой. На твой взгляд он выглядит естественным человеком?

Кайра дарит мне еще одну слабую улыбку, после чего мотает головой. Она поднимает взгляд на небо, откуда начинает валить тяжелый снег, покрывая нас обоих белыми хлопьями.

— По-твоему, он кончится к завтрашнему утру?

— Я так не думаю.

Она выглядит расстроенной.

— Мы можем отложить поход. Ну, один-два дня не имеют значения.

И вновь на ее лице отражается паника. Она трясет головой в знак отказа.

— Мы не можем.

— Кайра, — говорю я, положив руку ей на щеку. Речь явно идет не об удовольствиях или спаривании. Речь явно идет о чем-то другом, о чем-то очень плохом, и

она мне расскажет, в чем дело. — Что такое происходит, о чём ты не рассказываешь?

Моргая, она смотрит на меня, и я вижу, как мысли крутятся у неё в голове. Что-то тревожит её, и она до ужаса боится об этом рассказывать. Её большие глаза настолько печальны, что у меня грудь сжимается от боли. Если бы я мог, то забрал бы эту её печаль себе.

Если она позволила бы мне это сделать.

Она прикусывает губу.

— Ничего, сущие пустяки.

— Это вовсе не пустяки, и если не расскажешь мне, то я войду в эту пещеру и всем расскажу, что мы тут только что вытворяли, — не то, чтобы кому до этого есть дело, но я знаю, что застенчивая Кайра будет беспокоиться о том, что подумают люди.

Она приоткрывает губы, и на мгновение мне кажется, что она хочет еще один поцелуй. Но тогда она резко захлопывает рот и хмурым взглядом смотрит на меня.

— Ты играешь нечестно, Аехако.

— Нет, — говорю я веселым голосом. Я не намерен играть честно, когда дело доходит до неё. Она принадлежит мне. Я прикасаюсь к ее щеке. — Но ты все равно мне расскажешь, что тебя беспокоит.

Снова прикусывая губу, она пальцами дотрагивается до странной металлической штуковины, которая выступает из ее уха.

— Если..., если расскажу тебе, ты не сможешь никому об этом рассказывать. Даже Бэку с Вэкталом, вообще никому.

Будто бы я делюсь чем-то с Бэком. У этого мужчины между ушами нет ничего, кроме снежных заносов. Но я, соглашаясь, киваю головой.

Ее ладони сжимаются в кулаки, и тогда она скрещивает руки у себя на груди. Не в гневе, до меня начинает доходить, а... крепко сжимаясь. Пытаясь себя защитить.

— Те, другие, возвращаются, — шепчет она. — Инопланетяне. И боюсь, они сумеют найти меня.

Часть 3 *AEXAKO*

— Расскажи мне все.

Она потирает свои маленькие человеческие ручки, после чего делает именно то, что я требую. Ее страхи выливаются наружу — все то, что она слышит через странную раковину в своем ухе, и ее опасения, что они возвращаются, чтобы заполучить ее обратно. Пока она говорит, я вижу предельный, абсолютный ужас, отразившийся на ее лице, и мне больно, что она таила все это внутри себя, решив, что это то бремя, которое она должна нести в одиночку.

Однако, она не одинока. Она принадлежит мне.

Закончив говорить, Кайра вытирает уголки своих глаз, чтобы осушить слезы, прежде чем те замерзнут у нее на щеках.

— Скажешь мне что-нибудь? — просит она меня.

— Мы можем извлечь эту раковину из твоего уха?

Она мотает головой и прикасается к ней.

— Я пыталась. Без хирургического вмешательства не получится, и порой мне кажется, что стоит просто взять, да и отрезать все чертово ухо, но я боюсь, что там есть какая-то часть, которая уходит в мою голову гораздо глубже, — она прикусывает губу. — Мне не хочется делать себе лоботомию.

Я не знаю этого слова, но понимаю все, о чем она говорит, — она очень разумна и ей хватило бы ума не шутить такими вещами, в которых ничего не понимает.

— Ну, тогда нам надо его из тебя вытащить, — я гляжу ее по волосам. — Я все равно отправляюсь с тобой, Кайра, но мы должны рассказать остальным. Не следует брать их с собой, если, будучи рядом с тобой, это подвергнет опасности их жизни.

Она слегка морщит лицо.

— Думаешь, я готова подвергнуть их опасности? Это последнее, чего бы мне хотелось. Мне хочется убраться подальше от пещеры, чтобы никому, кроме меня, опасность не грозила.

— Если считаешь, что они уже возвращаются за тобой, — говорю я, принимая во внимание инопланетное устройство, застрявшее у нее в голове. — Тогда лучше всего, чтобы мы не находились вблизи остальных. Ты со мной не согласна?

— Ты прав. Мне раньше следовало об этом рассказать, — Кайра выглядит поникшей.

— В страхе нет ничего постыдного, — говорю я ей и слегка приподнимаю ее лицо, чтобы она посмотрела на меня. — Я не отказался от тебя. Не бойся.

От беспокойства у нее на лбу появляются морщинки.

— Но это не безопасно.

— А что в этом мире вообще безопасно? — я пытаюсь отшучиваться. — Я могу завтра умереть от падения или плохой еды.

— Не говори таких ужасных вещей, — глаза Кайры блестят от еще больше невыплаканных слез. — Ты был бы в безопасности, если бы не я.

— Если бы не ты, я был бы одиноким и опустошенным, — говорю я ей. — Думаешь, что ты не стоишь небольшого риска? — в ответ на ее молчание я продолжаю. — Я считаю, что стоишь.

Храбрая улыбка, которой она мне улыбается, чуть дрогнула.

— Мне страшно.

— Мне этой ночью придти в твои шкуры и отвлечь тебя до тех пор, пока ты не перестанешь бояться?

Она лицом утыкается мне в грудь. Лишь ее тихое хихиканье подсказывает мне, что ее настроение немного улучшилось от того, что она поделилась тяжестью своего бремени.

Для меня достаточно и того, что она мне все рассказала. Скоро она станет доверять мне все свои тайны. Тогда она перестанет противиться мысли о том, чтобы стать моей парой. Но, для начала, я должен помочь ей избавить наше небо от тех, кто стремится отнять ее у меня.

Я мысленно добавляю побольше оружия к своим походным запасам.

КАЙРА

Следующим утром...

Не так-то просто рассказать правду Вэкталу и остальным, зачем мне необходимо побывать на космическом корабле старейшин. Я испытываю жгучий стыд, будто это моя

вина. Я вижу тревогу в глазах Джорджи и других, и чувствую себя виноватой. Я разорвала их счастливый пузырь и вселила страх.

Только лишь сильная рука Аехако на моей спине удерживает меня от того, чтобы не сбежать, как трусишка. Понять не могу, почему он помогает мне справиться со всем этим, но я благодарна ему за это. Очень, очень благодарна.

— Ты опять их слышала? — спрашивает Джорджи. Говорит она спокойным голосом, но на лбу проступает морщинка, выдающая ее обеспокоенность. Пока я смотрю, Вэктал запутывает свою руку в ее выущихся волосах, будто бы пытаясь привязать ее к себе.

Я мотаю головой.

— И все равно, лучше обезопасить себя, чем потом сожалеть. Хочу избавиться от этой штуки в моем ухе и уничтожить любую возможность выследить меня. Если на корабле старейшин можно это сделать, стоит попытаться.

— А что, если не получится? — голос Джорджи нежен, хотя ее вопрос леденит мне самую душу.

Понятия не имею, что буду делать, если не смогу извлечь его. Мне нельзя будет сюда возвращаться и представлять собой опасность для окружающих.

— Ну... полагаю, буду пересекать этот мост, когда подойду к нему.

— Мост? — спрашивает Вэктал.

— Фигура речи, любовь моя, — Джорджи похлопывает его по плечу. — Тебе не о чем волноваться.

— Что бы ни случилось, я не приведу их сюда, обещаю, — заверяю я ее. Даже под страхом смерти — или того хуже, если меня саму повторно захватят в плен, я никогда не предам остальных. Я лишь надеюсь, что инопланетяне оставят все как есть.

Она прикусывает губу и смотрит на свою пару, вождя. А потом Джорджи оглядывается назад на меня.

— До тех пор пока это не станет необходимостью, мне бы не хотелось другим ничего рассказывать. Не хочу их тревожить. Ариана больше не плачет по поводу и без повода, а Клэр, когда я разговариваю с ней, уже не съеживается. А Меган...

Я киваю головой. Меган только что спарилась с Кэшолом. Она излучает неподдельное счастье. Я не могу у нее этого отнять.

— Скажу остальным, что планы изменились, и больше нет необходимости идти с нами.

— Я все равно пойду, — упрямо заявляет Аехако. — Я не позволю Кайре покинуть поле моего зрения. Я позабочусь о том, чтобы она оставалась в безопасности, — он смотрит вниз на меня, и мне приходится стараться изо всех сил, лишь бы не покраснеть, вспоминая то, что произошло прошлой ночью. — Думаю, Хэйден поможет мне, если я попрошу его. У него нет семьи, которую он мог бы поставить под угрозу.

— Я могу отправиться и одна, — я возражаю. Мне не нравится мысль о том, чтобы подвергать других опасности. — Просто ткните мне пальцем в сторону того корабля...

Осуждающе хмурясь, Аехако гневно смотрит на меня, пытаясь тем самым заставить замолчать.

— Я не допущу этого, — сообщает он. — Буду держать тебя в безопасности.

— Какой защитник, — Вэктал комментирует. — Ты точно уверен, что между вами двумя нет резонанса?

— Если бы надежды было достаточно, чтобы разбудить мой кхай, моя грудь бы гремела, мой друг, — говорит Аехако с легкостью.

Я молчу. Просто сижу там и краснею.

— Я, эээ..., дам знать Клэр и Харлоу, что планы изменились, — увидев тревожный взгляд Джорджи, я поправляю: — Не волнуйся. Я не скажу правду. Просто приглажу ее.

Я бы не пожелала этот страх, от которого у меня все внутри сжимается, кому-либо еще.

Спустя несколько минут мы расходимся, и я отправляюсь в пещеру человеческих «холостячек», чтобы поговорить с Клэр и Харлоу. Клэр вполне устраивает, что не нужно тащиться с нами, особенно после того, как я сообщаю, что ее Бэк тоже не идет в поход.

Харлоу, напротив, чрезвычайно упрямая. Она трясет головой и перекидывает через плечо свою сумку в ее неизменной манере.

— Я пойду с тобой.

Я беру ее за локоть и веду в угол комнаты, где, надеюсь, Клэр нас не подслушает.

— Харлоу, дело не в том, что я не хочу, чтобы ты отправилась с нами, а в том, что... все может оказаться чуть более опасно, чем мы изначально ожидали. Будет лучше, если группа будет небольшая.

Она пристально смотрит на меня своими ярко-синими, мерцающими глазами, прочно подтверждающими наличие кхай внутри нее. Они выглядят так странно в сочетании ее рыжих волос и бледной, покрытой веснушками кожи.

— Пещера старейшин. Ты говорила, что это космический корабль, верно?

— Ну, д... да, но ему пару сотен лет, и он уже не летает, — говорю я, запинаясь. — Компьютер внутри него все еще работает, но это все, что я знаю...

— Тогда я иду, — говорит Харлоу. — Ты не можешь мне запретить.

Нахмутившись, я гляжу на нее, разочарованная ее упрямством.

— Там может быть опасно, — я еще раз подчеркиваю этот факт.

— Из-за непогоды?

— Из-за кое-чего другого, — увиливаю я от прямого ответа.

На мгновение она задумывается, но затем мотает головой.

— Я все ровно иду. Я предпочитаю рискнуть. Мне необходимо увидеть тот корабль.

Мгновение я тупо таращу глаза на Харлоу. *У нее что, тоже есть слуховое устройство? Или происходит что-то еще?*

— Может, хочешь о чем-то поговорить?

— Не-а, — она поправляет свою сумку, закидывая ремень на плечо. — Когда отправляемся?

Я вздыхаю, признав свое поражение.

— В самое ближайшее время. Ну, пошли.

Я достаю свою сумку, и мы с Харлоу в передней части пещеры встречаем Аехако с Хэйденом

Аехако тут же забирает у меня свернутые постельные принадлежности и привязывает их к своим.

— Ты тащишь на себе слишком много. Давай я помогу.

— Я в порядке, спасибо, — говорю я, чувствуя себя немного неловко. Хэйден не висит над душой у Харлоу, как Аехако надо мной. Опять же, Харлоу с Хэйденом, скорее

всего, не занимались тем, чем мы с Аехако занимались прошлой ночью. Я заливаюсь багряным румянцем, лишь подумав об этом.

Я знаю, что двадцать два года — слишком большой возраст, чтобы быть девственницей, но до недавнего времени я никогда особо над этим не задумывалась. Просто никогда раньше не было возможности заняться с кем-то сексом. Но сейчас, похоже, выпала возможность трахнуться с сексуальным инопланетянином..., а худшего времени не придумаешь. Как я вообще могу даже задумываться о том, чтобы заводить с кем-то отношения?

Конечно, для него это, наверное, было бы всего лишь легкомысленным сексом ради удовольствия. Не имеющим особого значения, за исключением проведенной вместе ночи. Но это не то, как мне видятся отношения. Я не могу просто запрыгнуть в постель с парнем забавы ради и больше об этом не вспоминать. Я должна заставить Аехако это понимать. *O, нет.* Ужасная мысль приходит мне на ум. А что, если он так сильно сосредоточен на мне просто потому, что я доступна для «приятного времяпрепровождения»? Может, в их культуре так принято, и женщинам, не связанным резонансным спариванием, следует веселиться и совершать дикие вещи, свободно распоряжаясь своими телами? Ничего плохого в этом нет..., но... *я не такая*.

Я чувствую себя виноватой, что столько времени обманывала его. Мне нужно с ним поговорить. Я прикасаюсь к его руке.

— Можно тебя на пару слов?

— Нам нужно торопиться. Нужно двигаться как можно быстрее, пока погода не ухудшилась. И эта погода уже сейчас будет нас замедлять.

Я окидываю взглядом остальных, которых заставляю ждать, и хлопаю по широкому плечу Аехако. Когда он, глядя на меня, приподнимает бровь, я разочарованно вздыхаю и прошу его наклониться, чтобы я могла шепнуть ему на ухо. Это не так уж и легко, если учесть, что он семь футов ростом. Когда он наконец-то наклоняется, я облизываю губы, внезапно занервничав.

— Думаю, лучше мне пойти одной.

— Почему? Мне казалось, мы с этим уже разобрались...

— Я не хочу, чтобы ты думал, ну, что между нами все может сложиться иначе.

Он выпрямляется и окидывает меня настороженным взглядом. Затем снова наклоняется и притягивает меня к себе.

— Что тогда я должен думать по поводу того, что происходит между нами?

Я заламываю руки, как скромница, но, черт возьми, в данный момент я и чувствую себя скромницей.

— Дело в том... Просто я..., — я шумно выдыхаю. — Вчера ночью? Что было между нами? Я понимаю, для тебя все это забава и веселье без мыслей о завтрашнем дне, но это совсем не то, как я себе это представляю. У меня нет случайных связей. Я не создана таким образом. Так что я не хочу, чтобы ты думал, что мне по душе заниматься сексом только ради секса и не более того. Не думаю, что смогу повторить то, что мы... эээ..., сделали...

— Мы сделали не так уж и много, — прерывает он, и в его голосе слышатся нотки сдержанного веселья.

Я не обращаю на него внимания и продолжаю.

— ...не думая, будет ли между нами что-либо в будущем. И не хочу, чтобы ты думал, что ты должен заводить со мной отношения, — черт возьми, теперь я совсем разволновалась, потому что он лишь смотрит на меня. — Я просто объясняю, что я не тот тип девушки, с которой можно поразвлекаться. И не собираюсь вводить тебя в заблуждение.

Огромный инопланетянин в полном безмолвии смотрит на меня.

— Ну? — спрашиваю.

— Уже закончила извергать на меня свои оправдания?

Я скрещиваю руки на груди.

— Это не оправдания.

— В таком случае, ты еще не закончила?

— Нет, я закончила...

Он заводит свою большую руку мне за голову и тянет меня к себе, при этом наклоняясь вниз до уровня моего роста. Мы находимся лицом к лицу, он настолько близко, что я могу чувствовать его легкий аромат и вдыхать его теплое дыхание, и от этого я испытываю дивное чувство интимности.

— Слушай сюда внимательно, Кайра. Ты меня интересуешь не только ради секса. Хотя, по правде говоря, я бы с радостью на него согласился, если бы ты предложила.

Ужаснувшись, я озираюсь вокруг, поскольку он не разговаривает со мной шепотом. Голос у него настолько громкий, чтобы его могли услышать все, находящиеся в пещере.

Кончиками пальцев Аехако слегка приподнимает мой подбородок, вынуждая меня посмотреть ему в глаза. Его взгляд интенсивен, и я глаз не могу оторвать.

— Я заинтересован в тебе. Во всей тебе, целиком и полностью. В твоих печальных глазах, в твоих нежных улыбках, в твоих слезах, в твоей храбости и заботах. Сейчас я рядом с тобой и буду рядом до тех пор, пока ты не скажешь мне, чтобы я ушел. Я не вижу необходимости в кхай, указывающем мне, кто для меня пара. Ты моя, и каждое мгновение с тобой я использую, как дар.

— А как же насчет...

— Если мой кхай начнет резонировать для другой? Я не допущу этого, — он чрезвычайно самоуверенно улыбается. — Мое сердце — твое, и только твое.

— Но здесь все не настолько просто устроено, Аехако.

— Именно настолько просто все устроится для меня, — заявляет он упрямее, чем когда-либо раньше. — А если твой кхай станет резонировать для кого-то другого, тогда ради твоего счастья я с радостью отправлю тебя ему в руки.

Горячие слезы щиплют мои глаза. Ком в моем горле не дает мне говорить, но если бы я могла, я, скорее всего, просто пробормотала несколько бессмысленных слов о том, какой он хороший мужчина. Поскольку он лучше всех.

— Ты, Кайра, стала моей в тот самый момент, когда приземлилась на этой планете, — заявляет Аехако. — Мне не нужен кхай для того, чтобы сказать мне об этом. Кроме того, я никому не позволю тебя у меня отнять. Так что, давай, пойдем, вытащим из твоего уха эту раковину и избавим тебя от тревог, ну а потом ты бросишься в мои объятия и оближешь каждый дюйм моей кожи, чтобы получше выразить свою признательность.

Сдавленное хихиканье срывается с моих губ.

— Вот так-то лучше, Печальные Глаза, — говорит Аехако. Он нежно прикасается к моей щеке. — А теперь, пора уходить. Нам нужно много пройти до того, как стемнеет.

Если бы я посчитала, что Хэйден с Аехако зададут легкий темп ради нас, потому что мы люди и несколько хилее в своих силах, чем они привыкли ходить, я бы совершила роковую ошибку. Они следят за тем, чтобы мы были хорошо укутаны от холодных ветров, проверяют наши снегоступы, после чего набирают бешеную скорость сквозь лощины и овраги заснеженной земли. Я с шумом дышу, воздух при каждом моем выдохе примерзает к меховому шарфу, который покрывает нижнюю половину моего лица, и иду настолько быстро, что мне кажется, будто я бегаю трусцой. На снегоступах.

Смешно сказать, но даже Харлоу идет быстрее меня, поэтому мне не на что жаловаться. Я лишь изо всех сил стараюсь не отставать от других.

Рост инопланетян — наряду с их необычно сформированными широкими и длинными ступнями — значит, что им, вроде нас, щедших людышек, не нужно использовать снегоступы. Они лишь замедляют меня и при каждом шаге заставляют остро ощущать, как напрягаются силы. Еще до того, как пещера исчезает из виду, Аехако подбегает обратно ко мне, срывает с моей спины сумку, после чего высказывает мне слова ободрения, поэтому я буду и дальше стараться идти в ногу.

Если бы все, что для этого требовалось, было бы решительностью, я бы шла впереди группы. Вместо этого я плетусь сзади, и это становится все тяжелее, поскольку буря набирает силу, а с серых небес валит снег. Я опускаю голову и продолжаю идти, переполненная мрачной решимостью не отставать от других. Джорджи говорила, что корабль находится всего в дне пути, или около того, от племенных пещер, так что это не должно быть такое уж и долгое путешествие. Мне просто нужно взять себя в руки и продолжать двигаться.

Через несколько часов мы делаем перерыв, чтобы поесть. Хэйден вроде пращи прикончил какого-то зверюгу, и оба мужчины срезают с него сырье кусочки и предлагают их нам. Я еще не привыкла есть мясо в натуральном виде, но Лиз уверяла меня и раньше, что оно превосходно. И опять же, Харлоу сидит и спокойно ест, поэтому у меня такое чувство, что не могу быть той единственной, кто требует разжигание огня. Так что я давлюсь теплыми, кровавыми кусочками пищи. «*Это лишь источник энергии, — напоминаю я себе. — Энергии, которая жизненно необходима, потому что подозреваю, что мой «бак» опустеет еще до того, как этот день закончится.*

Как только еда съедена, нам снова приходится отправляться в путь. Аехако снижает свой темп до моего, и его шаги кажутся до невозможности медленными.

— С тобой все в порядке?

— Старюсь держаться, — уверяю я его. Я чувствую себя тупицей из-за того, что такая медленная, когда он несет и мою сумку и свою, а я едва успеваю, прилагая серьезные усилия.

Он кивает головой и быстренько сжимает в объятиях мои покрытые мехом плечи, а потом своей обычной быстрой походкой направляется вперед.

Проходят часы, и моим миром становится не что иное, как передвигание ног по дорожке, которую передо мной своими снегоступами прокладывает Харлоу. Я уже практически полностью утратила представление о холода и путешествии. Я считала, что первый переход в племенные пещеры был изнурительным, но теперь я припоминаю, как

долго нас, слишком слабых, чтобы самим ходить, несли. Хотела бы я, чтобы и сейчас здесь был кто-то, кто захотел бы меня нести. С небес продолжает поступать нескончаемый поток снега, делая практически невозможным видеть вперед дальше, чем на пару футов. Даже не представляю, как парни могут различить, куда идти, но мы, кажется, направляемся по прямой линии. Это обнадеживает. Мне так кажется.

Рука касается моей руки.

— Кайра?

Я поднимаю взгляд и осознаю, что шарф поверх моего рта примерз к моему лицу, а зубы стучат.

— Ч... ч... что?

Это — Аехако, его крупное лицо излучает озабоченность. Он снимает капюшон со своих рогов, и кажется, он не больше встревожен непогодой, чем если бы это был ливень, а не снежный апокалипсис.

— Пойдем, — говорит он, притягивая меня к себе, и для поддержки оборачивает руку вокруг моей талии. — Мы недалеко от пещеры. Пойдем.

Я обвиваю у него на руке и в большей или меньшей степени позволяю ему тащить меня оставшуюся часть пути до пещеры. Я и не представляла, насколько устала, пока он не вытащил меня из моего транса, и теперь кажется, будто все, до последней капли, силы покинули мое тело. Переводчик в моем ухе ощущается куском льда, и я не чувствую пальцы ног. Или пальцы рук. Все это время мои зубы громко стучат, словно они отбивают чечетку, а сверху все продолжает падать снег.

Возможно, нам все-таки следовало подождать.

У меня даже нет сил возразить, когда Аехако закидывает меня себе на руки и несет оставшуюся часть пути до пещеры. По крайней мере, там будет тепло и костер. *Господи, я обожаю костер.*

Но когда мы добираемся до пещеры, внутри ее темно. Костра нет.

— В этом районе водятся опасные хищники, — объясняет Хэйден. — Здесь опасно разводить костер. Нам придется делиться теплом тела.

Я смотрю на Харлоу, которая так же закутана в шкурах, как и я. *Эта будет та еще холодная ночка.*

Между тем, когда Аехако осторожно меня опускает, Харлоу, бросив всего один взгляд на меня, бросает свою сумку возле Хэйдена. Она разворачивает свои свернутые постельные принадлежности и снимает с себя мокрую, покрытую снегом одежду, после чего завернутая в покрывалах, как большой мохнатый червь, медленно подбирается к нему.

А это значит, что я буду с Аехако.

Наверное, следовало этого ожидать. Я тут стою, как большое эскимо, тогда как Аехако стаскивает рукавицы с моих окоченевших рук, а потом дует на мои замерзшие пальцы, чтобы согреть их.

— К... как т... так в... вышло, что Х... Харлоу не так х... холодно, как мне? — говорю я, стуча зубами. — Как так в... вышло, что я нининнастолько хреновоправляюсь с походом?

— Она не проболела две недели, как ты, — с уверенностью говорит Аехако. — Со временем ты станешь сильнее.

Харлоу зевает и с проворностью поглубже зарывается в своих шкурах.

— Если тебе от этого станет легче, то я тоже продрогла и измотана.

Это не так, потому что она не выглядит, словно вот-вот рассыплется на куски, как я. Уверена, она прижимается к Хэйдену, совсем не самому приятному из людей. Тем не менее, я бы чувствовала себя лучше, если бы не была единственной, у которой возникли трудности.

— Давайте уже ложиться спать, — говорит Хэйден. — С утра перекусим, а потом снова отправимся в путь.

Аехако раздевает меня до моего последнего слоя одежды, раскладывая их рядом с одеждами других, чтобы те высохли. Пещера небольшая, но, по крайней мере, тут нет сильных ветров. Я наблюдаю, как Аехако раскладывает мои шкуры, а потом свои, соединяя их вместе. Тогда он опускает меня вниз на постель и натягивает на меня покрывала до самого подбородка.

Что-то совершенно не чувствуется тепла. Я готова заскулить, когда огромное тело Аехако пробирается в шкуры рядом со мной, и он притягивает меня к себе, прижав мое лицо к своей голой груди.

И... о, да! Ясно. Так вот откуда придет тепло. Ибо спать с Аехако — все равно, что спать с обогревателем. Мягким, бархатным и с ярко выраженным мышцами. И наверняка, он голый, или, как минимум, до набедренной повязки.

Мужчина.

Я прекращаю стучать зубами и прижимаю свои замерзшие руки и ноги к его коже. Он не возражает, лишь обнимает меня покрепче. Мое тело наполняется восхитительным теплом, отобранным у него, и впервые с тех пор, как долгие часы назад я покинула племенные пещеры, я начинаю ощущать себя хорошо.

— Мы уже почти дошли? — шепчу я Аехако. — До пещеры старейшин?

— Где-то на полпути, — говорит он вполголоса. Его палец прослеживает мое ухо, потом челюсть, от чего у меня мурашки по спине побежали. — Мы движемся медленнее, чем нам хотелось бы. Буря затрудняет движение.

«Буря, а также, пожалуй, человек-тормоз», — но этого я вслух не произношу. Он знает, что я стараюсь изо всех сил. Я прижимаюсь к нему поближе и потираю пальцами его живот. *Боже, он ощущается так приятно.* Мои пальцы скользят вверх-вниз по плоской поверхности мышц его живота, который я исследую своим прикосновением в то время, как он ласкает мое лицо.

Меня должно по-настоящему смущать то, что Харлоу сразу же решила, что я сплю с Аехако. Но... я нахожу, что на самом деле мне все равно. Я рада этому. Мне совсем не хочется прижиматься к ней, поскольку она не теплая и не такая восхитительная — и мне уж точно не хочется прижиматься к Хэйдену. Я довольна, что под покрывалами я вместе именно с Аехако, даже если это всего лишь ради тепла.

И я вспоминаю то, что он говорил раньше. О том, что хочет быть со мной, несмотря ни на что. Жар устремляется сквозь все мое тело, и хотя я крайне измотана, я обнаруживаю, что мои руки все-таки скользят вниз, чтобы проверить, не одет ли он в набедренную повязку.

Мои ищущие пальцы наталкиваются всего лишь на мускулистые бедра в отличной форме. *Господи. Так что..., да.* Нет никакого пояса на талии. Никакой кожаной одежды. Ничего. Только я и крупный голый инопланетянин, в которого мне хочется зарыться ради тепла.

Черт возьми, как же иногда тяжело быть самой собой.

Аехако подается вперед и прижимается губами к моему лбу.

— У тебя пальцы... ну очень шаловливые. Ты не устала? — говорит он тихим шепотом, чтобы другие не услышали.

— Я очень устала, — говорю я ему. Однако, мне по-прежнему любопытно. Нельзя винить за это девушку. Он большой, теплый и бархатистый, и я не могу перестать его ласкать.

— Тебе следует поспать.

— Я постараюсь, — скоро. Мне просто хочется немного его исследовать и продолжать прикасаться. Я пристрастилась чувствовать его мягкую кожу поверх всех этих твердых мускулов. Я продолжаю ласкать его живот, потому что мне не хватает смелости опуститься ниже. Что-то задевает мою руку, и, задохнувшись от шока, я оттягиваю ее назад. *Была ли это его...*

— Не стесняйся. Тебе хотелось исследовать, так исследуй, — в его голосе слышится вызов, а также нотки веселья.

Это так чертовски похоже на вызов. Я и возмущена этим, и, разумеется, в восторге. Собрав все свое мужество, я тянусь рукой вниз. Мои пальцы наталкиваются на твердую, горячую плоть. Огромную плоть. Я... не вполне уверена, нормальный ли это размер, но, может, это обычный для инопланетян. Я беру его член в руку, обхватывая его пальцами.

Он тут же накрывает ладонью мою щеку, и тихий стон наслаждения вырывается из его груди. Это как раз по мне.

И в этот момент я слегка увлеклась этим. Его ответной реакцией. Я отпускаю его и скользжу пальцами вверх-вниз по его длине, исследуя его на ощупь своими прикосновениями. Я ощущаю вены, а вдоль верхушки обширные бугристости, напоминающие те, что у него на лбу. Головка чувствуется значительно больше, чем остальное, и мои пальцы там неожиданно наталкиваются на скользкость.

— Разве ты там должен быть мокрым? — спрашиваю я, пребывая в легком потрясении.

— Когда ты прикасаешься ко мне, мое семя не в силах оставаться внутри, — бормочет он, губами прослеживая изгибы моих бровей. — Твои прикосновения чересчур возбуждающие.

Мои прикосновения? Это мои-то? Вряд ли кому-нибудь когда-либо приходило в голову в отношении меня использовать слово «возбуждающий». Я прикусываю губу и скользжу рукой еще ниже, задев другие части его тела. *Яйца.* Это слово кажется таким дурацким. Мешочек — больше бы подходил. Там внизу он безволосый, а кожа даже еще мягче, чем я себе представляла. Я окружаю толстое основание его члена, и мои пальцы задеваю... *Господи. Должно быть, это и есть его шпора.* Это твердая, рогоподобная штуковина над его членом, размером где-то с мой мизинец. Что за причудливо-странный часть тела. Хотелось бы знать, как это совпадет с моим телом. Предполагаю, что все нормально, поскольку ни у Джорджи, ни у Лиз не было ни единой жалобы. Я ласкаю ее пальцами и чувствую, как Аехако против меня напрягается. *Ооо!* У меня между ног начинается разгоряченная пульсация, и я плотно сжимаю свои бедра.

— Что я должна делать? — спрашиваю я его.

Он наклоняется и нежно целует меня в губы.

— Остановиться.

Это... не то, чего я ожидала услышать. Я резко отрываю от него руки, будто обожглась.

— Я что-то делаю не так?

— Ну что ты, — Аехако зубами покусывает мои губы, посыпая еще один разряд приятного возбуждения по всему моему телу. — Просто, если ты продолжишь, понятия не имею, как буду объяснять другим, почему моим семенем забрызгана вся пещера.

В потрясении у меня вырываются смешок, и Аехако рукой закрывает мне рот.

— Успокойтесь, вы оба, — рычит Хэйден в нескольких футах от нас.

О, Боженьки! Аехако прав. Мы должны остановиться. И все же, так трудно убрать руки от него и вернуть их обратно на его прекрасную, безопасную грудь.

Он, должно быть, чувствует то же самое, потому что крепко меня целует, а потом отпускает меня.

— Засыпай, — бормочет он. — Сможешь исследовать еще, когда останемся наедине.

Когда я погружаюсь в сон, мне кажется, что это именно та идея, которая определенно заслуживает всяческого внимания. Во сне я грежу о теплой синей коже и шпорах и еще кое-каких клевых штучках типа этой.

AEHAKO

Следующим утром вылезать из шкур становится тяжким испытанием. Не потому, что я устал, а потому что Кайра своей сладкой фигуркой свернулась возле меня, и ее маленькое тело податливо прижало к моему. Не думаю, что мне когда-либо настолько сильно хотелось оставаться на месте.

Другой человек все еще спит, хотя место Хэйдена в шкурах уже пусто. Что ж, между ними нет никаких отношений. Это меня не удивляет — на мой взгляд, Хэйден дистанцируется от всех, даже еще больше, чем Рбхощ. По крайней мере, он такой с тех пор, как потерял свою пару, не успев заявить на нее права. Кто знает, как такое влияет на сердце мужчины?

Я осторожно выбираюсь из шкур, чтобы не разбудить Кайру, и тихо одеваюсь, прежде чем направиться к выходу из пещеры. Хэйден стоит неподалеку, уставившись на что-то на заснеженной вершине горы. Я присоединяюсь к нему, и он указывает на снег.

— Мы не одни, — говорит он.

У меня волосы встают дыбом при виде следов в нетронутом, густом снегу. Они не достаточно глубоки, чтобы быть моими или Хэйдена, а форма и размер не подходят для человеческих ног. Но совершенно очевидно, что прошлой ночью нас кто-то навещал.

Или что-то.

Я приседаю рядом с ним и прикасаюсь к следу. Снег покрыт засохшей коркой, а это означает, что следу уже несколько часов.

— Не могу понять, что за существо, — говорю я ему вполголоса, чтобы люди ничего не расслышали. — У кого три пальца на ногах вроде этих?

Сам след — в два раза больше моей собственной ступни, сформированный в виде трех длинных заостренных зубцов вместо пальцев ног. У меня на ноге три пальца, но... не такие. *Странно.*

Это и злит меня, и вызывает защитную реакцию, стоит мне лишь подумать о хрупких людях, спящих в пещере. Мысль, что нечто подходило настолько близко, заставляет меня чувствовать свое бессилие.

— По-твоему, это те инопланетяне, о которых говорила Кайра? — Хэйден окидывает меня беглым взглядом. — Следы делают круг вокруг нашей пещеры и недалеко от сюда, на месте пересечении ручья, исчезают.

Я облизываю большой палец и проверяю направление ветра. Он дует против нас. Если в следах и был оставлен запах, по которому можно было бы отслеживать, то он уже давно пропал. *Проклятье*.

— Если это были те инопланетяне, почему они не напали, пока мы спали? Под прикрытием бури? Кайра думает, что они хотят вернуть свою раковину, что у нее. Если это именно то, чего они хотят, почему этого не сделали?

Я потираю себе лоб у основания рогов. Я злюсь на себя — в ярости, что кто-то подошел настолько близко к нашей пещере и представлял собой угрозу для моей женщины. В ярости, что не караулил на дозоре, а вместо этого забрался в постель к ней, чтобы разделить пару мимолетных минут удовольствия.

Хэйден пожимает плечами и встает на ноги. Его это не беспокоит. Для него это всего лишь очередная охота, еще один день. Случается, что мне так и хочется, чтобы произошло нечто, что заберет эту мертвую пустоту из его глаз. Растворит его и заставит понять, что в опасности сейчас та, кто очень важна для меня. Он упирает руки в бока, бегло смотрит на свежевыпавший снег, а потом поднимает взгляд на небо.

— Какой бы ни была причина, по которой мы идем, нам нужно поторопиться и доставить женщин в пещеру старейшин до того, как наш новый друг вернется.

Он прав. Я киваю головой и иду будить женщин. Я обдумываю, предупредить ли их о проблеме, так как у меня нет уверенности, как они отреагируют. Кайра и без того достаточно напугана.

Однако, когда вхожу в пещеру, Кайра сидит, и ее лицо отражает обеспокоенность.

— Нас преследуют? — ее голос очень тихий.

Я оглядываюсь на фигурку другого все еще спящего человека. Она не слышала ни слова. *Каким образом Кайре удалось уловить наши с Хэйденом разговор?*

Как будто угадывая мои мысли, Кайра прикасается к раковине в своем ухе.

— Вот это позволяет мне слышать... довольно-таки далеко. Я слышала твой разговор с Хэйденом. Нам угрожает опасность?

Я обдумываю преуменьшить опасность, но Кайра заслуживает знать правду. Я развожу руками.

— Не знаю. Что-то подошло близко к пещере, а потом ушло, и мы понятия не имеем, что это. Но нам лучше поторопиться в пещеру старейшин.

Она кивает головой и вскакивает на ноги.

КАЙРА

Вчерашняя снежная вынужда прошла и оставила после себя слабый, едва прощупывающийся солнечный свет от двух малюсеньких солнц, а на земле — дополнительный фут свежего, пушистого снега. Мое сердце замирает от этого вида, но

нет времени тут рассиживаться и надеяться, что снег растает. Нам нужно добраться до пещеры старейшин, и как можно скорее.

Мы сворачиваем лагерь и стремительными темпами уходим. Кажется, даже быстрее, чем быстрые темпы вчерашнего похода, но может это потому, что я устала. Как бы то ни было, за остальными мне угнаться дается еще труднее, чем обычно, до такой степени трудно, что Аехако несколько раз должен возвращаться и отыскивать меня. Это обременительно, но никто на меня не кричит, потому что, конечно же, очевидно, что я стараюсь изо всех сил.

В очередной раз, когда Аехако возвращается обратно туда, где я плетусь в хвосте, он сбрасывает ношу, которую несет.

— Иди сюда, — говорит он. — Оставшуюся часть пути я понесу тебя на спине.

Его слова заставляют меня зашипеть. *Понесет на спине? Он что, серезно? Моя гордость оскорблена, но суть этой миссии ведь совсем не в гордости, не так ли?* Я бы с удовольствием разделась совсем до гола и облизала ноги всех одиноких инопланетян на этой планете, если бы это гарантировало, что маленькие зеленые человечки не представляют угрозу.

Так что, сделав маленький вздох, я киваю в согласии.

— Ладно. Давай сделаем это.

— Осторожнее с моим хвостом, — он подшучивает надо мной.

Не успев даже договорить, он шлепает им меня по ногам, как большой, игривый кот. Приподняв бровь, я смотрю на него и лишь качаю головой. Даже при всем этом стрессе, трудно стереть улыбку с лица Аехако. Хотелось бы мне быть такой же добродушно-веселой, как он. Даже без всех этих тревог из-за похищений инопланетянами, я всегда была из серьезных.

До сих пор не понимаю, что он во мне нашел.

Он приседает низко в снегу и похлопывает себя по бедру.

— Сними свои снегоступы и ставь сюда свою щуплую человеческую ножку.

— Я поставлю ее тебе в яйца, — бормочу я себе под нос, снимая снегоступы. — Щуплую человеческую, ну конечно.

От восхищенного смеха Аехако мне становится лучше, и я забираюсь ему на спину и обхватываю его шею руками. Он поднимает мои бедра, а затем подхватывает наши сумки, по одной в каждой руке, из которых одну бросает Хэйдену, когда бежит, наверстывая упущенное.

Ну конечно, выглядит, будто это легко.

Хэйден поворачивается и окидывает Харлоу угрюмым взглядом.

— Тебя тоже нужно нести, человек?

— Я в порядке, — говорит она, взваливая на плечи свою сумку и приспособливая ее.

— Я могу продолжать идти.

Я завидую кажущейся бесконечным запасам сил рыжеволосой девушки. Мне ненавистно, что я единственная, с которой надо нянчиться.

Словно читая мои мысли, Аехако сжимает мое бедро и говорит так тихо, что его слышу только я:

— Скорее всего, она просто не хочет быть рядом с приятной личностью Хэйдена дольше, чем нужно.

Я подавляю желание рассмеяться.

Странное чириканье слышится совсем рядом, и я оглядываюсь вокруг, выискивая птиц.

«Обновление информации о погоде?» — произносит мой переводчик.

Я напрягаюсь. Это было не чириканьем птиц. Это был один из Маленьких зеленых человечков.

Больше чириканья отдается эхом в моем переводчике. «*Бури стабилизировались. В самом скором времени найдем посадочную площадку для приземления.*»

«*Ищите грузовой трюм. Если те, кто находятся в стазисе, все еще там, можем их вернуть.*»

«Приземлимся рядом с ним».

— Что случилось? — Аехако оглядывается на меня через свое плечо.

Мне требуется всего лишь миг, чтобы осознать, что я сжимаю его шею так сильно, что практически душу мужчину. Я расслабляю свою хватку, хотя чувство тревоги по-прежнему не отступает.

— Они возвращаются. Буря прошла, и они хотят приземлиться.

— Тогда мы должны поспешить, — говорит Аехако. Он обращает взгляд на Хэйдена, и мужчина кивает головой. Прежде чем Харлоу успевает возразить, ее перебрасывают через плечо как мешок с картошкой, после чего оба инопланетянина срываются с места, побежав по снегу со скоростью намного быстрее, чем наши человеческие ноги вообще могут двигаться.

По мере того, как все больше инопланетной болтовни утихает, я могу лишь надеяться, что мы доберемся туда, прежде чем они поймут, что переводчик находится даже не близко со старым грузовым трюмом, и отправятся на мои поиски.

Я сейчас же хочу избавиться от этой штуки в моей голове.

Несмотря на то, что ша-кхай — наши синие инопланетные друзья — называют его Пещерой Старейшин, на самом деле это космический корабль. Около трехсот лет тому назад они потерпели здесь крушение так же, как и мы, и со временем утратили знания по использованию их собственной технологии. Корабль все еще там, а компьютер функционирует. И если когда-то давно у них имелась развитая передовая технология, чтобы иметь рабочий космический корабль, надеюсь, что у них также имеется своего рода рабочее медицинское оборудование, которое может извлечь из меня эту штуку.

Сейчас? Я готова отрубить себе ухо, лишь бы избавиться от нее. Имплантат ощущается словно якорь, отягощающий меня беспокойством.

Я чувствую облегчение, когда на горизонте появляется заснеженное широкое пространство корабля. Оно огромное, как гигантская, чересчур плоская гора. С одной стороны я вижу вход в «пещеру». Он представляет собой безопасность, даже несмотря на то, что я слышу, как сквозь переводчик проникает очередная последовательность чужеродных чириканьй.

— Быстрее, пожалуйста! — я сдавливаю шею Аехако, как только в небе над головой молниеносно пролетает мимо что-то яркое. Оно не летит в этом направлении... пока еще нет. Впрочем, это еще не значит, что этого не будет.

Аехако прибавляет ходу, а я цепляюсь за его спину. Бегом на самой максимальной скорости он направляется прямо ко входу в корабль. Хэйден несется за нами по пятам.

Как только мы приближаемся, я вижу округлую входную дверь. Она темная и по всей поверхности покрыта льдом, но внутренняя часть расположена в глубине. Дверь, которая сама по себе установлена высоко, окружена снегом, скрывающим любые следы. Мы забегаем внутрь, и я вижу там имеющиеся задние двери, плотно укрепленные закругленными стенами.

— Мы можем запереть эту дверь? — спрашиваю я в полном отчаянии. Чириканье наполняет мое ухо до такой степени, что от тревоги начинаю сходить с ума.

— Мя се фах-рее, — громко объявляет компьютеризированный голос.

«Последовательность запечатывания входа запущена», — говорит мне переводчик.

— Что он говорит? — спрашивает Харлоу, соскальзывая со спины Хэйдена.

Аехако осторожно отпускает меня, вытаскивает из-за пояса один из его костяных ножей и поглядывает на небо.

— Он говорит, что выполняет подавление дверей. Понятие не имею, что это значит.

— Запечатывания, — я поправляю я его. — Это означает, что их вот-вот закроют.

Пристально осматриваясь, я тяну Аехако на пару футов назад. Я несколько обескуражена тем, что компьютер нас прослушивает. Нам придется быть осторожнее с тем, что говорим.

И тут происходит тяжелый скрип металла, а потом хруст льда. Харлоу закрывает лицо, а Аехако в целях защиты встает передо мной, когда куски льда разлетаются во все стороны, после чего дверь люка опускается. Солнечный свет исчезает, и мы оказываемся в кромешной тьме.

Откуда-то изнутри во тьме мигает красный свет.

— Эй? — я выкрикиваю. — Нельзя ли включить свет?

Большая рука сжимает мое плечо, от чего я чуть ли не выпрыгиваю из штанов.

— Держись поближе ко мне, Кайра. Мы не знаем, безопасно ли...

— Североамериканский английский, Планета Земля. Это тот язык, который по умолчанию желаете использовать?

— Эээ..., да, пожалуйста.

— Принято.

Я бегло озираюсь вокруг. Вдруг компьютер похож на сверхнормального размера версию Сири* моего айфона.

— Компьютер, пожалуйста, включи внутреннее освещение.

*Прим.: Сири (англ. Siri) — интерактивная система, позволяющая управлять телефоном при помощи голоса, появившаяся впервые в модели iPhone 4S.

Что-то начинает шипеть, и, подскочив, я двигаюсь поближе к Аехако. Изначально неровно вибрируя, но потом сверху загорается тусклый свет.

— В главном отсеке наблюдается неисправность в отношении освещения. Просьба обратиться к техобслуживанию.

— Компьютер, пожалуйста, выключи неисправное освещение и включи все остальное освещение, — я поправляю. Мне не хочется, чтобы что-то загорелось. Я потираю руки, учитывая, как здесь холодно. Думаю, контроль температуры — это

слишком много, на что можно было бы надеяться. — С запертой дверью мы в безопасности?

— Дверь может быть открыта по требованию. Вы хотите инициировать режим строгой изоляции?

Господи, безусловно, хочу.

— Да, пожалуйста.

— Вы предпочтете биометрические ключи или устное подтверждение?

Аехако стоит под тусклым освещением и смотрит на меня в полном смятении.

— Я ничего из всего этого не понимаю.

Харлоу подается вперед.

— Мы хотим устное подтверждение. Пароль.

Она права. Я киваю головой.

— Что-то, что было бы легко запомнить. Есть идеи?

Харлоу улыбается тоненькой улыбкой.

— Земля?

Я быстро оглядываюсь на Хэйдена и Аехако. Они выглядят напряженными, и оба сжимают в руках оружие.

— Я не совсем уверена, что, если все пойдет наперекосяк, они вспомнят, откуда мы прилетели. Может, лучше выберем Джорджи? Она ведь пара Вэктала и все такое.

Харлоу пожимает плечами.

— Меня устраивает.

— Компьютер, — я выкрикиваю. — Пожалуйста, заблокируй снаружи все двери на строгую изоляцию. Никто не может войти или выйти без пароля «Джорджи».

— Пароль «Джорджи» принят.

Я подхожу к Аехако и сжимаю ей руку.

— Если вы, ребята, по какой бы то ни было причине должны будете уйти, просто назовите ее имя.

Он, все еще осматриваясь по сторонам, кивает головой, и на его лице отражается нечто похожее на благоговейный страх. Подо льдом, который покрывает внутренность корабля, горят огоньки, и имеются панели и приборные щитки. Все это, должно быть, кажется ему слишком чуждым.

Черт возьми, все это чуждо и для меня, но сейчас я уже начинаю привыкать к странным штукам.

Харлоу делает несколько шагов вперед и сбрасывает со своих плеч плотный, меховой плащ.

— Как считаешь, ничего, если мы тут осмотримся?

Я развозжу рукой по воздуху.

— Спроси у компьютера?

— Точно, — она смотрит на меня весьма робким взглядом. — Компьютер, есть ли внутри этого корабля другие живые организмы, кроме нас?

— Осуществляется точное биосканирование. Пожалуйста, подождите, — помещение заполняет низкий гул, и красного цвета луч, сканируя нас, проносится с одного конца пещero-подобного трюма до другого. — Обнаружено четыре живых организма, из которых два модифицированных ша и два модифицированных человека.

Модифицированных человека? Я прикасаюсь к своей груди, где кхай обернут вокруг моего сердца.

— Ты имеешь в виду нас, верно?

— Именно так.

— Классно, — заявляет Харлоу. — Я хочу пойти все тут осмотреть, если вы, ребята, конечно, не возражаете.

Я пожимаю плечами. Я, конечно же, не стану ее останавливать. Она — самостоятельный человек, да и корабль этот не мой. У меня здесь свои планы, а если Харлоу не желает рассказывать о своих, это не задевает меня. Видимо, это личное.

Крупные руки Аехако расстегивают мой обледеневший плащ, помогая мне снять его.

— А разводить костер безопасно? — спрашивает он.

— Не знаю, стоит ли. Здесь может не быть вентиляции для дыма, и мы можем внутри спровоцировать датчики дыма. Даже не представляю, как на это среагирует корабль.

— Датчики... дыма? — нахмутив брови, спрашивает Хэйден.

— Долго рассказывать, — говорю я. Очередное чириканье ряда команд по управлению полетом, проникающих сквозь мой переводчик, напоминают мне, зачем я здесь. Я зажимаю его и приближаюсь к одной из покрытых льдом панелей. — Компьютер, где-нибудь на этом корабле есть Медицинский Отсек?

— Медицинский Отсек расположен на этаже два, раздел Д.

Я оглядываюсь и смотрю на Аехако.

— Именно туда я и отправлюсь.

Он выходит вперед.

— Не в одиночку.

Непонятно почему, но я очень благодарна за это. Я улыбаюсь ему, немного застенчиво.

— Ладно.

Хэйден идет в направлении занесенному снегом, теперь уже закрытому входу, через который мы вошли. Пол запачкан грязными, мокрыми следами.

— Я останусь здесь охранять дверь.

Мне хочется сказать ему, что мы, скорее всего, в безопасности, но... я не уверена, так ли это. Насколько мне известно, компьютер может считать, что мы в безопасности, однако инопланетяне могут заявиться с какой-нибудь новейшей технологией, которая сможет высадить дверь. Поэтому я киваю головой и отправляюсь в путь. С одной стороны расположен темный холл, где Харлоу все это время пропадает, она прослеживает рукой вдоль линии стены, которую исследует. А она бесстрашная. Я завидую этому.

— Компьютер, — говорю я. — Можешь показать, как быстрее всего добраться до Медицинского Отсека?

Световая дорожка прокладываемого пути начинает мигать по краю пола с одной его стороны. Там расположена дверь, и после быстрой команды, та откатывается и показывает еще один, тускло освещенный холл — тот, который прошла Харлоу. Оголенные провода свисают с недостающих плиток в потолке, и этот холл ведет во тьму.

От этого вида... аж мурашки бегут по спине.

Я дотрагиваюсь до переводчика в своем ухе. Неважно, жутко это или нет, я должна действовать.

Рука Аехако прикасается к моей пояснице, и этот маленький жест подкрепляет мое мужество.

Я с головой бросаюсь в недра корабля.

Часть 4 КАЙРА

Корабль оказался гораздо больше, чем я изначально ожидала. Снаружи он выглядел большим, но, шагая по пустым коридорам, я осознаю, насколько огромно внутреннее пространство. Длинные коридоры продуваются ветрами и имеют множество поворотов, и я прохожу мимо дверей, одну за другой, многие из которых проржавели и не открываются, а на панелях других мигают красные огоньки. То, что этот корабль потерпел крушение, очевидно, и также очевидно, что в какой-то мере он разобран на запчасти. То тут, то там сняты щиты и свободно болтается проводка, а в углах сложены груды вещей. Решетчатый настил пола покрыт старыми следами давно засохшей грязи. В воздухе слегка пахнет плесенью.

Крупное тело Аехако держится в паре шагах позади меня, и от каждого движения пол сотрясается и гремит, словно при каждом шаге опрокидываются по сотне металлических пластин. Каждый раз, продвигаясь вперед, я внутренне съеживаюсь от беспокойства, выдержит ли пол нас обоих.

Напольная световая дорожка прекращается непосредственно перед проходом под аркой с трещиной по середине. Выглядит так, будто это двойные двери. Будто это часть стены, если бы на одной ее половине не имелась какая-то надпись, а на другой — панель управления. Сверху вспыхивают и потухают разбитые лампочки.

Как только это происходит, в мой наушник снова проникают звуки чириканья.

«Доложить информацию об увиденном. Стазисные капсулы остались неповрежденными?»

— Открой дверь, пожалуйста, — говорю я, прижимая руку к двери. — Мне нужно вытащить ту штукку из меня!

Металл под моей ладонью теплый, и это меня удивляет. Двери слегка сотрясаются и со скрипом открываются, затем я вхожу внутрь.

— Кайра? — просит меня Аехако, как только я вхожу внутрь. — Будь осторожна.

Время осторожничать уже прошло. Я просто хочу избавиться от этой штуковины. Я зажимаю рукой переводчик и захожу в помещение, разглядывая все, что меня окружает.

Не буду врать — помещение немного смахивает на лабораторию. Это пугает. Здесь столы, несколько скамеек и ряд мест вроде кроватей, выступающих от стены с дальней стороны. Стена с другой стороны — не что иное, как экраны и видеомониторы. Когда я делаю шаг внутрь, они включаются один за другим, прокручивая на экранах непонятные фразы.

Я с трудом глотаю. Мне не нравится, как все это выглядит, но ведь мне никогда не было по душе посещать кабинеты врачей.

— Компьютер, у тебя есть что-нибудь, чтобы удалить инородный объект?

— Здесь имеется внутренний отсек хирургического самообслуживания, — заявляет компьютер. — Я активирую его.

Отсек хирургического самообслуживания? Не входят в число наиболее важных дел, которыми я бы хотела заняться. Я становлюсь даже еще более встревоженной, когда открывается одна из стен и оттуда выбрасывается наружу удлиненная кровать. На мониторах вспыхивают и скользят сообщения.

— Пожалуйста, займите место внутреннего отсека хирургического самообслуживания.

Я с трудом глотаю и медленно иду в направлении кровати. Я могу с этим справиться. *Это точь-в-точь, как там, дома, сделать компьютерную томографию, верно?* Ну не так уж страшно. Уверена, у этих людей есть — или, скорее, имелось — нечто, вроде анестезии или чего-то, чем снимать боль. Даже если у них и нет, все равно нужно вытащить его оттуда.

Мне до сих пор снятся кошмары о том, как те инопланетяне имплантировали ту штуку мне в голову. О том, как меня насильно удерживали и распяли прикованной к столу, а их голоса чирикают вокруг меня. О том, как холодный металлический предмет приставляется к моему уху... а потом — нечто сверлит мне прямо в мозг, пронзая все мое тело ослепительной болью. После того, как его имплантировали, у меня еще неделю голова раскалывалась от сильной мигрени.

Даже представить не могу, на что будет похоже извлечение.

У меня во рту все пересохло, но я очень осторожно сажусь на край этой кровати.

— Пожалуйста, лягте на обозначенное ложе, — голос компьютера меняется, превращаясь в соответственную нежную, расслабляющую версию. В манеру убеждать больных, пожалуй. Как бы там ни было, я немного расслабляюсь и начинаю укладываться.

Аехако тут же появляется рядом со мной и берет мою руку в свои.

— Кайра.

— Что случилось?

Он смотрит на стены, полные мониторов, мигающих огоньков и компьютеризированных технологий, которые даже для меня непостижимы. Он выглядит... более, чем просто встревоженным. Должно быть, для него это слишком ужасающее. Его ладонь сжимает мою.

— Тебе не обязательно удалять его. Я ценой своей жизни буду защищать тебя от тех инопланетян.

Я улыбаюсь ему болезненной улыбкой.

— Аехако, у них лазерные пушки и технологии, которые мы с тобой даже представить себе не можем. Копья и пращи против них практически ничем не помогут. Если они хотят захватить меня, ничто не сможет их остановить. Мне нужно избавиться от этой штуки, потому что я хочу скрыться, а не потому, что считаю, что ты не можешь защитить меня.

Его серьезное лицо изучает меня, и я вижу, как тревога отпечатывается у него на лбу, покрытым бугристыми наростами, и в его решительно сжатой челюсти. Ему все это не нравится, совсем не нравится. Просто поразительно это видеть в таком спокойном парне, как Аехако.

— Ты уже можешь отпустить мою руку, — поддразниваю я его, пытаясь удержать свой голос беззаботным.

— Кайра, — говорит он низким и хриплым голосом. Вместо того, чтобы отойти, он наклоняется ко мне ближе, затем крепко сжимает мою руку и прикладывает ее к своей груди. — Стань моей парой.

Я в шоке пялюсь вверх на его крупное тело. *Это что,... инопланетная версия предложения руки и сердца?*

— Твоей парой? Но я считала, что мы должны резонировать...

Он качает головой, большими рогами прорезая воздух. Моя рука прижата к его стучащему сердцу в груди, покрытой жесткими, гладкими наростами.

— Мы не будем резонанс-парой. Просто парой.

— А в чем разница?

Он смотрит на меня, решительно и так серьезно. Аехако протягивает вторую руку и в нежной ласке легонько гладит мою челюсть.

— Мы выбираем быть в паре друг с другом до тех пор, пока нас не разлучат.

— Разлучат?

— Либо смерть, либо кхай.

Никак не могу определиться, это романтично или же разбивает мне сердце.

— А если ты станешь для кого-то резонировать...

— Я не намерен этого делать.

— Но как ты можешь это знать?

— Я не знаю. Все, что я знаю, — это то, что ты моя пара, и я не стану слушать никого и ничего, даже собственный кхай, который может сказать обратное.

Ага, и наверняка его новоявленная резонирующая пара будет прям в восторге от этого.

Однако, он смотрит на меня, дожидаясь ответа. А у меня... сердце разрывается на части. Не потому, что я не хочу быть его парой. От этой мысли меня насквозь наполняет счастье. Мы с Аехако флиртовали уже на протяжении нескольких недель, и он вел себя заботливо, весело, так по-доброму, и, в общем, — от начала и до конца просто замечательно. Если бы я могла здесь выбрать парня себе в пару, на этом заледенелом шаре, вращающимся в космосе? Это непременно был бы он.

Но я бесплодна. Я не могу иметь детей.

Мы были бы «просто парой» лишь до тех пор, пока его кхай не решит, что пора за счет него расширить генофонд населения. И тогда ему придется спариваться с Харлоу или Клэр, или какой-нибудь другой из оставшихся неспаренных девушек, а я останусь в полном одиночестве. В очередной раз.

И я не уверена, справлюсь ли я с отказом. Я не такая сильная как Лиз или Джорджи. Я слабая и неуверенная в себе, и одна лишь мысль о том, что от меня отказывается моя новая пара, причинит мне острую боль. А мне пришлось бы смотреть, как Аехако сближается с другой. Он вырос в довольно большой семье. Он любит своих маму с папой и младших братьев. Согласись я стать его парой, я бы лишила его всего этого лишь ради своего общества. Я никогда не смогу иметь детей. Я никогда не смогу ему резонировать. А что, если он надеется, что когда-нибудь я стану ему резонировать? Что ж, тогда его ждет горькое разочарование.

Это то, что он заслуживает знать, прежде чем я определись с решением.

Я должна ему сказать. Я поднимаю глаза на его большое, серьезное лицо.

А слова, что срываются с моих губ:

— Ты хочешь иметь детей?

Аехако в удивлении моргает глазами. И сразу видно, что я свела вопрос не совсем к тому, на что он надеялся. Но думаю, что оно того стоит. Раз он сам детей не хочет, полагаю, что, будучи его «парой», буду лучше себя чувствовать. Может, потому что в этот момент я узнаю, что у меня все еще будет место в его сердце даже в том случае, если кхай лягнет его, решив, что ему пора становиться папочкой. Но его слова разбивают эту надежду вдребезги.

— Разумеется, я хочу детей, — медленная улыбка растягивает его губы. — Какой мужчина не мечтает о своей собственной семье?

Чувствую себя муравьем. Крошечным раздавленным муравьем на поверхности ковра. Я отпускаю его руку.

— Ясно, именно это я и хотела узнать. Спасибо.

Он начинает хохотать и берет мое лицо в свои большие ладони.

— Кайра, да не волнуйся ты так. Я уже много лет вижу, как кхай резонирует среди тех, кто спарился. Создается впечатление, будто он чувствует любовь между двумя людьми и решает соединить их во всех отношениях.

Ага, ну конечно. Больше похоже на то, что кхай сдается и хорошенко встрихивает хозяина хотя бы еще один последний разок, лишь бы устроить небольшую развлечушку за счет своего носителя. Я не считаю это столь же романтичным, как кажется ему. Ну, как бы то ни было, этого не произойдет. Я улыбаюсь ему тоненькой улыбкой.

— Давай обсудим это, когда я выберусь отсюда, ладно?

Беспокойство омрачает его выразительные глаза, и он наклоняется ко мне и одаривает быстрым, нежным поцелуем.

— Я буду дожидаться тебя здесь.

Я выскальзываю из его рук и ложусь на кушетку.

— Я готова, — говорю я компьютеру. Кушетка вместе со мной тут же начинает задвигаться обратно в стену, и я смотрю, как взволнованное лицо Аехако исчезает из поля моего зрения.

Зажигаются огоньки, а потом гаснут.

Я втягиваю воздух, потому что это совсем не похоже на томографию, скорее на обследование патологоанатомом в морге. А что, если этот аппарат сломается и не выпустит меня обратно наружу? Охваченная стремительно усиливающимся страхом, я начинаю ускоренно дышать. Я прикасаюсь к панели управления прямо над моей головой. До нее расстояние меньше, чем длина моей полностью вытянутой руки, и то же самое по бокам. Начинает мерцать свет, и я наблюдаю, как ожидают стены с еще какой-то писаниной и крутящимися диаграммами — наверное, моими жизненными показателями.

— Что вас беспокоит? Расскажите о своих симптомах, — спрашивает плавный компьютерный голос.

— Мне нужно удалить инородный объект, — я указываю рукой на переводчик в моем ухе.

— Пожалуйста, оставайтесь неподвижно. Наши системы просканируют вас, чтобы провести обследование вашего организма.

Я опускаю руку и лежу на кровати, стараясь оставаться неподвижной. Я окидываю взором все вокруг себя, удивляясь всем этим технологиям. Я намного меньше самой кровати — по-моему, здесь может разместиться даже мускулистое тело Аехако — а это

мне подсказывает, что ша-кхай после крушения не сильно изменились. Тут есть подголовник — вероятно на случай, если у пациента чрезвычайно большие рога — но для моей шеи он слишком велик, и, не обращая на него внимания, я наклоняю голову в сторону.

— Наши датчики обозначили два инородных объекта, — любезно сообщает мне компьютер. — Хотите, чтобы мы приступили к извлечению из вас их обоих?

— Д... два? — от полного потрясения у меня аж язык заплетается. — Что ты имеешь в виду?

— Наши датчики указывают на неорганическое соединение, прикрепленное к вашему человеческому сенсорному органу. Дальнейшие данные со сканеров указывают на то, что вы также приобрели паразит, который по происхождению относится к этой планете...

Господи. Кхай. Я все время забываю, что люди Аехако потерпели здесь крушение и им, также как и нам, пришлось принять кхай. Неудивительно, что с точки зрения их компьютера они являются инородными объектами.

— Хочу сохранить паразита и избавиться от этой штуки, — я прикасаюсь к переводчику. — Неорганическое соединение, прикрепленное к моему... эээ... уху.

— Пожалуйста, перевернитесь на бок, чтобы мы могли приступить к более подробному анализу этого объекта.

Я переворачиваюсь, и тут же компьютеризированные руки вырастают из стены и начинают прикасаться к переводчику. Все начинает трещать и шипеть, и мне приходиться зажимать в зубах губу, стараясь не дернуться всякий раз, когда что-то постукивает по металлу, поскольку это отзыается зловещим звуком, пронзая мой череп.

— Объект идентифицирован, — сообщает мне компьютер. — Сенсорные индикаторы указывают, что это «*стрбде грейдувш сциоурей*», — компьютер оттарабивает целую череду неразборчивых звуков. — Хотите перейти к извлечению?

Я обращаю внимание, что не предоставляется ни какая-либо анестезия или новокаин, ни какие-то препараты, заглушающие боль. Я облизываю свои пересохшие губы.

— Это будет больно?

То есть, как бы то ни было, мне по-прежнему требуется его удалить, но я хочу знать, на что подписываюсь.

— Сенсорные индикаторы указывают, что прибор прикреплен к чувствительной нервной ткани. Потребуется некоторое время и усилия, чтобы удалить его без нанесения повреждений, однако вероятность успешного извлечения без дополнительной операции составляет 97%.

Звучит обнадеживающе.

— Тогда, давай так и сделаем.

Стол подо мной начинает грохотать и дрожать, а вокруг моей шеи скользит гладкий металлический ошейник.

— Зачем? — я вижу и дергаюсь, когда другие наручники запираются вокруг одного из моих запястий, а очередные — на моих лодыжках.

— Кайра, — Аехако ревет, и его голос звучит словно издалека, приглушенный за счет этого механического оборудования.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, — компьютер призывает меня. — Вы закованы в целях вашей же безопасности. Малейшее движение может отрицательно оказаться на операции. Вы по-прежнему хотите продолжить?

— Кайра! — Аехако снова кричит, а с другой стороны слышу грохот оборудования и зловещий писк компьютеров.

— Успокойся, — призываю я его тоненьким, слабым голосом. — Со мной все в порядке! Компьютер, передай ему, что со мной все в порядке.

На мгновение устанавливается полная тишина, но я больше не слышу криков Аехако, так что могу предположить, что это очень хороший знак. Я вынуждаю себя расслабиться, стараясь не думать о душащем меня ошейнике вокруг моей шеи. Он прямо как тонометр для измерения кровяного давления. Только и всего. Нет проблем.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие во время процедуры.

— Хорошо, — я закрываю глаза, так что я не вижу, как вокруг двигаются руки робота. Что-то свистит, и я чувствую тягу на переводчике, и все мое тело напрягается.

— У вас чрезвычайно высокое кровяное давление. Поставить успокаивающую музыку?

Вопрос кажется мне совершенно абсурдным, и я закусываю губу, чтобы не разразиться истеричным смехом.

— Я успокоюсь, — обещаю я.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы, на которые хотите получить ответы?

Именно в тот момент мой желудок начинает урчать, и мне захотелось пошутить.

— А здесь поблизости есть какой-нибудь бар-закусочная?

— Вопрос: что такое бар-закусочная?

Вот черт. Теперь придется объяснять. Чувствую, что повела себя как-то немного по-детски.

— Ну, это то место, куда ходишь поесть.

— На этом корабле есть три столовых. Однако в настоящее время запасы продовольствия и воды исчерпаны.

Ну, само собой разумеется. Люди, которые потерпели здесь крушение, надо полагать, опустошили подчистую все припасы.

— Сколько людей было на этом корабле?

— Во время посадки на этом корабле находились один пилот и шестьдесят два пассажира.

Это очень интересно. Я слышу, как жужжат компьютерные руки, а штуковина в моем ухе натягивается. Я еще крепче зажмуриваю глаза, пытаясь расслабиться.

— Итак, что это было за путешествие? То, которое здесь потерпело крушение?

— В Уставе положения для Си Килэхи говорится: «*Путешествие для тех, кто поддерживает гармонию с природой*».

Должно быть, Си Килэхи и есть этот корабль. Звучит очень красиво.

— Поддерживает гармонию с природой? Это была... поездка с кемпингом?

Если это так, тогда они получили прямо дьявольскую поездку с кемпингом. Наверное, они являлись людьми из своего рода группы, придерживающейся инициативы по возвращению к истокам, и это объясняет, почему народ Аехако в течение последующих трех столетий отошел от использования передовых технологий к ручной обработке кожи и общинах охотников-собирателей.

— Вопрос: что такое поездка с кемпингом?

— Неважно, — что-то снова в моем ухе тянет, и я задумываюсь над своим очередным вопросом. — Итак, каков прогноз погоды на неделю, Сири*?

*Прим.: Сири (англ. Siri, - *Speech Interpretation and Recognition Interface*) — облачный персональный помощник и вопросно-ответная система, использует обработку естественной речи, чтобы отвечать на вопросы и давать рекомендации.

— Вопрос: что такое Сири?

— Неважно, — внутри себя я улыбаюсь своей собственной шутке.

— Атмосфера указывает на то, что перед закатом на эту планету вернется сильный снегопад.

Урааа! Ни за что бы не подумала, что буду на седьмом небе от счастья из-за снегопада. Может, он помешает приземлиться тем другим инопланетянам.

— Можешь определить, в атмосферу этой планеты прибыл другой корабль? — стоит ведь проверить.

— Ответ утвердительный. Сенсорные индикаторы определили местонахождение инопланетного корабля в трех дума* полета отсюда (прим. дума - непереводимое слово).

Не имею ни малейшего понятия, какое расстояние имеет эта дума, но надеюсь, что это далеко-далеко.

— Сколько инопланетян на том борту?

— Шестнадцать.

Упс.

— Ты так сразу можешь определить, что там их шестнадцать? Серьезно?

— Ответ утвердительный. Эта единица связана со спутником, который вращается вокруг по орбите этой планеты и позволяет компьютерам этого корабля отслеживать и записывать информацию.

— Что-то вроде того, сколько вообще здесь ша-кхай?

— Ответ утвердительный. В настоящее время на этой планете тридцать пять измененных ша и двенадцать измененных людей.

Ого. Хотелось бы знать, какой смысл и ради кого записывается вся эта информация. Прежде чем мне удается спросить, в моем ухе ощущается резкий рывок, и я визжу.

— Пожалуйста, оставайтесь неподвижно, поскольку начинается извлечение, — говорит мне нежный компьютерный голос.

И тогда меня пронзает ослепительная, раскаленная боль, которая каким-то образом врезается мне прямо в мозг, и мир погружается во мрак.

AEXAKO

У меня сердце перестает биться, когда стена выдает обратно Кайру. Она такая маленькая и неподвижная, лежит вся съежившись на странной кровати, а ее ухо опечатано окровавленной повязкой. Ее странная металлическая раковина исчезла, но лицо у нее совсем бледное, и она без сознания.

У меня во рту все пересохло, я прикасаюсь к ее щеке, пытаясь разбудить. А когда она не шевелится, я поднимаю ее на руки и уношу из этого помещения. Здесь ничему

нельзя доверять. Я не доверяю пещере старейшин с ее странной магией, светящимися стенами и бесплотными голосами. Мне хочется забрать Кайру в свою собственную пещеру и уложить ее в свои шкуры...

Ну, это не совсем моя пещера, а пещера моей семьи, и было бы неудобно укладывать ее в свои шкуры и спариваться с ней, если за нами наблюдают мои младшие братья и родители. Но я найду какое-нибудь тихое и спокойное местечко, куда забрать ее и где заботиться о ней. Где обнимать ее и сделать своей.

Но ничто из всего этого не имеет значения. Кайра без сознания и не здорована. Я чую запах Хэйдена, который где-то неподалеку, и, следуя своему обонянию, обнаруживаю, что он до сих пор находится возле главного входа и с мрачным выражением на лице плятится на странные каменные двери. Завидев меня с Кайрой на руках, он встает на ноги и его хмурый вид становится еще более хмурым.

— Что с ней случилось?

— Они достали из нее ту раковину, — отвечаю я. — Но она никак не очнется.

Он рычит.

— Может она устала. Вполне возможно, эти стены ей все уши прожужжали.

Я прижимаю ее поближе к своей груди.

— Они что, говорили и с тобой?

Он кивает головой.

— Они все продолжают меня спрашивать, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. А я нуждаюсь в тишине и чтобы каменные стены не говорили со мной.

— Спроси каменные стены, где здесь кровать. Если Кайра спит, я останусь с ней, пока она не проснется, — я озираюсь вокруг. — А где второй человек?

Хэйден пожимает плечами.

— Не все ли равно? Она должна выйти через эту дверь, чтобы уйти, — он показывает на закрытый вход в пещеру.

Мой друг не любит людей. Он, наверное, единственный в нашем племени, кто не сходит с ума от счастья из-за обнаружения такого большого количества женщин. Я оборачиваюсь и смотрю на странную каменную стену с ее мигающими огоньками и крутящимися диаграммами. Я решаю обратиться к ней.

— Где здесь пещера? Хочу уложить свою пару спать.

Хэйден, глядя на меня, приподнимает бровь, но я игнорирую его безмолвный вопрос. Кайра — моя пара, даже несмотря на то, что ни ее, ни мое тело еще совершенно не осознают этого. Просто им нужно немного времени.

Компьютер отвечает на человеческом языке.

— Жилые помещения находятся в южном крыле.

— Ну так веди меня туда, — требую я.

Загорается напольная световая дорожка так же, как это уже происходило для Кайры, и я, удерживая ее в крепких объятиях, бросаюсь в самые недра этой пещеры. Мне не нравится это странное место, но оно кажется безопасным от хищников. Странные огоньки направляют меня по другой извилистой дорожке и прекращаются перед пещерой с полуоткрытой дверью, которая дрожит, будто пытается сама себя закрыть. Здесь свисает с потолка выбитый кусок стены, препятствуя ее закрыванию, и я, проскользнув под него, проникаю внутрь самой пещеры.

Помещение маленькое, к тому же квадратное с множеством мерцающих панелей, но я рад увидеть, что здесь есть ложе в виде квадрата, покрытое мягкой, славной, необычной на ощупь шкурой животного. Я бросаю свой плащ вниз на это ложе и осторожно укладываю Кайру на постель, так что могу снова осмотреть ее. От беспокойства у меня колотится сердце, и я провожу рукой по ее рукам, ногам и груди, выискивая скрытые раны, которые я мог раньше не видеть. Она кажется мне совершенно здоровой. Я отгибаю повязку поверх ее уха. Вдоль мочки ее уха имеются покрасневшие дырочки, а внутри ее ушной канал покрыт коркой запекшейся крови, но в остальном я не вижу никаких проблем.

Что ж, ничего не остается, кроме как ждать, когда она проснется.

Я проскальзываю на постель рядом с ней и обнимаю ее. Она просто идеально подходит мне. Я убираю рукой ее волосы и прижимаюсь губами к ее странному, гладкому лбу.

— Со мной ты в безопасности, Кайра, — бормочу я тихим, успокаивающим голосом.
— Никто не посмеет причинить тебе вред, пока ты со мной. Я буду драться до последнего своего вздоха, лишь бы ты осталась рядом со мной. Враги взглянут на мое копье и от страха тут же уберутся обратно, — я провожу рукой по ее изящной спине. — Ну, а тогда мы с тобой получим нашу собственную пещеру. Я не очень-то уверен, как, но мы это сделаем. И устроим гнездышко из теплых, покрытых густым мехом шкур, чтобы твоему хрупкому человеческому телу было тепло, а я буду покрывать губами каждый дюйм твоей нежной кожи, показывая тебе, как много ты для меня значишь.

Я провожу пальцами по ее лицу, прослеживая ее маленький носик и миниатюрные бровки. Она чудно выглядит по сравнению с женщинами моего племени, но я глубоко признателен за ее плоский лоб, бледное лицико, печальные глаза и ее маленький рот, который так редко растягивается в улыбку. Я тут же решаю, что рядом с ней позволю себе выставлять себя идиотом, лишь бы на ее лице отражалось счастье.

Ради нее я пойду на все что угодно.

Я устраиваюсь в постели поудобнее и представляю себе мельчайшие подробности о том, как мы обустроим нашу пещеру. О том, какую моя мать поднимет шумиху от одной мысли заиметь дочь, поскольку у нее одни лишь сыновья, к тому же ни один из них не спарен. О том, как мой отец покачает головой из-за того, что собираюсь жить со своей собственной семьей, но это не будет уже иметь значения, потому что все это ради Кайры.

— Самая большая, самая теплая постель во всех пещерах, — рассуждаю я. — Шкура дикисти самая теплая, и я выложу наше гнездышко именно ими, ну а потом я попрошу Кэшрема — он пара Мэйлак — изготовить легкие покрывала, еще мягче, чем для попок детенышней, но достаточно теплые, чтобы доставляли тебе удовольствие. Это будет стоить мне не мало, но Кэшрем всегда завидовал моему умению в резьбе, поэтому, думаю, я сделаю для него несколько новых инструментов. Возможно, несколько игрушек для его детей, — рассуждаю я задумчиво. Я всегда с легкостью раздавал свои резные фигурки, не волнуясь что-либо получить взамен. Теперь, когда у меня есть пара, мне придется относиться к этому вопросу более тщательно, чтобы я мог обеспечить ее всем, что она хочет. — И нам понадобятся шкуры для входа в нашу пещеру, — говорю я ей. — Чтобы приглушать твои крики удовольствия, когда ночи напролет я буду брать тебя.

Наверное, это разглагольствует моя мужская гордыня. Не думаю, что Кайра крикунья. В отличие от Айши. Она будет тихоней, которая кончает широко распахнув глаза и приоткрыв губы, и не больше этого.

Я представляю себе эту картину, и мой член становится пугающе твердым. Время думать о другом. Я провожу ладонью по руке Кайры.

— Полагаю, первый жестокий сезон с моим народом будет нелегким для людей. Сейчас тебе тяжело все это дается, но я сделаю все возможное, чтобы ты всегда была сыта и в тепле. А когда заносит слишком высокие сугробы снега, что даже охотники никуда не выходят, мы целыми днями напролет не будем вылезать из наших шкур.

Удивительно, насколько сильно мне хочется ту жизнь, которую я нарисовал в своем воображении. Мое сердце отбивает барабанной дробью, подумывая о Кайре, такой разгоряченной и улыбающейся мне после долгой ночи интенсивного спаривания. О Кайре с животиком, округленным моим ребенком. О Кайре, кормящей крошку, полуща-кхай — получеловека, с розовым хвостиком и рожками — коротышками. Как бы выглядел наш ребенок?

Погрузившись в своих блаженных мыслях, я продолжаю разговаривать со своей находящейся в бессознательном состоянии парой.

КАЙРА

Такое чувство, что у меня не голова, а разбитая тыква. Боль в моем мозгу так и колотится, и я остаюсь абсолютно неподвижной, надеясь, что из-за полного отсутствия движений мучительная агония рассеется. А пока я тихонько лежу, то вслушиваюсь в нежный, тихий голос.

— Наверное, мне придется нагромоздить кучу дополнительных навозных кусочков в дальний конец нашей пещеры, чтобы я мог постоянно поддерживать огонь для тебя. Просто нужно что-нибудь придумать, чтобы замаскировать запах. Может, смесь кое-каких трав Мэйлак. К тому же я знаю, что ты любишь, чтобы твоё мясо было приготовлено, так что стоит не забывать и об этом. А дляочных часов, когда становится слишком холодно, мы можем нагревать немного снега в пузыре пернатого зверя. Можем их по привычке заготавливать и укладывать тебе под ноги, чтобы в ночное время твои шкуры были теплыми. Тем не менее, я буду заботиться о том, чтобы ты была счастлива и чувствовала себя уютно, — крупные пальцы Аехако прослеживают мою челюсть. — Но я буду о тебе заботиться.

От его успокаивающих прикосновений моя головная боль немного утихает. Меня держат в крепких объятиях и прижимают к крепкой груди так, что моя ладонь лежит прямо под сердцем. Я окутана его руками, прижата к нему, и такое чувство..., словно я дома. Я держу свои глаза закрытыми, безмятежно расслабляясь в тихом шепоте его голоса, когда он рассказывает мне все о своих планах относительно «нашей» пещеры и о том, как мы будем переносить жестокий сезон — зиму — заодно и всех прочих планов, которые он для нас наметил. Надо признать, что слушая, как он рассказывает о своих планах относительно нас двоих вместе, меня наполняет невероятно огромная тоска и чрезвычайно робкая радость.

Радость, потому что обустройивание уютной пещеры вместе с ним звучит невероятно чудесно, и я до сих пор не могу поверить, что кто-то настолько веселый и сексуальный, как он, заинтересован в ком-то настолько тихом, как я.

Тоска, потому что он начинает рассказывать о малышах и о времени, когда у меня появятся его дети.

Чего никогда не произойдет, потому что я по-прежнему бесплодна. Слабый вздох слетает с моих губ. Он хочет меня и настоящую семью, но может заполучить лишь одно из этого.

— Кайра? — чувствую, как его большое тело у меня под щекой шевелится. — Ты проснулась?

Я киваю головой и облизываю свои пересохшие губы.

— Голова болит.

— Раковины больше нет, — говорит он, сохраняя свой голос тихим.

Я поднимаю руку и дотрагиваюсь до уха. От этого новая волна жгучей боли выстреливает мне прямо в голову, а еще в моей душе воцаряется... *мир и покой?* Я прослеживаю пальцами вдоль мочки уха и нащупываю там непривычные дырочки. Его и правда больше нет.

— Ты уничтожил его?

Он против меня напрягается.

— Мне это сделать?

— Прошу тебя, — шепчу я. — С его помощью они смогут отследить меня.

— Я позабочусь об этом, — говорит он, вставая с постели. — Но сперва тебе нужно попить.

Я киваю головой и пытаюсь подняться в сидячее положение. Он вытаскивает кожаный мешок с водой и осторожно держит его у моего рта, чтобы я могла отпить, а когда я заканчиваю, Аехако помогает мне прилечь обратно на постель, после чего аккуратно подтыкает вокруг меня покрывала. Мое сердце переполнено любовью к этому гиганту, весельчаку, который может быть ко мне настолько нежным.

Меня бесит то, что мне нельзя его удерживать. То, что я дефектная, и у меня никогда не будет того, что он ищет в женщине. В паре.

Я тихо вздыхаю и снова закрываю глаза, чтобы облегчить мигрень.

— Отдыхай, Печальные Глаза, — говорит он и еще разок дарит мне свои ласки, прежде чем направиться к двери. — Я со всем разберусь.

Я закрываю глаза, надеясь, что он не ошибается.

Позже, когда я просыпаюсь, моя головная боль уже прошла, а в животе урчит. Я усаживаюсь на постель, ощущающая значительное тепло, окружающее мою спину. Это опять Аехако, он вернулся, пока я спала, и лег, обняв меня сзади.

Господи, для меня это слишком тяжело.

Большая рука Аехако обвивается вокруг моей талии, опять пристраивая меня рядом.

— Кайра? — его сонное бормотание, на мой взгляд, течет словно мед, и я чувствую довольно... выдающуюся эрекцию, которой, выставив ее напоказ, он прижимается к моей заднице. — Как твоя голова?

— Кажется, в порядке, — отвечаю я ему. — Но мне надо найти хоть какую-нибудь еду. И ванную.

— Ван... ную?

Спросонья я вяло киваю головой, разглядывая по сторонам помещение, в котором мы находимся. Выглядит как какая-то скромная личная кровать, должно быть, чья-то каюта. На противоположной стене висит потертый плакат, но я не могу разглядеть, что на нем. С потолка свисают несколько проводов, и все покрыто внушительным слоем пыли. Комната совершенно разобрана, вплоть до постели, которая представляет собой не что иное, как матрас, поверх которого разложены наши шкуры.

Я свешиваю ноги с постели и пытаюсь встать, проверяя собственные силы. Кажется, все в порядке, моя мигрень, вызванная операцией, прошла. Раз это частная каюта, не сомневаюсь, что где-то здесь есть туалет. Проводя руками вдоль нескольких любопытных на вид швов в стенах, мне удается найти то, что я ищу. Это уютный такой бункер со странной на вид уборной, которая слишком высоко от пола для человеческих ног. Дальше в стороне то, что выглядит похожим на душ.

Боже, я бы с удовольствием приняла душ. Я как-то умудряюсь залезть на инопланетный унитаз прямо перед тем, как задуматься, функционирует ли он вообще.

— Ээ..., компьютер? Удобства в рабочем состоянии?

— Вопрос: что такое удобства?

— Туалеты и душевые?

— Можно возобновить их работу, используя изобилие снега. Потребуется двадцать семь секунд, чтобы его расплавить и нагреть. Хотите продолжить?

— О, да!

К тому времени, когда я заканчиваю свои дела, с потолка душа уже хлещет вода. Поначалу моросит грязный дождик, а потом идет уже поток чистой воды, и я сую пальцы под воду, проверяя ее теплоту.

Она идеальна.

Издав слабый счастливый вздох, я снимаю с себя кожаную одежду и бросаю ее на пыльный пол, после чего залезаю под душ. Полагаю, что некоторые вещи — это промышленно развитые вечные ценности, потому что этот душ практически такой же, как человеческий, и я в полном блаженстве откидываю с лица мокрые волосы. *Вот это — именно то, что мне было нужно!*

— Кайра? — Аехако стучится в дверь. — Ты себя хорошо чувствуешь?

— Я в полном порядке, — отзываюсь я.

Через мгновение открывается дверь.

— Тогда ты не будешь возражать, если я войду побывать с тобой?

Как только он ступает внутрь, я начинаю визжать, руками прикрывая свои девчачьи части тела.

— Что ты здесь делаешь?

Он разводит руками.

— Разве не очевидно? Ты спряталась здесь, поэтому я отправился к тебе.

— Я стараюсь принять душ!

— Душ?

— Искупаться! — меня просто бесит тот язык, который изучили ша-кхай и которому уже триста лет. С того времени многое в нашем языке изменилось. — Помыться!

У него появляется блеск в глазах, разглядывая меня сверху вниз. Пристальный взгляд Аехако прямо-таки обжигает.

— У меня в сумке есть мыльные ягоды. Я буду более чем счастлив помочь тебе помыться.

Румянец на моих щеках пылает, словно геенна огненная.

— Я голая.

— Я заметил, — взгляд, которым он меня окидывает, выражает высокую оценку. — И каждая часть твоего тела столь красива, как я себе и представлял.

Знаю, что мне следует сказать ему «нет», чтобы он ушел. Но тут меня осеняет..., а с какой стати я должна это делать? Какой смысл скромничать? Кто здесь, кто осудит или пристыдит меня? Мне хочется, чтобы он присоединился ко мне под душем. Мне хочется, чтобы его большое, синее тело прижалось к моему. Мне нравится, когда он заботится обо мне. Это заставляет меня чувствовать себя любимой и желанной, а это те два чувства, по которым я чрезвычайно изголодалась. Но... я понятия не имею, как завлечь мужчину в сексуальную ситуацию. Не в моем характере флиртовать в ответ. Поэтому я лишь взираю на него безмолвным, беспомощным взглядом.

Словно чувствуя мои муки, он мешкает.

— Хочешь, чтобы я ушел, Кайра?

Долгие мгновения я пристально смотрю на него. На большого семи футового инопланетного мужчину надета лишь набедренная повязка, которая никакой особой пользы его скромности не приносит. У него рога и бугристые нарости, что должно отпугивать. Но вместо этого, меня ужасно влечет к нему. Поэтому я набираюсь храбрости и мотаю головой. Не хочу, чтобы он уходил.

— П... принеси мыло.

Он тут же улыбается мне одной из своих быстрых, радостных «улыбок Аехако» и выходит из инопланетной ванны, оставляя меня лишь на считанные секунды, когда я могу попытаться, ну..., прихорошиться. Я рукой приглашаю свои мокрые волосы и опускаю глаза, осматривая ноги, руки и свое бледное тело. Я не самая очаровательная из девушек. Опять же, полагаю..., это не имеет значения. Ему не хватает других людей, с кем сравнить меня, за исключением тех, с которыми я сюда попала. Когда он возвращается со своим маленьkim мешочком с ягодами, я нервничаю и очень волнуюсь. Мои соски уже заострились и стали твердыми, и я улыбаюсь ему быстрой, застенчивой улыбкой, надеясь, что он найдет меня хорошенькой. И, если задуматься, то это странно, учитывая, что у него синяя кожа и он имеет рога, а я все ровно хочу, чтобы его влекло ко мне ради меня самой, а не только потому, что у меня есть влагалище.

Аехако ставит мешочек рядом, на столешницу, и вычерпывает оттуда горстку ягод. Я отодвигаю стеклянную дверь душа в тот же самый момент, когда он сбрасывает свою набедренную повязку...

И... *ничего себе*. Что ж, его размер куда больше, чем я поначалу «почувствовала». Видеть фотографии обнаженных мужчин, статуй и тому подобное — это одно, а вот совсем другое — заполучить полностью возбужденного парня, который стоит прямо перед тобой. У которого есть шпора. Нельзя забывать о шпоре. А я-то думала, что его хвастливый «подарок» в виде резного отображения своего члена был..., ну, чересчур сильно преувеличенным.

Он кажется невероятным.

Его член на вид длиннее, чем моя рука, хотя это уж вряд ли возможно. К тому же он более темного оттенка синего, чем остальная его кожа. И я ничего не могу с собой поделать, кроме как плятиться на него, когда Аехако входит ко мне в душ.

Ну и тогда мне приходится прилипнуть к задней стенке, потому что большое тело Аехако поистине огромных размеров, а этот душ явно не рассчитан на двоих. Нервное хихиканье срывается с моих губ.

— Может мне выйти?

— Здесь достаточно места и для меня, — отвечает он, чуть наклонившись, чтобы проникнуть своими большими рогами внутрь душевой. — Просто нам придется встать поближе друг к другу.

И он окидывает меня еще одним игривым взглядом, от которого я тут же начинаю хихикать.

— Ты прибрал к рукам всю горячую воду, — она каскадом ниспадает с его тела и рогов, однако на меня не очень-то и попадает. Из него скорее получается отличный зонтик, а не тот замечательный партнер, с которым можно вместе принять душ.

— Прибрал к рукам?

— Захватил для себя, — поправляю я, когда задумываюсь об этом. — Наверное, пока мы здесь, мне следует получить «загрузку» языка. Хочу уметь говорить на твоем языке.

— Это может подождать еще денег, — заявляет он мне, в кулаке раздавливая ягоды.

— Мне натереть этим тебя?

У меня прямо мурашки по коже бегают от осознания его слов. Даже сгорбившись, размер Аехако вызывает опасения..., но я знаю, что он может быть — *о, боженъки!* — таким нежным. Но если я пододвинусь еще хоть на шаг поближе, его член будет теряться об меня.

Для меня все это полная чувственная перегрузка. Мне хочется исследовать его, и также я хочу, чтобы он исследовал меня..., но прежде всего, мне хочется поцеловать его.

— Аехако, — выдыхаю я и протягиваю вверх руки, чтобы обнять его за шею. Вода тут же заливает мне лицо. Я отплевываюсь, после чего протираю лицо. — Ты поцелуешь меня?

— Это тот вопрос, который тебе даже задавать не нужно, Печальные Глаза. Все, что тебе нужно сделать, — повернуться ко мне лицом, — его большая рука оборачивается вокруг меня и притягивает к нему, и я вздрагиваю от соприкосновения нашей мокрой кожи. Ощущения такие удивительные и странные, и мне хочется проводить руками по всему его телу и исследовать его.

И тут жаркой, крепкой печатью мои уста накрывают его губы, и я издаю стон от удивления и восторга. Его язык дразнит мой, призывая отвечать на поцелуй, и тогда мы неистово целуемся, а сверху на нас обоих потоком хлещет теплая вода. Наши губы слились воедино, мы целуемся снова, и снова, и снова, пока я не прижимаюсь к нему настолько же сильно, настолько сильно он прижимает меня к себе. Мои соски трются о его грудь, и от этого возбуждение стрелой разносится по всему моему телу..., поэтому я стараюсь теряться о него беспрестанно.

— Кайра, — стонет он, а затем отстраняется, оставив меня шокированной. Не имея его большого тела, к которому можно прислониться, я едва не подскользываюсь. У него

на лице уравновешенное, спокойное выражение, когда он указывает мне, что я должна развернуться. — Дай мне помыть тебя, прежде чем мы продолжим.

В то время как я разворачиваюсь, ноги у меня одеревенелые, а спина настолько прямая, словно я палку проглотила.

— Это из-за того, что от меня несет?

— Нет, конечно. Из-за того, что у меня осталось не так много ягод, и мне тоже надо помыться.

Ладно. Я послушно стою, пока он протирает соком ягод мою спину и плечи, а потом мои волосы. Он некоторое время массирует мои волосы, потом руками очищает мои собственные, омывая мою кожу. Мне так нравится, ощущения такие, словно меня гладят. Почти как массаж.

Затем его рука выступает вперед, его ладонь охватывает мою грудь, и я забываю все о массаже. Воздух с шумом вырывается из моих легких, и я задыхаюсь от глубокого потрясения и удивительного наслаждения.

— Ты такая нежная, — его ладонь ласкает мою грудь, а затем переходит на другую.
— Мягкая и нежная всем телом.

Я откидываю голову назад и удивляюсь тому, что и другая рука Аехако обвивается вокруг моей талии, снова притягивая меня к нему. Ощущения того, что его член прижат к моей спине, похоже на то, будто меня ткнули копьем, но он прижимает меня к себе и проводит своими мыльными руками по всему моему телу, и я не в силах сделать хоть что-то, кроме как там стоять и не мешать ему. Ощущения слишком уж хорошие.

Его губы прижимаются к моей шее, и он облизывает и игриво покусывает мою кожу, в то время как обе его ладони скользят вверх и накрывают мои груди. Я стону от удовольствия. Бывало, что я прикасалась к своим грудям, но когда это делает он, удовольствие усиливается от просто «приятное» до «зашкаливает». Я прижимаюсь к нему спиной, и мои ладони накрывают его руки. Я отчаянно хочу показать ему, что хочу больше этих чудесных, волнительных прикосновений, но не знаю, как ему это выразить.

— Аехако, что я должна делать? — я царапаю ногтями по бугристым наростам на его предплечьях.

Его низкий рык удовольствия удивляет меня.

— Где бы ты ни прикоснулась ко мне — одно удовольствие. Для меня это примерно то же, как сейчас, когда я прикасаюсь к тебе. И как раз сейчас я намерен получить огромное удовольствие от своей пары.

Страстные слова Аехако словно окатывают меня ледяной водой.

Ego para.

Господи, нет. Я должна сказать ему.

— Аехако, — говорю я тихо и поворачиваюсь к нему лицом.

— Никакого «нет», Кайра, — он наклоняется и зажимает мне рот, чтобы заставить меня замолчать. — Я не стану выслушивать никаких возражений. Ты будешь моей парой. Нам не нужен никакой кхай, который нас свяжет. Ты моя, а я твой. Наши кхай просто-напросто нагонят нас попозже. Такое происходило уже со многими парами. Делаешь свой выбор, после чего рано или поздно кхай принимает.

Я мотаю головой.

— Меня он никогда не частьет, Аехако.

— Ты этого не знаешь...

— Знаю, — заявляю я и прежде, чем успеваю даже задуматься о формулировке, выкладываю все на чистоту. — Я бесплодна.

Часть 5

AEXAKO

Мне не много времени требуется, чтобы переварить слово «бесплодна». Ментальный образ, который выдает мне перевод, — картина выжженной, заброшенной земли без животных, без растений, без воды — вообще ничего.

И тут я осознаю, что именно она мне сообщает.

— Ты не можешь... иметь детенышей?

Ее печальные глаза уже полны слез, и она кивает мне головой.

— Когда я была совсем маленькой, я заболела и чуть было не умерла. Я очень долго пролежала в больнице, и когда я наконец-то исцелилась, мне сообщили, что от болезни пострадала моя репродуктивная система и у меня никогда не будет детей, — слезы текут вниз по ее щекам, и она вытирает их быстрыми резкими движениями. — Вот почему мы не можем быть вместе. Потому что ты хочешь создать настоящую семью. И я должна предупредить, что если ты выберешь меня, у тебя ее никогда уже не будет. Я никогда не буду резонировать, потому что не могу иметь детей.

Меня охватывает чувство глубокого горя, но я быстро избавляюсь от него. Так из-за этого она такая грустная? Из-за этого она держит меня на расстоянии вытянутой руки, когда ясно видно, что ей отчаянно хочется быть любимой? Что она жаждет ласк так же, как я жажду ее улыбки?

Я касаюсь ее подбородка и вынуждаю поднять на меня глаза. В глазах Кайры столько страданий и сердечной боли. Она права думает, что я брошу ее, раз уж теперь знаю, что она не может создать новую жизнь в своем чреве?

— Еще что-нибудь?

Полувсхлип оборачивается в смешок, и она снова вытирает слезы.

— Думаю, этого и так достаточно, разве нет?

— А если я скажу тебе, что для меня не имеет никакого значения, можешь ли ты завести детей или нет?

Она сводит свои маленькие бровки.

— Но ты же говорил, что мечтаешь обзавестись настоящей семьей. Мне бы не хотелось лишать тебя этого.

— Не волнуйся за меня, Печальные Глаза. Без резонанса не получиться зачать ребенка, а мне теперь не придется беспокоиться, что другой мужчина выхватит тебя из моих рук, — я нежно поглаживаю ее по щеке. — Много лет назад я смирился с одинокой жизнью охотника и что мои единственные спутники — собственные руки, — от моих грубых слов она в шоке издает короткий смешок, но я продолжаю: — Теперь я встретил тебя и перед собой вижу жизнь полную смеха, нежности и любви. Имеет ли для меня значение, что мы никогда не будем резонировать? Не имеет. Мне хватает и того, что ты являешься частью моей жизни. Ты — мое сердце, Кайра, и ты должна быть моей парой.

Она снова начинает плакать.

— Не хочу, чтобы ты чувствовал себя со мной как в ловушке.

— В ловушке? — я начинаю хохотать. — В ловушке с красивой, сильной, умной парой в моих шкурах все夜里 напролет? Да я с распростертыми руками приветствую подобную ловушку!

— Но дети...

— Если у нас не будет детей, то хотя бы в нашем распоряжении всегда будет своя пещера, — говорю я ей, притягивая Кайру к себе. Ее влажная кожа скользит по моей и создает между нами восхитительное трение. Я чувствую, как маленькие кончики ее сосков трутся о мой живот, и от этого мой член подергивается, отчаянно желая попасть внутрь нее. — И мы будем шокировать всех остальных, будучи самой громкой совокупляющейся парой в пещерах.

От потрясения с ее губ срывается милое короткое хихиканье, и я чувствую такую радость от того, что мне удалось вызвать у нее улыбку, поэтому я прижимаю ее к себе покрепче.

— Ну, если ты в этом уверен... — говорит она тихо.

— Ну, конечно, уверен, с того самого момента, как увидел твоё лицо.

Выражая удивление, она отодвигается.

— Да?

Я киваю головой.

— Я увидел тебя и подумал, что если когда-нибудь и существовала женщина, которая нуждается, чтобы мужчина заставил ее улыбнуться, то это ты. И что мы стали бы отличной парой.

Кайра хлопает меня по груди в притворном раздражении, но я же вижу, что она рада моим словам. Она смягчается рядом со мной, а слезы просыхают.

— Просто я... я раньше не говорила. Ваши люди были в таком восторге от того, что мы можем резонировать и иметь детей. Мне просто не хотелось признаваться, что я с изъяном. Представить не могла, что со мной будет, если б я призналась. Думаешь, мне все еще здесь будут рады?

— Конечно, тебе будут рады. Тебя не вышвырнут лишь за то, что ты не можешь вынашивать детенышей. Разве мы изгнали Фарли?

Она фыркает.

— Фарли еще слишком маленькая, чтобы иметь детей. Это не такое уж и честное сравнение.

— А Айша, чей ребенок умер совсем маленьким? Или моя мать, Севва, которая сейчас уже слишком стара, чтобы иметь еще детей? — я прикасаюсь к ее щеке. — Ты отдаешь племени больше, чем просто свое тело.

— Не уверена, — говорит она тихо. — Единственное, что у меня хорошо получалось, — это переводить, и этого я только что лишилась.

— Тогда ты можешь привнести в племя новые навыки и радость. Просто нужно еще рассмотреть и эту возможность.

Кайра раздраженно смотрит на меня.

— У тебя на все готов оптимистический ответ?

— Да, — я улыбаюсь ей. — В этом-то и состоит мой вклад в племя. Ну, это и еще мои навыки по резьбе.

Еще одно коротенькое хихиканье срывается с ее губ, приглушенное шумом льющейся потоком воды.

— Да, у меня до сих пор есть подарок, который ты для меня сделал.

— А-а. Потому что у него такой впечатляющий вид?

Ее хихиканье перерастает в фырканье, и она утыкается лицом в мою мокрую грудь, обняв меня руками.

— Потому что хотелось сравнить размеры. Подумала, что он сильно преувеличен.

— Показать тебе, насколько точны мои резные фигурки? — я скользжу пальцами вниз по ее мокрой спине, потом беру ее ладошку и кладу на мой ноющий член. Слышу, что она ахнула, но руку не отрывается. Вместо этого она начинает ласкать меня и исследовать. — Стань моей парой, Кайра.

Она поднимает на меня глаза, полные надежды.

— Но те инопланетяне...

Новые отговорки?

— Да им придется очень попотеть, чтобы нас разлучить. Их ждет неудача, — я снова касаюсь ее щеки. — И не позволяй себе заранее предсказывать обреченность нашего будущего. Давай жить сегодняшним днем, хорошо?

Я всегда был практичным мужчиной. Я видел слишком много печали, чтобы позволить ей влиять на мою жизнь, как это делает Хэйден. Если это означает, что сегодня я должен улыбаться, а завтра рыдать, то я еще больше буду наслаждаться днем, что делает меня счастливее. Хочу, чтобы Кайра осознала — жизнь сладче всего, если без боязни берешь от нее все.

Она сжимает пальцы вокруг основания моего члена и очень нежно скользит рукой по нему вверх, поглаживая меня.

— Сегодня, — говорит она вполголоса, — сегодня и правда самый-самый лучший из дней, чтобы побывать с моей парой.

Мое сердце горит и готово разорваться от любви.

— Да, так и есть.

Температура воды меняется от восхитительно жаркой до леденяще холодной, и Кайра вскрикивает одновременно со мной. Она промывает ягоды из своих волос, а затем быстро выпрыгивает из воды, а я следую за ней мгновение спустя.

— По-моему, у нас кончилась горячая вода, — говорит она, в то время как дрожит и легонько подпрыгивает, прижимая свои руки груди.

— А что, разве так не было задумано?

— Нет! — она смеется. — Никто не может купаться в настолько холодной воде.

Я пожимаю плечами. Я уже перестаю что-либо понимать в отношении старейшин. Но пока я наблюдаю, как Кайра, дрожа от холода, изящно поднимает свои кожаные одеяния с пола, я прихожу к решению, что есть и другие способы, как согреть ее. Способы, древние, как мир. Я подхватываю ее на руки, не обращая внимания на ее визг от того, что я застал ее врасплох.

— Ты совершенно замерзла, моя сладкая пара. Позволь своему мужчине согреть тебя.

Вместо того чтобы застенчиво запротестовать, чего я ожидал, она обнимает меня за шею и изо всех сил прижимается ко мне. У меня такое ощущение, что мой член от желания взорвется. Я хочу этого с того самого дня, когда увидел ее. Я несу девушку в другую комнату и осторожно укладываю ее на постель. Кайра смотрит на меня полными доверия глазами, и мое сердце снова готово разорваться от любви.

Вот она, моя пара!

Не имеет значения ни то, что это выбор не наших кхай, ни то, что она не может подарить детей. Она моя, и я могу заявить на нее свои права. Моя со всеми радостями жизни.

— Ты такая красивая, — говорю я ей. Она и правда красива. Ее человеческое тело покрыто капельками воды, и кожа сверкает своей мягкостью. Ее глаза — посиневшие от кхая — на ее личике кажутся большими и яркими, а от ее приглаженных к голове волос оно кажется еще более хрупким, чем обычно. Ее грудь от волнения вздымается и опадает, и от каждого короткого вдоха ее груди соблазнительно покачиваются. Ее ноги сжаты вместе, но совсем скоро я буду лизать ее между ними и вкушать ее мед.

Кайра улыбается и тянется к моей руке. Я переплетаю свои пальцы с ее меньшими, снова отметив наши различия. У нее четыре маленьких пальчика и один большой, тогда как у меня три и один большой. Пальцы ее ног аналогичны — на стройной стопе у нее четыре маленьких пальчика рядом с одним большим. Моя собственная стопа в два с лишним раза больше ее, а пальцы моих ног — на одного меньше, чем у нее — распространены шире, чтобы обеспечивать баланс моего большого тела. На ее теле нет никаких-либо бугристых наростов для его защиты, все оно — сплошная мягкость.

Не стану отрицать, что нахожу саму мысль о всей этой мягкости невероятно возбуждающей.

Я высвобождаю руку из ее захвата и прикасаюсь к ее груди, желая попробовать на ощупь ее гладкую кожу. Ложбинка между ее грудями ощущается столь же мягкой, как подбрюшье пернатого зверя. Она трепещет от моего прикосновения, ее пристальный взгляд направлен прямо на меня, и я вижу, как в ответ на мое прикосновение ее соски твердеют, от мягких розовых округостей превращаясь в жесткие, напряженные маленькие кончики. Все же к ним я пока не прикасаюсь. Я еще исследую, еще любуюсь телом своей пары. Впервые нам представился шанс оказаться наедине по-настоящему и полностью обнаженными друг перед другом, и я мечтаю насладиться этим.

Ее живот такой плоский, но с малюсенькой впадинкой для пупка, который мне сразу захотелось поцеловать. Ее бедра несколько шире, округлые и соблазнительные, а между ее ног есть клочок темных волосков, которые скрывают ее медовые складки и тот ее третий сосок. Он так и просится мне в рот, но подозреваю, что моя застенчивая Кайра тут же выпрыгнула бы из шкур, если бы я раздвинул ее ноги и зарылся лицом туда, так что я должен соблазнить ее поцелуями и ласками.

Я хочу чувствовать ее тело своим, поэтому я забираюсь в постель и ложусь рядом с ней. Мое тело подавляет ее меньшее, и она немного отодвигается. Я переношу свой вес на бок, чтобы не раздавить ее, и по-собственнически перекидываю ногу поверх ее бедер, чтобы она не могла от меня увиличнуть.

И тогда, притянув ее тело вплотную к своему, я наклоняюсь поцеловать ее.

Она вздыхает и подается ко мне для поцелуя, ее язык переплется с моим. Я углубляю поцелуй, сделав его более откровенным, более понятным относительно того, что я хочу от нее. Я трахаю ее сладкий ротик своим языком, и она отвечает тихими вскриками и от восторга извивается подо мной. Мой член так и жаждет заполучить ее, но я должен действовать не спеша. Кайра никогда еще не спаривалась, и она довольно пуглива.

Я захватываю ее губы, наслаждаясь ее ответной реакцией — звуками ее удовольствия. Я прохожусь губами вдоль линии ее подбородка, после чего провожу языком по ее шее, от чего все ее тело пробирает дрожь. Ей очень это нравится. Я облизываю ее нежную кожу, осторожно прикусываю ее, а ее пальцы впиваются мне в плечи.

— Тебе нравится, когда я целую твою шею? — шепчу я. — Может, мне перебраться на другое местечко?

— Мне нравятся твои поцелуи, где бы ты не целовал, — совсем тихо, на выдохе проговаривает она. От ее слов мой член вздрогивает. Тогда буду целовать ее везде.

Прослеживая ее ключицы, я облизываю и посасываю ее мягкую человеческую кожу. Каждый раз, когда мои губы прижимаются к ее плоти, она испускает слабый стон, а ее руки порхают по моим плечам и рукам. Словно она не знает, куда их пристроить, но хочет ко мне прикоснуться. Она может трогать меня столько, сколько хочет — я приму это с радостью. Но пока что мое внимание сосредоточено на ней. В последнее время ее мысли занимали сколько тревог, и я хочу сделать так, чтобы она прогнала их.

А еще? Хочу постараться, чтобы у нее не осталось никаких сомнений в отношении того, чтобы быть моей.

Я спускаюсь вниз по ее гладкой грудной клетке, а потом накрываю губами одну ее грудь. Ее кончик от возбуждения сжимается как камушек, и я соблазняюще его облизываю, а затем жду ее реакции.

— Ооо, — выдыхает она дрожащим голосом. Когда я поднимаю голову, она вся покрыта румянцем и выглядит смущенной.

— Покажи мне, Кайра, что ты хочешь, чтобы я сделал.

Ее щеки стали ярко-розовыми, когда она хватает меня за рога и тянет обратно вниз к своей груди, выдавая словно безмолвную команду. Убеждать меня не приходится, и я очень доволен, что моя пара наслаждается полученным от меня удовольствием. Она такая маленькая и хрупкая, и я переживаю, что кто-то, настолько большой и бесцеремонный, как я, может напугать ее. Но то, как она направляет меня, наводит на мысль, что я слишком на этом зацикливаюсь. Что она столь же изголодалась по моим прикосновениям, как и я.

Я захватываю в плен своих губ ее сосок и щелкаю по нему языком. Она задыхается, когда шершавости моего языка терзают кончик, поэтому я прикладываю все усилия, чтобы повторять это снова и снова.

— Моя Кайра, — бормочу я, охватив ее грудь ладонью, чтобы мне было более удобно поглощать ее своими губами. — Моя сладкая пара. На вкус ты именно настолько сладкая, как я и предполагал.

Она издает тихий короткий стон, ее руки снова бегло скользят по моим рукам, а ее бедра на постели подо мной волнобразно покачиваются. Воздух вокруг нас благоухает ароматом ее возбуждения, и я в шкурах раскачиваю бедрами, так как мой член в полном отчаянии, настолько сильно он хочет погрузиться в ее жар. Чрезвычайно трудно проявлять терпение, когда твоя пара в первый раз под тобой. Больше всего на свете хочу наброситься на нее и погрузиться глубоко внутрь нее. Я хочу видеть, как от восхищения ее губы приоткрываются, когда я врезаюсь в нее.

Поэтому я губами прокладываю путь вниз по ее животу, так как мое нетерпение берет надо мной верх. Я терзаю зубами ее кожу, наслаждаясь тем, что в ответ на это она

вздрагивает. Мой язык скользит кругами вокруг ее пупка, и затем я спускаюсь дальше вниз к завиткам между ее ног, которые скрывает от меня ее складочки. У меня аж слюнки текут от предвкушения.

Говорят, что нет вкуса слаще в устах мужчины, чем вкус резонанс-пары, однако мы не резонируем. И никогда не будем. Но, несмотря на это, я не думаю, что на вкус она будет менее сладкой.

Ее бедра сжаты вместе, а руки скользят вниз по моим рогам.

— Аехако, — бормочет она. — Я не уверена...

— Когда-нибудь раньше у тебя уже было такое, что мужчина лижет твой мед?

Ее лицо вспыхивает ярко-малиновым.

— Только ты. До этого.

O, да. Приятные воспоминания, причем такие, которые разжигают мои похотливые фантазии. О том, как моя рука погружается между ног Кайры и дразнит ее до тех пор, пока она не кончает, после чего слизываю ее сладость со своих пальцев, даже несмотря на то, что та замерзает.

— В таком случае, я буду твоим первым и единственным, — говорю я ей и нахожу невероятно огромное удовольствие от этого дерзкого заявления. Она никогда не будет чей-либо еще, только моей. Навсегда.

Я подталкиваю ее бедро, упрашивая ее открыться для меня. Кайра издает какой-то нервный звук, к тому же у нее дрожат ноги.

— Откройся для меня, моя пара. Я хочу облизать тебя всю, — чтобы доказать это, я провожу языком вниз по ее бедренной кости, вплоть до того кудрявого маленького пучка волос. — Раздвинь свои ножки для меня.

Я снова чувствую трепет Кайры, но она подчиняется. Ее ноги открываются, а я убираю руку и раздвигаю их еще больше, пока она совсем не раскрывается для меня. Я закидываю одно колено через свое плечо, чтобы она не могла снова закрыть свои бедра. И тогда я могу полюбоваться распространенным влагалищем моей пары. Складки блестят от влажности, от чего у меня опять текут слюнки. Ее складочки удивительные и очень разрумянились, как и ее щеки. Я провожу пальцем по ее влажности, а мой член ноет, когда она извивается и издает тихие звуки удовольствия.

— Я собираюсь попробовать тебя на вкус.

Она прижимает руку ко лбу и закрывает глаза.

— О, Боже.

Интересно. Тем не менее, она не отталкивает меня, поэтому я наклоняюсь и исследую ее своим ртом. Первый взрыв ее вкуса на моем языке ни с чем не может сравниться — она ощущается как соль, мускус и Кайра... совершенно изумительно. Окончательно одичавший от желания, я рычу низким, гортанным голосом.

— Сладко.

Дыхание Кайры вырывается из нее дрожащими вдохами.

Я хватаю ее за ноги, желая большего. Раздвигая их в стороны друг от друга еще больше, я приподнимаю ее с постели, чтобы она была для меня открыта, и провожу по ней языком от ее третьего соска до входа во влагалище. Низкий стон срывается с ее губ, и я облизываю ее всю еще раз. На этот раз я начинаю с маленького сморщенного отверстия ее попки и обвожу вокруг него круг, потом тяну язык прямо сквозь ее складочки, к ее третьему соску.

— О, Господи, — стонет она. — Поверить не могу, что ты это делаешь.

— Могу повторить еще раз, — говорю я ей. И я с радостью это сделаю. Ее вкус слаще, чем все, что я когда-либо пробовал. Я вновь повторяю действие, следя за тем, чтобы обводить языком круги вокруг отверстия ее попки, а затем медленно двигаться вверх, сквозь ее складки, покрытые восхитительным медом, и снова обводить круги вокруг капюшона ее маленького соска.

Когда я делаю это, она вскрикивает, и ее бедра судорожно вздрагивают.

Aga! Я повторяю движение, и от моего собственного возбуждения мой хвост дергается из стороны в сторону. Я обожаю вызывать в ней ответную реакцию на мои прикосновения, обожаю ту робость, которая содержится в стонах и криках Кайры, когда я лижу ее влагалище. Я мог бы лизать ее часами и так и не насытиться до конца. Я дразню и покусываю сосок, что у нее между ног, и она снова прижимает ладонь к своему лбу и кричит.

— Еще? — я дразню и посасываю крошечный бугорок плоти.

Крик вырывается из ее горла, и я чувствую, как ее тело подо мной дрожит и начинает содрогаться все сильнее. Ее бедра качаются против моего рта, и поэтому я продолжаю сосать чувствительное местечко, пока от удовольствия девушка не начинает непрерывно стонать и в итоге становится совершенно вялой.

— О Боже, сжался надо мной, — она задыхается. — Это было... нечто совсем невероятно другое.

Я облизываю губы, вкушая ее вкус на себе.

— Твое влагалище на вкус намного слаще, чем я мог когда-либо себе вообразить.

Краска смущения на ее щечках начинает бушевать во всю, и она задыхается, все еще прижимая руку ко лбу.

— Голова болит?

— Что? О, нет, — отвечает она быстро, и ее рука опускается на постель. Короткое хихиканье срывается с ее губ. — Думаю, я как раз пыталась... удержать свои мозги на месте, прежде чем они полностью не вытекли из головы, — и она продолжает хихикать.

Слова мне показались странными, но я тоже начинаю смеяться. Мне нравится вызывать у нее улыбку. Я прижимаюсь еще одним поцелуем к маленькому пучку волос, а затем снова лижу ее. Кайра вздрагивает, и от этой ласки у нее мурашки бегут по коже. Я прикладываюсь пальцем к входу в ее влагалище, чтобы понять, достаточно ли она влажная, чтобы принять меня, и тут же отвожу его обратно, так как палец очень мокрый.

Моя пара более чем готова. Лютая потребность заполучить ее прожигают меня насквозь, и ядвигаюсь вверх, своим большим телом вдавливая ее в эту странную постель. Ее руки обнимают меня, и она рада моему поцелую, и от предвкушения удовольствия с ее губ срывается еще один короткий вздох, когда я хватаю в кулак горсть ее волос, заставляя откинуть голову назад и открыть шею, чтобы я мог снова лизать ее. Я нежно прикусываю связки у нее на шее и скользжу бедрами между ее раздвинутых ног, а мой член удобно располагается в колыбели ее бедер.

И я трусь им об нее, так что она может его чувствовать.

Короткий вздох Кайры, когда я потираюсь об нее, невероятно радует. Ее бедра раскрываются чуть шире, и одну ее ногу я обвиваю вокруг своих бедер. Вместо того, чтобы погрузиться в нее, я снова целую Кайру, мой язык кружит у нее во рту, наслаждаясь короткими стонами, которые уже перерастают в непрекращающейся поток. Взгляд ее глаз

оглушен желанием. Я сновадвигаю свой член сквозь ее складочки, проводя им вверх-вниз, обволакивая свою длину ее медом. Она стонет громче, а ее пальцы впиваются в мою кожу.

Она уже готова.

Я хватаю рукой собственный член и удерживаю его у входа в ее влагалище. Массивная головка вжимается внутрь ее жара, и ее ногти еще сильнее впиваются в мою кожу.

— Ты ощущаешься... реально огромным, — говорит она, и я слышу обеспокоенность в ее голосе.

— Да, это потому что я и правда такой, — поддразниваю я, а потом поцелуюм прогоняю всю ее обеспокоенность прочь. — Но ты можешь меня принять. Обещаю. Ты готова связаться со своей парой?

Она смотрит на меня такими большими, нежными глазами. Она тянется ко мне и поглаживает по щеке, а мое сердце болезненно сжимается от любви к ней.

— Я твоя, — говорит она мне. — Полностью твоя.

— Моя, — соглашаюсь я и вонзаюсь глубоко внутрь. Знаю, что могу причинить ей боль, — она еще ни разу не совокуплялась, а она маленькая и тугая, но лучше сделать это стремительно, ну, как вправлять кости.

Все же ее наполненный болью вопль причиняет мне страдания, и я нежно обнимаю ее.

— Шшш.

— Оу, — заявляет она мне, и ее кулакок врезается мне в плечо. — Это же больно!

— Это такая боль, которая быстро проходит, обещаю, — чтобы загладить вину, я целую ее сладкие губы снова и снова до тех пор, пока ее хмурое лицико не смягчается, и она снова начинает отвечать на мои ласки. Мой член ощущается пульсирующим мечом, очень туго вложенным в ножны ее влажного жара, но я не осмеливаюсь двигаться, пока она не будет готова для меня снова.

Когда на мой последний поцелуй она отвечает коротким стоном, я медленно вытаскиваю из нее свой член, а потом снова толкаюсь внутрь. Она напрягается, но ни словом не обмолвилась про боль. Ее взгляд направлен на меня, глаза у нее полны доверия, и мое сердце разрывается от ее красоты. Она, моя пара, более чем безупречно прекрасна. Прекрасная, мягкая, сладкая и щедрая.

— Мое сердце принадлежит тебе, Кайра, — повторяю я ей опять, прижимаясь к ее щеке.

Я вновь погружаюсь внутрь, осторожно, чтобы оценить ее реакцию, и когда она со мной по-прежнему остается расслабленной, я переношу свой вес на бок и ласкаю ее грудь, дразня кончик до тех пор, пока он не становится твердым и ноющим и она не начинает стонать и извиваться подо мной.

— С тобой, внутри меня, все ощущается совсем по-другому, — говорит она, и ее голос звучит так, словно ей тяжело дышать и она крайне изумлена.

— Все еще болит?

— Нет, не думаю, — она прикусывает губу и смотрит на меня. — Действуй, и я дам тебе знать.

Действовать? Ради нее я сделаю все. Я снова наматываю ее волосы на руку, крепко удерживая ее, и погружаюсь глубоко внутрь.

Она задыхается.

— Это чувствуется...

Она пораженным взглядом смотрят прямо в мои глаза.

— Хорошо? — я практически ощущаю, как у меня грудь распирает от гордости.

— Сделаешь так еще? — голосок у нее тихий и робкий, но она выгибает спину, прижимаясь своим телом ко мне.

Я повторяю, и она снова задыхается. Ее влагалище, похоже, затягивается вокруг меня, и когда она трепещет, я чувствую это в каждой клеточке ее тела.

— Кажется, я собираюсь... опять, — она прикусывает губу, а ее тело под моим напрягается.

— Отлично, — говорю я ей и опять толкаюсь в глубину. Ее следующий отчаянный вскрик сопровождается усиленным вшиванием ее ногтей в мои руки и значительным сжатием ее влагалища вокруг моего члена.

— О Боже!

Да, она определенно собирается снова кончить. Радуясь тому, насколько отзывчива моя пара, я утверждаю ее уста в неумолимом поцелуе и начинаю врезаться в нее в устойчивом ритме, снова и снова, скользя глубоко внутрь ее мягкого тела.

— Наросты, — она задыхается мне в губы. — Я чувствую нарости! И, о боже, так это что, твоя шпора?

Наверное. Я снова резко усиливаю погружение, и она содрогается против меня, ее рука скользит между нами, чтобы направиться к ее влагалищу.

— Это слишком много, — говорит она, ограждая от меня свои складочки. — Не смогу с этим справиться...

— Все будет хорошо, — говорю я ей, хватая ее руку и толкнув ее обратно в шкуры. Я захватываю в плен ее губы и снова врезаюсь в нее, а она стонет, своей рукой крепко сжимая мою. Когда Кайра снова кончает, то издает резкий вопль, настолько громкий, что он раздается по всей комнате.

Не настолько громкий, как мой собственный вопль, когда я кончаю, но почти. «*Мы будем шумной парой*», — подумываю я с радостью, когда падаю без сил в шкуры рядом со своей задыхающейся, запыхавшейся парой. Им придется переместить нас в одну из задних пещер, чтобы наши поздниеочные проделки не разбудили всех детенышей.

Будучи в полном восторге от своей пары, я притягиваю Кайру к себе и целую ее в лоб.

КАЙРА

Мой мозг превратился в кашу. Во вполне милую кашу, но все же кашу. Я потихоньку просыпаюсь. Аехако закинул ногу на мою, а его рука лежит поверх моей груди. Я переворачиваюсь в постели, а его хвост начинает двигаться, стегаясь туда-сюда, и тут же шлепает меня.

— Давай спать, — бормочет он.

— Мне нужно немного размять ноги, — я не обращаю внимания на его просьбу и встаю с постели, делая несколько торопливых шагов в сторону ванной. Чувствую, что у меня между ног немного саднит. Ладно, довольно сильно. Но это прекрасный вид

ощущений, и я совсем не против этого. Это лишь напоминает мне, что я принадлежу Аехако, и я вхожу в ванную с глупой улыбкой на лице.

Первое, что я делаю, — проверяю свое ухо в отражении стекла душевой кабинки. Теперь, лишившись переводчика, меня охватывают какие-то странные чувства, но в нескольких необычных участках моего уха я замечаю пару проколотых дырочек, как напоминание об этом устройстве. Хотя, в целом, с моим ухом, похоже, все вроде бы в порядке? Глубоко внутри ощущается весьма смутная боль, но понимаю, что я все еще восстанавливаюсь. И Аехако говорил, что он избавился от устройства, все же...

— Компьютер? — шепчу я. — Переводчик, который вчера был извлечен из моего уха, уничтожен?

Тот недолго пищит, а потом из спикера над раковиной прорывается металлический голос.

— По требованию устройство было уничтожено. Оно полностью разобрано на части, а затем раздавлено в измельчителе мусора. Желаете запустить процедуру восстановления?

— Нет, не нужно, — отвечаю я, почувствовав облегчение. — Все нормально.

По крайней мере, одной проблемой меньше.

Я умываюсь водой из раковины,правляю личные дела, а потом одеваюсь в свои кожаные одежды. Может, потому что вчера после удаления переводчика, я так долго спала, что теперь чувствую себя полностью выспавшейся. Я возвращаюсь обратно в спальню, но Аехако все еще не проснулся. Я подумываю о том, чтобы вернуться в постель к нему, но волнуюсь о Харлоу. Не секрет, что она с Хэйденом не совсем ладят, а это — инопланетный космический корабль..., и кроме того я была без сознания, наверное, где-то около целого дня. Мне нужно ее проведать.

Я выхожу из комнаты и направляюсь вниз по коридору, пока не осознаю, что понятия не имею, как добраться до входа в корабль.

— Компьютер, можешь провести меня к Харлоу?

— Пожалуйста, следуйте указаниям, — сообщает тот, и по краю пола зажигается световая дорожка, прокладывая путь в противоположном направлении, куда я направляюсь. *Вот черт.* Я разворачиваюсь и следую извилистому пути по коридорам, усыпаным обломками. Пройдя несколько коридоров, я слышу звук чего-то, похожего на электродрель, и когда я вхожу, то вижу Харлоу в защитных очках гигантского размера, которая сверлит, соединяя что-то вместе и заглядывая на экран компьютера.

— Привет! — кричу я.

Она поднимает на меня глаза, а защитные очки соскальзывают с ее лица.

— О! Привет! — она толкает очки обратно. — Эти дурацкие штуки не совсем пригодны для человеческих голов.

Я подавляю смех и подхожу, пристально разглядывая запчасти, которыми она усеяла металлический стол.

— Что все это такое?

— Ну, — говорит она, ставя на стол дрель, и упирает руки в бока. — На данный момент все это просто куча хлама. Сейчас компьютер мне зачитывал руководство о том, как создать скалорез.

— Скалорез?

— Ну да, а сама ты когда-нибудь замечала, что в девичьей пещере одна стена более необработанная, чем все остальные? — всматриваясь в меня, Харлоу откидывает назад

свои растрепанные рыжие волосы. Веснушки у нее вокруг глаз словно приподнимаются, когда она проводит ладонью по лбу, оставляя на нем сальный след.

— Эээ, знаешь, мне кажется, я никогда этого не замечала, — теперь я чувствую себя немного глупо. — Она что, все еще не закончена?

— Ага, а я всегда над этим задумывалась. Ты же в курсе, что почти вся пещера очень гладкая. Вот и я подумала, что когда они ушли отсюда, то, наверное, сняли многие части компьютера, чтобы сделать скалорезы, и компьютер сказал мне, что я права. Думаю, они у них просто-напросто накрылись, когда они принялись за нашу пещеру, — она пожимает плечами. — Вот и я решила посмотреть, смогу ли собрать парочку новых резаков, что позволит выдолбить еще несколько домашних пещер для уединения людей, раз у нас все настолько переполненно.

Очень предусмотрительно с ее стороны. А я-то тут всего лишь занималась сексом и думала только о себе.

— Ты - чудо, Харлоу. Знаешь об этом?

Удивленная улыбка появляется на лице рыжеволосой девушки.

— Спасибо, — говорит она робко. — Я просто пытаюсь придумать, как быть полезной, понимаешь? Мой папа был механиком, и поэтому я умею кое с чем управляться, но надо признать, что все это сбивает меня с толку, — она протягивает вперед руку и указывает на металлический хлам на столе. — К счастью, на компьютере много картинок, так что в основном я придерживаюсь их.

— Умно, — говорю я, рассматривая стол. Ничего из всех этих деталей мне в жизни не приходилось видеть. Даже дрель Харлоу имеет не вполне обычный вид.

— Как твое ухо? — спрашивает она, подняв кусок металла и удерживая его на весу, чтобы повнимательней его рассмотреть.

— Лучше. От переводчика ничего не осталось, — я колеблюсь, затем спрашиваю, — Ты получила то, ради чего пришла?

Харлоу окидывает меня осторожным взглядом.

— В большей или меньшей степени.

Намек я поняла. Совершенно очевидно, что она не хочет говорить о том, ради чего напросилась пойти со мной. Понимаю, что это что-то вроде моего бесплодия и всякое такое. Некоторыми вещами просто не делятся с незнакомцами, а Харлоу я не знаю так, как знаю кое-кого из остальных. Так вышло, что вокруг неизменно собирается столько народа, из-за чего познакомиться поближе нам на самом деле так и не удалось.

Я чувствую себя за это виноватой.

— Тебе помочь? — предлагаю я. — Не знаю, насколько я могу быть полезной, но, наверное, дополнительная пара рук не окажется лишней?

— Уверена? — спрашивает она. — Это не самая увлекательная работа, и я даже не знаю, получится ли все, в конце концов.

Я пожимаю плечами.

— Ахако все еще спит и, я полагаю, будет спать еще некоторое время.

— Мммхмм. Ага, я вас, ребята, внизу слышала. Итак, у вас с ним все серьезно?

Чувствую, что от смущения мои щеки раскалились до красна. Мне даже в голову не приходило, что нас кто-то может услышать.

— Он решил, что я его пара, — говорю я, придвигаясь поближе к столу. — А я решила, что он прав.

— Если ты счастлива, то я тоже, — говорит Харлоу и пробегается рукой по хламу маленьких деталей медно-красного металла.

— Я счастлива, — говорю я ей, и это правда. За исключением мучительных переживаний по поводу возвращения маленьких зеленых человечков, я невероятно счастлива. Моего переводчика больше нет, и у меня есть... Аехако. Большой, кокетливый Аехако, который относится ко мне, будто я — лучшее, что когда-нибудь с ним происходило. Вообще-то, все как раз наоборот. Он — лучшее, что когда-либо происходило со мной. Думаю, что, даже если бы мне завтра предложили вернуться домой, обратно на Землю, я бы отказалась, только чтобы остаться со своей большой инопланетной парой.

Может это и делает меня безумной. Но что меня ждет на Земле? Никого, кому я была бы действительно небезразлична, работа в сфере финансов на должности младшего сотрудника и гора студенческих долгов. Здесь у меня целое племя людей, и Аехако.

— Скажи мне, если увидишь такую серебристую крестообразную штуку, — говорит Харлоу, копаясь в запчастях. — Размером где-то с твой мизинец.

Я киваю головой и начинаю с другого конца стола. Пальцами перебираю металлы самых разных форм, а здесь, должно быть, сотни деталей. Харлоу поставила перед собой довольно грандиозную задачу..., и я обращаю внимание на то, что до сих пор ей вообще никто не помогал.

— Ты случайно не видела Хэйдена?

Харлоу фыркает.

— Он охраняет вход. Думаю, это просто предлог, чтобы его наконец-то оставили в покое. Он не очень хорошо переносит людей.

— Я заметила, — Аехако говорил мне, что Хэйдена гнетет печальное прошлое. Думаю, на самом деле, он не может найти в себе силы оставить прошлое в прошлом. Я нахожу крестообразную деталь и передаю ее Харлоу. — Это она?

— Ага, — говорит она, забирая ее у меня из руки, прихватив с собой к другому столу. — Дай мне припаять этого плохиша, и нам удастся продвинуться вперед.

Время с Харлоу проходит удивительно быстро. На одной из стен проецируется схематический чертеж, и хотя он время от времени мерцает, грозясь вот-вот угаснуть, все равно лучше бумажного формата. Харлоу гений в металлических деталях, соединяя эти штуки, запаивая их и просверливая и, по сути, заставляя меня чувствовать себя бесполезным бедзарем. Коротая время, мы говорим о нашей прежней жизни на Земле. Отец Харлоу управлял гаражом и ремонтной мастерской в Миннесоте, но он скончался в прошлом году. Матери в ее жизни нет, и недавно она продала бизнес и была не совсем уверена, чем ей дальше заняться. Вышло так, что теперь это уже не проблема.

— Знаешь, в чем вся ирония? — говорит она мне. — Я мечтала о путешествии. Видимо, теперь мое желание сбылось, верно?

Я отвечаю на это слабой улыбкой.

Мы говорим о блюдах, по которым соскучились, и о тех вещах, которых нам здесь не хватает, — такие, как обычный шампунь и даже фарфоровые тарелки. Однако, вместо того, чтобы опечалиться, Харлоу задумывается.

— Думаю, мы можем использовать свои знания и опыт в племени и, может быть, улучшить положение их дел. И мы можем забрать кое-что отсюда. Тиффани говорила, что дома она была хороша в работе с макияжем и средствами для волос, так что она могла бы сделать для нас мыло.

Мне нравится, что Харлоу не зацикливается на прошлом. Вместо этого она смотрит в будущее, как мы можем улучшить условия нашей жизни здесь, а не льет слезы о том, что мы потеряли. Великолепное мировоззрение.

Когда мы берем перерыв, то обе решаемся получить от компьютера языковую «загрузку». Мы должны делать это по очереди, и Харлоу идет первой, а я должна признать, что вообще-то это довольно жутковато, так как она падает и теряет сознание после того, как лазерный луч ударяет ей прямо в глаза. Через несколько минут она приходит в себя, и я вручаю ей кожаный мешок с водой, который она принесла. Девушка отпивает из него, потирает лоб и окидывает меня жалобным взглядом.

— Думаю, могло бы быть и хуже. Они могли бы говорить на нескольких языках, верно?

Я смеюсь над ее словами, однако они заставляют меня задуматься о маленьких зеленых человечках. Могла бы я выучить и тот, их язык? Ну, на всякий случай? Разговаривать на нем я особо не смогу, но пригодится, если буду понимать, о чем они говорят.

Когда наступает моя очередь, я выкрикиваю.

— Компьютер, я могу выучить за один раз более чем один язык?

— За один раз в вашу память возможно внедрить до трех языков, — отвечает мне компьютер. — Какие из языков вы хотите загрузить?

— Язык ша, — называю я компьютерное название расы Аехако. — А еще... — я прерываюсь, так как не знаю название расы маленьких зеленых человечков. — Эээ...

— Что у тебя на уме? — спрашивает меня, Харлоу охваченная любопытством. Когда я объясняю ей свою идею, она кивает головой. — Может, если мы сузим круг до разумных рас в пределах и вокруг этой планеты?

— Отличная идея, — я должна сузить этот круг чуть больше. Я на мгновение задумываюсь, а затем прочищаю горло. — Компьютер? Сколько говорящих на языках находятся на этой планете?

Компьютер мгновение подсчитывает, после чего отвечает.

— Датчики указывают на тридцать пять модифицированных ша, двенадцать модифицированных людей, трех сэзт, и одного... — компьютер воспроизводит странный чирикающий звук, от которого у меня аж дрожь по спине проносится. Звучит так, словно это маленькие зеленые человечки. Сэзт, должно быть, их охранники. Я потираю руки, так как мне не по себе. Наверное, мне стоит изучить оба языка.

— Хм, — говорит Харлоу возле меня.

— Что случилось?

— Мне казалось, что в племени тридцать четыре, — она морщит свой веснушчатый носик. — У кого-то родился ребенок?

— Еще слишком рано, — говорю я ей, но понимаю, что она права. Количество неверно. Ядвигаюсь к столу и мысленно подсчитываю, кто живет в каждой пещере, используя мелкие частицы металломолома, чтобы обозначить больших синих инопланетян. Когда я заканчиваю подсчет, у меня все еще на одну единицу меньше, чем у компьютера.

Как так получилось, что мы потеряли этого одного инопланетянина?

Я поворачиваюсь к Харлоу, собираясь задать ей этот же вопрос, когда невыносимо высокий звук прорезает небеса над головой. Он напоминает мне реактивный самолет..., вот только на этой замерзшей планете таковых нет.

Прибыли те, другие, инопланетяне.

С неумолимой решимостью на лице я возвращаюсь к компьютеру.

— Компьютер, пожалуйста, я хочу получить загрузку языков ша, сзэт и последний, который ты упоминал.

— Язык...? — снова чириканье птиц, которое вряд ли без затруднений произносимо человеческими голосовыми связками.

— Именно этот.

— Пожалуйста, не двигайтесь, пока информация переносится в вашу память. Вы можете ощущать некоторый дискомфорт...

Ослепляющая боль пронзает мою голову, и это последнее, что я помню из этого благого дела.

Когда я прихожу в себя, мне в лицо смотрит Аехако, брови которого встревоженно сведены к переносице.

— С тобой все в порядке, Печальные Глаза?

— Я в порядке, — уверяю я его, в то время как сажусь, а он рукой поддерживает мою спину. — Я просто получила... эээ... загрузку кое-каких языков. — Я оглядываюсь и смотрю на Харлоу, прижимая руку к своему раскалывающемуся лбу. — Как долго я была в отключке?

— Где-то около часа, — отвечает она, скорчив гримасу. — Наверное, три языка за раз слишком много.

В результате этого у меня болит голова.

— Думаю, ты права, — с помощью Аехако я встаю, хотя и шатко стою на ногах. Я прислоняюсь к мужчине, радуясь его успокаивающему присутствию. — Еще какие-нибудь признаки маленьких зеленых человечков?

— Просто звук, пролетающего над головой корабля, — отвечает Харлоу. Руки у нее скрещены на груди, и видно, что она боится.

— Еще раз? — я смотрю на Аехако с беспокойством. — Думаю, те инопланетяне знают, что мы здесь.

Он потирает губы и вдумывается.

— Как выглядят их стопы?

Странный вопрос.

— Их стопы?

— Мы с Хэйденом видели следы в снегу на пути сюда.

Я задыхаюсь.

— Ты ничего про это не говорил!

— Не видел смысла беспокоить тебя, когда ты уже и так вне себя от страха, — он касается моей щеки, и мой гнев исчезает. — Следы нам были незнакомы, — он

растопыривает пальцы, как будто это зубцы. — Три больших, остроконечных пальца ног. Это совпадает со стопами ваших инопланетян?

Пытаясь вспомнить, я мотаю головой. У оранжевых инопланетян, чья кожа была словно покрытая галькой, на ногах по два пальца, а у маленьких зеленых человечков маленькие, хрупкие стопы.

— Значит, теперь у нас есть еще что-то, о чем беспокоиться?

— Давай не все сразу, — говорит мне Аехако. — Мы должны найти Хэйдена.

Когда мы выходим из машинного отсека, я обращаюсь к Харлоу.

— Как думаешь, на корабле еще есть оружие?

Она окидывает меня потрясенным взглядом.

— Разве это не был прогулочный крейсер?

— Разумеется, даже у них было бы что-то вроде системы защиты? Нам нужны ружья, если хотим, чтобы они прислушались к нам, — никогда не думала, что эту фразу я произнесу вслух.

Харлоу выглядит обеспокоенной моим предложением.

— Я не знаю, как стрелять из обычного оружия, не говоря уже про инопланетное.

— Ага, но инопланетяне этого не знают, — говорю я ей. Если дело дойдет до этого, то нам, возможно, придется блефовать, чтобы спастись. — Если мы создадим впечатление, будто мы вооружены и опасны, тогда, возможно, они проявят чуток здравого смысла, приближаясь к нам.

Она кивает головой, хотя радостной не выглядит. Я ее не осуждаю. Я тоже не в восторге от этого, но у нас не так уж много вариантов. Я знаю лишь то, что к ним я возвращаться не собираюсь. Точка. Я потираю свое больное ухо, размышляя о своих воспоминаниях, когда была пленницей на корабле. У Харлоу нет таких воспоминаний, как у меня. О постоянном ужасе. Изнасилованиях. О том, что с тобой обращаются хуже, чем с животным. О том, что ты пустое место и ничего не значишь.

Лиз все шутила, что ее отец к своему домашнему скоту относился лучше, чем обращались с нами, и она была очень даже права. Для них мы были всего лишь грузом.

Здесь, на Не-Хоте, я имею значение. Для Аехако и остальных я важна.

Так что я простираю горло.

— Компьютер, покажи мне, что из функционирующего оружия все еще находится на борту этого корабля.

Два часа спустя я командую всеми, кто здесь есть, и пытаюсь добиться необходимого результата. Хэйден ничем не может помочь, так что он у меня сидит на капитанском мостике, отвечая за единственную военную пушку, которой обладает компьютер в *пока-еще-отчасти-функционирующем* состоянии. У него там ярко-красная кнопка, на которую, если все полетит к чертям, он может нажать, и которое (надо надеяться) активирует единственную пушку, если она все еще не зарядилась после всего этого времени и суровой погоды. Есть небольшое количество инопланетного оружия для обеспечения безопасности корабля, но только один из них имеет заряд. Мы с Харлоу спорим, в чьих руках он будет, но спор выигрываю я.

Переговорщиком буду я, поскольку я полна решимости, чтобы все сработало.

А если нет, хочу, чтобы Харлоу, Аехако и Хэйдену удалось скрыться.

У этого пистолета нет спускового крючка, как у обычных человеческих пистолетов. Это что-то типа лазерного орудия с панелью управления, которая активируется голосом и открывается — кроме шуток — при нажатии на кнопку. И вот тут я подумала, что спусковой механизм, должно быть, устарел своей актуальностью. С ним мне было бы гораздо спокойней.

— Что с инопланетным кораблем? — спрашиваю я компьютер, пока практикуюсь своей лазерной пушкой. — Он все еще в атмосфере?

— Подтверждаю, — компьютер говорит мне. — Хотите увидеть визуализацию на экране?

— Да, пожалуйста.

Экран помещения загорается и показывает мне горы вдали, те, которые выглядят как фиолетовый лед. Прямо над пиком одного из них черным пятном на фоне серых небес зависает плоский диск корабля инопланетян.

— За последние шесть часов он вообще передвигался?

— Ответ отрицательный.

Зрелище его вида заставляет меня сильно нервничать.

— Мы можем как-то завлечь его к нам? Не хочу, чтобы они занялись возвращением остальных.

— Возможна передача сигнала связи. Хотите это сделать?

— Пока еще нет, — быстро отвечаю я ему, а после этого смотрю на Харлоу. Мне нужно кое-что сделать, прежде чем продолжить двигаться дальше по нашему плану. — Можешь оказать мне услугу?

Рыжеволосая девушка, заинтересовавшись, поворачивается ко мне.

— Что?

— Можешь пойти посмотреть, что делает Хэйден? Удостовериться, что он не собирается стрелять?

Она кивает и выходит из комнаты.

Я тут же позади нее закрываю дверь и щелкаю замком. Развернувшись, я прислоняюсь спиной к двери.

— Компьютер? Мне нужна подстраховка.

— Вопрос: что такое подстраховка?

— Мне нужен запасной план, — серьезно задумавшись, я облизываю губы. — Оружие, которое я могу тайком пронести с собой на борт инопланетного корабля, если меня возьмут в плен, — секунду спустя я добавляю: — И мне нужен способ подключить твой компьютер к их.

Экран компьютера мелькает разнообразием вариантов, а я внимательно слушаю.

Если они заберут меня с собой, то я уничтожу их. Если я не выйду из этого живой, то и они тоже.

Спустя некоторое время я выхожу из запертой комнаты, чтобы найти остальных. У меня есть секретный пакетик, завернутый в тонкую полимерную пленку, зажатый в руке,

и новая целеустремленность отражается в моей пружинистой походке. К сожалению, моя решимость колеблется, когда в коридоре я сталкиваюсь с Харлоу.

— Они уже на подходе, — говорит мне Харлоу. — Парни у главного входа. Давай, быстрее!

Мы мчимся вниз по узким коридорам корабля, направляясь ко входу. Как я и думала, Хэйден уже оставил свой пост, потому что, когда я добираюсь до покрытого льдом входа, он там, в талой воде вместе с Аехако, стоит на коленях. Моя пара прижалась ухом к двери, прислушиваясь к тому, что происходит по ту сторону. Я хотела бы указать, что через корпус корабля он не сможет ничего услышать, но в тот момент, когда я прихожу, он встает на ноги.

— Аехако, — говорю я. — Что...

— Их корабль уже прибыл, — говорит он мне. Он ласкает мою щеку и тянет меня к себе. — Вы с Харлоу должны оставаться здесь. Мы с Хэйденом сейчас выйдем и поговорим с ними.

Я отталкиваюсь от него.

— Нет, это то, что я должна сделать сама.

— Кайра, — говорит он, и в его голосе улавливаются предупреждающие нотки. — Позволь мне тебя защищать. Ты — моя пара, о которой я должен заботиться.

— Это так мило, Аехако, — я протягиваю руку и гладжу его по щеке. — И, тем не менее, ты моя пара, и я позабочусь о тебе, — я снимаю предохранитель, который покрывает пусковую кнопку на моей лазерной пушке. — А сейчас я намерена выйти туда и поговорить с этими ублюдками.

— Поговорить? — с губ Харлоу срывается нервный смешок. — Скажи, что ты пошутила?

— Не-а, — я так устала быть в постоянном ужасе. Мое сердце бьется со скоростью мили в минуту, но внутренне я чувствую себя спокойно. Этому конец. В этот раз и навсегда я больше не буду бояться этих ублюдков. Поскольку, если случится самый наихудший из сценариев, то уже будет нечего бояться.

— Ты серьезно? — Аехако хватает меня за руку. Его голос полон неверия. — Кайра, это очень опасно.

— Знаю, — я смотрю вверх на него. — Так что поцелуй меня на удачу и поцелуй хорошенко.

Он издает горлом какой-то хриплый звук.

— Мне не хочется сейчас тебя целовать. Мне хочется тебя задушить за то, что ведешь себя как дурочка.

Я трясу головой.

— В этом нет ничего глупого. Я все держу под контролем. Честно.

Выражение лица Аехако излучает страдания и полно беспокойства. Я жду, что он снова начнет возражать, начнет мне объяснять, что я не подходящая для этой работы девушка. Вместо этого он хватает меня в неистовом медвежьем объятии и поднимает меня вверх к своему лицу, чтобы поцеловать. Его губы на удивление нежно прижимаются к моим. Его нос потирается о мой. Затем он закрывает глаза и бормочет:

— Я буду защищать тебя ценой своей жизни, ты ведь знаешь это, да?

Меня ошеломляют его ласковые слова. К глазам подступают горячие слезы, и я обнимаю его за шею и целую так, как следует его целовать — дико и полностью

опустошающее. Это может оказаться нашим с ним прощальным поцелуем, и я даю ему понять, насколько сильно я люблю его. Мой язык трется о его шершавый, и я целую его настолько неистово и настолько страстно, что Харлоу откашливается у нас за спиной.

Ну да. У меня миссия.

Я в последний раз чмокаю Аехако в губы.

— Я люблю тебя, — шепчу я ему.

— Береги себя, Печальные Глаза, — говорит он мне. — Не заставляй меня срываться с места, чтобы защитить тебя.

— Не буду, — я заставляю себя улыбнуться, будто все в порядке. По правде говоря, у меня очень дурное предчувствие. Я смотрю на Харлоу и этих двух охотников, и оба они сжимают в руках свои копья, будто могут противостоять этим инопланетянам.

Их просто-напросто перебьют, как баранов на бойне. Я не могу этого допустить.

Я подхожу к Харлоу и обнимаю ее. Она, кажется, удивлена этим моим спонтанным жестом, и ее руки медленно меня обнимают.

— Что бы ни случилось, оставайтесь внутри этого корабля, — говорю я ей тихим шепотом. — Если я не вернусь, проследи, чтобы Аехако с Хэйденом вернулись в пещеры, ладно? Им нельзя идти за мной, — я отступаю и улыбаюсь ей, делая вид, что ничего плохого не происходит.

Широко распахнув глаза, она кивает мне головой.

Я снова перекидываю через плечо свою лазерную пушку и подхожу к двери. Я глубоко вздыхаю и вот тогда, украдкой озираясь вокруг, сую маленький пакетик в рот, втиснув его между деснами и зубами. Никто не догадается, что он там, и я почти не чувствую его у себя во рту. Отлично.

— Компьютер, пожалуйста, дай мне визуальную картинку инопланетян.

Панель на стене с моей стороны загорается и отображает заснеженную пустыню снаружи. Вот только, вместо того, чтобы оказаться безлюдной, вдали видны три фигуры, двигающиеся в этом направлении. У двоих из них округлые, жгуче-оранжевые головы, которые, как я помню, имеют жесткую, покрытую галькой кожу. Тот, что посередине, меньше ростом и тощий, как жердь.

Один из маленьких зеленых человечков в сопровождении своих телохранителей.

Я должна их остановить, прежде чем они подойдут еще ближе.

— Открой дверь, — говорю я решительным голосом, а потом оглядываюсь назад, на троицу позади меня. — Чтобы ни случилось, оставайтесь внутри, ясно?

— Это чистое безумие, — рычит Хэйден, сжимая свое копье.

Аехако кладет руку ему на грудь.

— Пусть она это сделает.

Дверь открывается, и, оглянувшись, я бросаю последний взгляд на широкое, синее лицо Аехако, прежде чем выхожу наружу. Воздух бодрящий, а ветра не сильные. По иронии судьбы на Не-Хоте сегодня изумительный день. Не назревает никаких снежных бурь, и я могу видеть вдаль достаточно далеко, чтобы заметить выражения на лицах инопланетян, как только они видят меня.

Я поднимаю свое лазерное орудие, нацеливаюсь, и стреляю им под ноги.

— Стойте, где стоите, — кричу я на языке сззт. Я не в силах воспроизвести звуки, похожие на птичье чириканье маленьких зеленых человечков, но на втором языке я могу

говорить вполне неплохо. — Все наше оружие наведено прямо на вас, и мы готовы стрелять.

Немного блефа что-то испортить уже не может. Осталось надеяться, что они купятся на это. Если они этого не сделают, что ж, тогда мне конец.

Они останавливаются, и я вижу, как худой зеленый инопланетянин размахивает руками остальным.

— Оружие на землю, — приказываю я.

Они не подчиняются. Но они продолжают оставаться на месте. Пару минут они совещаются, после чего один из баскетбольных голов выкрикивает:

— Зачем вам стрелять?

— Потому что я знаю, зачем вы здесь, — кричу я в ответ. — Вы хотите вернуть свой груз, но мы не вернемся назад, — я продолжаю держать свою лазерную пушку, направленную на них.

Опять совещаются. А потом...

— С вами будут очень хорошо обращаться, если вы вернетесь обратно с нами, — переводит баскетбольная голова.

Чушь собачья. Я знаю, что они полны дерьяма.

— Вы не можете забрать нас с этой планеты. Мы инфицированы местными симбионтами и умрем, если их из нас удалить. В общем, ваш груз пропал.

— Где девушки, которые находились в камерах стазиса?

Приятно осознавать, что мы важны для них.

— Ушли. Тоже заражены.

Еще больше приглушенных шепотов. А потом начинает говорить инопланетный охранник, и, судя по тону его голоса, он в гневе.

— Мои хозяева выложили кучу денег, нам нечего им предъявить. Вы уничтожили их собственность.

Я аж задыхаюсь.

— Собственность? Они не собственность. Они — люди! Вы не можете их просто так забрать против их воли!

— А как насчет шкур животных, которые ты носишь? — инопланетянин рычит на меня. — Ты спрашивала у них разрешение?

— Это разные вещи, — у меня неприятное предчувствие, что проигрываю этот спор.

— Поставка, которую мои хозяева разместили здесь на хранение, была у них похищена, — повторяет он вновь. — Они уже выложили много денег, к тому же полно клиентов, заждавшихся своей покупки. Мои хозяева связаны честью вернуть свою собственность, чтобы продать им этот товар.

Я крепче сжимаю лазерную пушку, так как меня пронзает дурное предчувствие. Инопланетяне уставились на меня черными, расчетливыми глазами. Я замечаю, что один из оранжевых продолжает присматриваться к моему оружию.

— Ваш корабль очень старый, — комментирует он. Он делает шаг вперед, небрежно держа в руке свое собственное оружие.

— Стой, или я буду стрелять! — заявляю я ему колеблющимся голосом.

— Думаю, ты лжешь, — заявляет тот же охранник, по-прежнему приближаясь. Остальные двое инопланетян с оружием в руках равнодушно наблюдают за ним. —

Думаю, ваш корабль не вооружен. Пожалуй, мы заберем тебя, ну а потом ты отведешь нас к остальным.

— Вы не можете! Нас уже нельзя увезти с этой планеты, — говорю я отчаянно. — Посмотрите на мои глаза! Наши симбионты...

— Ты лжешь, — говорит он и делает огромный рывок вперед.

Я снова поднимаю свою лазерную пушку, чтобы выстрелить, поскольку инопланетянин вдалеке поднимает свое оружие. Что-то горячее обжигает мне руку, и пистолет вылетает из моей руки. Мощным ударом меня отбрасывает на землю, выбив воздух из моих легких.

— Кайра, — ревет Аехако позади меня, и я слышу звуки стремительных шагов, врезающихся в снег.

— Нет, — я отчаянно кричу, когда один из инопланетян пинком отшвыривает мое оружие. Он наступает на мою травмированную руку, придавливая меня к земле. Пораженная ужасом, я наблюдаю, как он поднимает свое оружие и выстреливает, и я слышу два крика, полные боли. — Нет! Аехако! — игнорируя мучительную боль в руке, я извиваюсь как змея, чтобы посмотреть.

Двое мужчин распростертыми лежат на земле. Хэйден лежит в луже крови, а его кожаная туника дымиться. Аехако лежит лицом вниз и не двигается.

Моя грудь сжимается от агонии.

— Аехако! Нет!

Птичеподобный маленький зеленый человечек щебечет вопрос:

— Они мертвы?

Один из инопланетян наклоняет голову, а я, смотря на все это, замечаю, что Аехако, поднимая локоть, резко толкается, пытаясь подняться с земли. Харлоу нигде не видно. Я чувствую облегчение. Она прячется на корабле, как я ей велела.

— Еще живы, — говорит охранник и снова поднимает пистолет. — Сейчас я это исправлю.

— Нет, подожди! — кричу я на инопланетном языке. — Я пойду с вами. Я отведу вас к остальным! Только не трогайте их!

Охранник опускает пистолет и смотрит на своего хозяина.

Раздается раздраженный щебет.

— Они не имеют значения. Просто забери ее.

Сапог поднимается с моей руки, и сильная рука отрывает меня от земли.

AEXAKO

Я пытаюсь оставаться в сознании, когда на меня волна за волной накатывает боль. Захватчики действовали так быстро. Я едва видел, как они поднимают свое странное оружие, прежде чем мы с Хэйденом был сбиты с ног на землю. Я слышу мучительный крик Кайры и ее неистовую тарабарщину на странном языке.

Потом тишина. Я пытаюсь сесть, но мое тело не подчиняется. Это похоже на невидимую глазу сеть, наброшенную на меня. Чернота, против которой я борюсь, невероятно тяжело завладевает мной.

Лишь одна мысль крутится у меня в голове, даже когда я уступаю: *они похитили мою пару.*

— Аехако? — маленькая, холодная ручка хлопает меня по щеке. — Очнись. Прошу тебя.

Боль жжет мне бок. Я все еще лежу в снегу лицом вниз, и все мое тело болит, как будто я выпил три кожаных мешка сах-сах. С трудом я отталкиваюсь от земли и перекатываюсь на спину, прищуриваясь от вечернего солнечного света.

В поле моего зрения плавает лицо. Бледное, веснушчатое, с копной ярко-оранжево-рыжих волос. Не Кайры. Я изо всех сил пытаюсь сесть, а ее слабые человеческие руки пытаются помочь.

— Как ты? — спрашивает она дрожащим голосом.

— Еще не умер, — со стоном издаю я, хотя мои ребра могли бы возразить этому. Я провожу рукой вниз по своему боку, и боль снова пронзает меня. Пронзен одним из их странного оружия, но не смертельно. Рана болит и кровоточит, но меня не прикончит. — Где Кайра?

Глаза девушки наполняются слезами, и она сильно шмыгает носом.

— Ее здесь больше нет. Они похитили ее.

Мучительные страдания сдавливают мою грудь. *Нет. Только не Кайру.* Не мою нежную пару с печальными глазами. Я беспомощен и в то же время переполнен гневом.

— Я должен спасти ее.

— Твой друг... дела у него плохи.

Я озираюсь вокруг. В одной стороне лежит тело Хэйдена. Под ним расплылось темно-красное пятно, от чего моя грудь сжимается новым поводом для тревог.

— Он...

— Он дышит, но мне никак не удается заставить его очнуться, а нести его я не могу, — она заламывает руки. — Я просто не знаю, что делать. Кайра велела мне вернуть вас обоих обратно в пещеру...

— Она, что? — приложив огромные усилия, от чего очередная волна боли разливается по всему моему телу, я встаю на ноги.

Рыжеволосая девушка — Харлоу — снова заламывая свои руки, расхаживает взад и вперед.

— Она велела мне, в случае, если они ее схватят, отвезти вас обратно в пещеру, чтобы вы были в безопасности. Она не хочет, чтобы кто-нибудь отправлялся за ней.

— Она — моя пара! — взрываюсь я ревом. Я не откажусь от нее. Вот только возьму свое копье и отправлюсь за их кораблем, а потом потребую...

— У них же оружие! — кричит Харлоу. — А Хэйден умирает!

Хэйден. Мой давний друг. Мой самый верный друг. Зажимая свою рану и шатаясь, я волочу ноги в его сторону и перекатываю его на спину. Его грудная клетка едва поднимается в слабом дыхании, а в животе у него зияет рана, через которую я могу видеть его внутренности, и там все залито кровью.

Его нужно доставить обратно к целителю и незамедлительно, либо он умрет.

Не знаю, как быть. Я должен следовать за своей парой, но одно ясно абсолютно точно: если я уйду, Хэйден умрет. Издав рык бессильной ярости, я поворачиваюсь к Харлоу.

— Почему ты все еще тут стоишь?

— Я просто не знаю, что делать!

— Найди что-нибудь, чем перевязать его рану! Быстро! Или достань шесты для волокушки! — с волокушей, может быть, даже Харлоу сможет доставить его обратно в пещеры. Я хватаю ее за руку, прежде чем она успевает умчаться прочь. — Я должен отправиться за Кайрой. Ты сможешь доставить его обратно в племенные пещеры, если я сделаю тебе волокушу?

У нее лицо совсем побледневшее, но вместе с тем и решительное. Она кивает головой.

— Укажи мне путь, и я сделаю это.

У меня сердце уходит в пятки. *Она не знает путь к пещерам*. Одна легкая метель, один раз не туда свернуть, и она затащит Хэйдена в дикую местность, где он умрет. Я прижимаю руку ко лбу. Зловоние крови разнеслось повсюду. Мы должны что-нибудь предпринять и сделать это быстро, или на этот запах заявятся хищники выяснять, что к чему.

Я... не могу уйти за Кайрой. Не могу, если это означает, что я должен этих двух беспомощных оставить умирать. Я закрываю глаза. *Прошу прощения, моя пара. Я приду за тобой, как только смогу*.

И тогда я поворачиваюсь к Харлоу.

— Возьми нож и в тех деревцах срежь два шеста для волокушки. А я найду что-нибудь, чем перевязать рану Хэйдена.

— А как насчет корабля? Мы можем использовать его...

Я трясу головой. Ему доверять нельзя.

— Мы доставим его к целителю. Поторопись.

Она кивает головой и мчится прочь.

КАЙРА

Один из баскетбольных голов шипит на меня, подталкивая к рампе инопланетного корабля.

— Давай быстрее.

— Я иду так быстро, как могу, — бормочу я. Вообще-то, это не совсем правда. Я намеренно волочу ноги. Мне не хочется подниматься на этот корабль. Мне хочется сбежать в горы, но я должна быть храброй. Я знаю, к чему все идет, раз нам не удалось их отпугнуть.

И у меня есть «план Б», суть которого все еще надежно спрятана у меня во рту между деснами и щекой.

Я все еще в ужасе.

Я больше ничего не контролирую. Эти существа с такой же легкостью забрали бы мое мертвое тело, нежели вернут меня назад живой. И я не знаю, жив Аехако или мертв.

Сейчас я даже думать об этом не могу. Если я это сделаю, то впаду в полное отчаяние. Я должна думать о своем плане.

Они затащивают меня внутрь трюма корабля, несмотря на мои намеренно медленные шаги. Вместо того, чтобы швырнуть меня в дополнительный трюм, как в

прошлый раз, меня забирают в стерильную белую комнату и бросают на узкий белый смотровой стол. *O, Господи. Она похожа на операционную.*

Охранник, который тащил меня как свою личную заложницу, нависает надо мной, тыкая своим оружием. Через несколько мгновений открывается дверь, и внутрь входит еще один из маленьких зеленых человечков. Когда он говорит, то у его голоса совсем другой тембр, чем у других.

— Это и есть то самое, которое инфицировано, как было упомянуто?

Он наклоняет ко мне свою голову, с любопытством меня разглядывая.

— Да, — заявляет охранник на своем рычащем языке.

Я пытаюсь прочирикать ему в ответ, чтобы дать ему знать, что я понимаю его слова.

Он снова наклоняет голову.

— Оно что, говорить пытается?

— Оно же глупое, — говорит охранник, шлепнув меня по руке прикладом своего оружия. — Хочешь, чтобы я убил это существо?

— Я не инфицирована, — заявляю я на гортанном языке сэзт. — У меня симбионт. Существо, живущее внутри меня. Но его нельзя удалить, не убив его хозяина.

— Паразит? Ка-ак же любопытно. Вот интересно, можно ли его как-то удалить. Мне хочется его изучить и посмотреть, как долго он может выжить в искусственной среде, если это вообще возможно.

Им хочется меня убить только ради того, чтобы увидеть, что произойдет? Эти парни — ублюдки, как сказала бы Лиз.

— Вы не можете этого сделать, — говорю я быстро. Когда они продолжают просто пялилься на меня, я пытаюсь найти логическое объяснение тому, почему они не могут этого сделать. — Я нужнее живая, чем мертвая.

Маленький зеленый человечек наклоняет голову, а затем протягивает руку, чтобы коснуться моего уха. Даже не смотря на то, что мне так и хочется шлепнуть его по руке, мне приходится заставлять себя не реагировать.

— Это — то существо, которому мы внедрили переводчик, да? Его слуховая система отмечена соответствующей маркировкой, но должен признаться, что для меня все эти существа выглядят одинаково.

— У меня был переводчик, — говорю я ему.

— Куда он делся?

— На том корабле мне его удалили.

— На том корабле, что на поверхности? — существо снова наклоняет голову. Если бы не тот факт, что моя жизнь была в опасности, все эти наклоны головой представляли бы собой довольно прикольное зрелище. — Он не функционирует.

— Он еще не полностью вышел из строя. Он не летает, но у меня есть секретный код, — я блефую. — Я знаю коды доступа к компьютерам. Я могу отдать вам корабль, если вы вернете меня на поверхность и никогда больше не вернетесь за мной и остальными женщинами.

Существо снова и снова издает звуки чириканья, и каким-то образом я знаю, что он смеется.

— Зачем мне нужен старый корабль, который не летает?

— Вы можете взять его на буксир, — говорю я ему, глядя в гигантские черные глаза инопланетянина, и, как я надеюсь, выглядя вполне уверенно. — Думаю, что вы нашли бы

способ сделать это. И люди всегда готовы платить хорошие деньги за..., — я изо всех сил пытаюсь подобрать инопланетное слово для «антиквариата» и довольствуюсь — ...очень старые и особые вещи. На том корабле много ценного оборудования, плюс все ценности, которые оставлены его пассажирами, когда он приземлился здесь несколько сотен лет тому назад.

Инопланетяне обмениваются взглядами.

— Мы можем просто забрать его вместе с тобой, — говорит первый инопланетянин.

— Мы проверим все из того, о чем ты заявляешь.

— Но если вы заберете меня отсюда, я умру. Мое мертвое тело для вас практически бесполезно. Ваши наниматели за мертвую девушку не заплатят столько, сколько за живую. Знаю, что это так.

Я этого не знаю. Просто подозреваю.

Черные глаза маленького зеленого человечка медленно моргают.

— Мы обсудим это.

Я озираюсь вокруг и смотрю на все эти компьютеры, мигающие на стене.

— Здорово. Вы хотите, чтобы я просто лежала здесь и ждала?

— Запри ее в одну из камер изолятора.

Охранник жесткой рукой хватает меня, его грубая кожа обдирает кожу моей руки. Я сопротивляюсь ему, но это просто притворство. Это именно то, что, как я думаю, они ждут, что я стану делать. На самом же деле та клетка в моих планах сработает так же хорошо, как любое другое место. Поэтому я сопротивляюсь и дерусь с охранником, когда он волочит меня вниз по одному из узких, металлических коридоров инопланетного корабля и бросает меня в темный трюм. На этот раз нет клетки, а нечто похожее на склад. Отлично. Возле стены я сползаю на пол и сжимаюсь клубочком, изо всех сил стараясь выглядеть испуганной. Правда, это не так уж и трудно, потому что мне страшно до безумия, но в то же время я напряженно думаю.

Охранник смотрит на меня сверху вниз и кривит свои толстые губы. Он говорит что-то, на что у меня нет перевода, но что, скорее всего, являются оскорблениеми, и хлопает по панели на внешней стене. Дверь закрывается, и я остаюсь одна в полной темноте.

От возрастающей паники у меня сердце в пятки уходит. Приходится напоминать себе, что это отличные новости. Это то, чего я хочу. Мне необходимо побывать одной.

О, Боже, мне нужно это, чтобы все сработало.

Я пробегаю языком вдоль своих десен в поисках маленького пакетика, который я засунула туда, и который до сих пор там. Я вытаскиваю его и протираю о свою тунику, чтобы просушить его, затем зажимаю между губ, чтобы был при мне, пока веду поиск воздушных фильтров в эту комнату.

На корабле старейшин я заметила, что там были вентиляционные шахты, похожие на те, что были в моей бывшей квартире на Земле. Это заставило меня задуматься о стратегии и о том, что я могу использовать в борьбе с Маленькими зелеными человечками. У них больше технических средств, чем у меня. У них есть оружие, и они превосходят количеством, поэтому я должна действовать подло ... и бесстрашно.

Я нахожу вентиляционное отверстие возле края пола и царапаю его ногтями, пока не нахожу то, что похоже на какое-то крепление, а затем срываю его. Я обдираю несколько ногтей, но это — не такая уж высокая цена. Дрожащими руками я удаляю тонкий слой пластика с пакетика и извлекаю половину содержания.

Первая часть — это компьютерная деталь, очень похожая на USB-карту памяти, которая позволит кораблю старейшин получить доступ к этому кораблю, если я смогу найти совместимое отверстие для считывания, чтобы подключить его.

Вторая часть — небольшой квадратик от фильтра, который я вытащила из корабля старейшин. После сотен лет пребывания в этой атмосфере, он наполнен концентрированным налиумом (*прим: налиум — вымышленный элемент*). Я знаю, что в атмосфере Не-Хота есть элемент, который делает для людей невозможным долго выживать. В атмосфере есть эти микроэлементы, и в течение недели мы поддались болезни, наши тела ослабели, а разум у нас дезориентировался. Наш кхай адаптирует нас и позволяет нам жить на этой планете. Разумеется, на планете воздух содержит лишь незначительное количество налиума. Однако спустя сотни лет фильтры корабля переполнены этим элементом. И если я добавляю его в подачу воздуха в моем помещении, надеюсь, он отравит мою охрану.

Компьютер заверил меня, что крошечного количества, которое я погружу в систему фильтрации воздуха, достаточно, чтобы добиться этого, но в то же время компьютеру триста (с хвостиком) лет. Он может ошибаться. Этот корабль может быть более самонадеянным, чем я полагаю.

Миллион вещей может пойти не так и случиться, что угодно. Я могу лишь скрестить пальцы.

Я заменяю крышку фильтра и принююсь к воздуху. Я не чувствую никаких запахов. Воздух на вкус не кажется странным. Я понятия не имею, идет ли все как нужно или нет, и яд просачивается в воздух моей маленькой камеры или по всему кораблю.

Я сворачиваюсь у стены и жду.

Через несколько часов я уже на грани помешательства от беспокойства. Нет никаких кардинальных изменений в воздухе, о которых я могу судить, и все, что у меня осталось в запасе, — это маленькая компьютерная деталь, которую я должна каким-то образом подключить к тому компьютеру, что на триста лет моложе.

Это самый тупой план из всех планов на свете.

Отчаяние уже начинает полностью сокрушать меня. Я закрываю на это глаза, поскольку никакого «плана С» нет. Этот план сработает. Должен сработать.

У меня перед глазами проносится мысленный образ упавшего тела Аехако, и я сжимаю кулаки, будучи переполненной решимости не плакать. *Он не умер. Не он.*

Я бы почувствовала, если б он умер, разве нет? Однако мы не соединены кхаем. Мы с ним связаны лишь единением сердец, умов и собственного выбора. У нас с ним нет той более глубокой связи. И никогда не будет, потому что мое тело...

Кто-то возится с замком на двери.

Я резко вскакиваю на ноги, и мои одеревеневшие мышцы от этого начинают ныть. Мое тело мгновенно приходит в состояние боевой готовности, а сердце в груди начинает бешено колотиться. Они все-таки решили принять мое предложение? Разбитый корабль за нашу свободу?

Но опять же, что в силах помешать им забрать и тот корабль, и нас? Или, забрав корабль, на другой день после этого вернуться обратно и заманить нас в ловушку? Если

они рабовладельцы, не похоже, что они были бы, по крайней мере, добропорядочными людьми. Им нельзя доверять.

Дверь открывается, и внутрь входит охранник.

Нет, он заходит пошатываясь. Он спотыкается, но ему удается удержаться, и он поднимает оружие.

— Иди сюда, — говорит он. Его слова звучат невнятно.

Мои ладони взлетают к моим губам.

O, Боже!

Это сработало. Он заболел. У меня из-за моего кхай к этой болезни иммунитет, но она воздействует на охранника. Быть может, она поразит их всех.

Цветок надежды, как солнечные лучи, расцветает в моей груди.

Я встаю на ноги. Он снова, спотыкаясь, подается вперед, и я стрелой мчусь ему за спину. Нетвердо стоя на ногах, он поворачивается, и я лягаю его ногой по колену сзади. Охранник падает на живот, а оружие с грохотом ударяется об пол. Я хватаю его и перебегаю на другую сторону моей камеры. Здесь есть местечко, как и на моей лазерной пушке, куда надо класть руку, и я прицеливаюсь на своего врага и стреляю, прежде чем успеваю задуматься на этот счет.

Оружие выстреливает, прозвучав, как гром среди ясного неба, и выбрасывая вспышку молнии словно жидкий огонь. Выстрел прорезает, как масло, голову охранника, и тот стремительно падает на пол, мертвый.

У меня перехватывает горло и раздуваются ноздри, когда острые вонь обугленной плоти насыщает комнату. Я сделала это. Я убила его. Мне даже не жаль. Этим монстрам наплевать, умру я или буду жить, поэтому я не намерена тратить ни минуты на сожаления.

Сжимая оружие, я переступаю через тело и направляюсь к двери. Она снова закрыта, и никакие шлепки моей ладонью по панели не открывают ее. *Дерьмо*. Этого я не учла в своем плане.

Я поворачиваюсь и оглядываюсь на погибшего охранника. Его рука раскинута в сторону, грубой ладонью вниз. *O, Господи*. Тяжело сглотнув, я блокирую пушку у себя под мышкой, прицеливаюсь и снова стреляю.

Отстреленная ладонь пролетает через всю камеру.

Тьфу.

Тяжело сглотнув, я направляюсь, чтобы подобрать ее, а потом аккуратно прикладываю ее к панели. Мгновение спустя дверь открывается, и я выхожу в коридор.

Я на один шаг ближе к свободе. «*У тебя все получится, Кайра*, — уверяю я себя. — *Просто отыщи капитанский мостик, найди место, где можно удаленно соединить между собой оба компьютера, и будешь в шоколаде*».

На одной стороне этого узкого коридора две двери, и одна дверь в самом конце. Я понятия не имею, куда направляюсь, и это означает, что я проверяю все двери. Я очень тихо подхожу к первой из них, прикладываю ладонь мертвого парня к панели и поднимаю свое оружие, приготовившись стрелять, как только дверь откроется.

Это — небольшое помещение, похожее на кладовую. Да, кто бы сомневался.

Вздохнув чуть полегче, я поднимаю свой пропуск в виде ладони и перехожу к следующей двери. Эта дверь ведет в грузовой отсек, который заставляет меня содрогнуться от дурных воспоминаний. Он слишком сильно напоминает о моем пребывании здесь в первый раз.

А еще он странным образом пустой. От этого мне становится как-то не по себе. Куда делись все инопланетяне?

Дверь в конце коридора приводит в еще один, Т-образный, коридор. Я сразу же направляюсь поперек, а не вперед, потому что хочу свести на нет все возможные засады. Последнее, чего я хочу, — подобраться столь близко к свободе только ради того, чтобы ее у меня отняли, поскольку была недостаточно осторожна. Так что я исследую другие отделения корабля. Еще я нахожу медицинский отсек и сопротивляюсь искушению воспользоваться своим оружием как огнеметом, чтобы сжечь тут все дотла.

Я даже нахожу распластанный на полу труп одного из маленьких зеленых человечков. Мой яд оказался даже лучше, чем я ожидала. Я подавляю терзающий приступ скорби, которую я чувствую из-за их убийства. Им даже дважды в голову не приходило подумать обо мне, и они не заслуживают моей жалости.

Двумя этажами выше я нахожу помещение с четырьмя маленькими, странными дверцами, выстроеными в ряд. Они округлые, прямо как пузыри в стене, и я ума не приложу, что это такое. Я прикладываю отстреленную ладонь к одной из панелей рядом с пузырем и спрашиваю на языке сэзт.

— Компьютер, можешь открыть дверь одного из этих? Для чего они?

— Двери перед вами — единицы для использования в экстремных ситуациях.

— Спасательные капсулы?

— Увердительно, это альтернативные способы эвакуации. Привести для вас одну из них в готовность? — компьютерный голос звучит так же приятно, как и тот, что на поверхности, несмотря на гортанное произношение языка, когда говорю.

Тут меня посещает дикая идея.

— Подготовь их все, — панели сразу загораются, после чего вспыхивает зеленый свет. — Как мне управлять ими?

— Единицей можно управлять с помощью внутренней панели. Кроме того, вы можете управлять удаленно с помощью панели управления, что на стене позади вас.

Я поворачиваюсь к стене, и, конечно же, там мигают схематические изображения четырех капсул. Поперек экрана начинают мигать текстовые сообщения, указание на проверку различных имеющихся систем.

— На какую кнопку мне нажимать, чтобы запустить их?

Компьютер дает мне инструкции, и отстреленной ладонью охранника я нажимаю соответствующую последовательность. Рядом с одной из панелей дверца запирается, и я смотрю, как та движется в обратном направлении вниз по тоннелю, а потом выстреливает в атмосферу. Из того места, где находилась капсула, проникает поток солнечного света и далеко внизу я вижу снег и горы.

Я тут же запускаю еще две спасательные капсулы, пока остается лишь одна. Затем я хватаю свою ладонь и пушку и отправляюсь разбираться, как захватить весь остальной корабль.

Мой кругой захват корабля, в конце концов, заканчивается не так уж хреново. Когда я нахожу капитанский мостик, все инопланетяне либо без сознания, либо мертвые. На полу, раскинувшись, лежат трое маленьких зеленых человечка и еще два охранника, и

несмотря на то, что они — враги, я не нахожу в себе уверенности приставить дуло им к вискам и хладнокровно их застрелить. Поэтому я осторожно их обхожу стороной и пытаюсь разобраться, как подключить микросхему, которую я тайком пронесла на борт.

Впрочем, ничего не выходит. Что бы я ни делала и сколько бы вопросов я не задавала, не могу понять, как подключить дурацкую микросхему, а компьютер сам по себе вроде бы пытается помочь.

В полном расстройстве, я с силой ударяю по пульту управления отстреленной ладонью, которая является моей ключ-картой для доступа к кораблю.

Мир наклоняется.

Мне удается удержаться на ногах, прежде чем шлепнуться на пол, и я бросаю тревожный взгляд на пульт управления. Куда я своим ударом нажала, что заставила корабль так двигаться? Посредством небольшого эксперимента я обнаруживаю, что одна из панелей чувствительна к касанию, и действует чем-то похожим на руль. Я наклоняю корабль, чтобы он двигался вниз, и потом выясняю, как заставить его ускориться, а не просто зависать в воздухе.

И тогда одним последним ударом по пульту управления я включаю ускорение на полную силу.

Корабль начинает кряхтеть и сдвигается с места, и я обращаю внимание, что он начинает набирать скорость. Поначалу он не особо-то подвижен, а потом медленно он начинает снижение, гибельным курсом направляясь прямо на одну из далеких горных вершин.

Как только это сделано, я достаю оружие и несусь что есть силы обратно к последней оставшейся спасательной капсуле. Я сажусь на сиденье, хотя слышу вой ветра, который обжигает кожу. Все это похоже на крушение самолета — за исключением того, что я все еще нахожусь в этом самом самолете. Я замыкаю панель вокруг себя, ненавидя ощущение, будто меня поймали в ловушку внутри лабораторной пробирки. Я прикладываю ладонь инопланетянина к панели.

— Отпускай! Быстрее! Быстрее!

— Куда хотите отправится? — спрашивает компьютер. — Пожалуйста, ваши исходные данные координат.

Как будто остались еще вопросы, куда я хочу отправиться.

— Отвези меня обратно на поверхность, — обратно к моей паре и моему новому народу.

— Пожалуйста, введите координаты или выберите ручное управление.

— Эээ... ну тогда, наверное, передай мне ручное управление.

С панели управления выбрасываются два рычага управления, и я хватаю их. В тот момент, когда я это делаю, капсула отсоединяется и отбрасывается назад на высокой скорости, а мои уши закладывает неисчислимое количество раз, когда спасательную капсулу выбрасывает в атмосферу, а затем капсула со мной выжидающе парит.

Я смотрю, как инопланетный корабль наклоняется еще больше, кренясь на один борт, когда он направляется прямо в гору. Меня пробирает дрожь, пока я жду столкновения. Кажется, что он двигается не очень-то быстро, но...

БУУУУУУМ.

Гора — и корабль — взрываются в огненном аду. Я испускаю тяжелый вздох, физически ощущив, как с моей души сваливается огромный груз. Эти инопланетяне больше нас не побеспокоят.

И, черт возьми! Я вроде как крута в том, чтобы валить плохих парней. Кто бы мог подумать, что маленькая, застенчивая Кайра способна на такое, не правда ли?

ХАРЛОУ

Мне нужны два шеста для волокуши. Хорошо. Я могу это сделать. Инструкции Аехако повторяются у меня в голове снова и снова. Сердце у меня в груди дико колотится, когда я бегу по снегу в поисках редких розовых, хрупких деревьев этой планеты. Кайры больше нет, а оба инопланетянина ранены. Им нужна моя помощь, и я не могу их подвести. Мои ноги погружаются в снег, но я тащусь вперед по сугробам, и когда вдали вижу деревья, то ускоряю ход.

У меня нож Хэйдена, так как он слишком тяжело ранен, чтобы им пользоваться. Как только я добираюсь до первого дерева, я прикасаюсь к коре и вздрагиваю, потому что оно ощущается губчатым и влажным, несмотря на мороз в воздухе.

Вообще не похоже на твердое, древесное дерево. Я не имею ни малейшего понятия, подойдет ли оно, но все-таки попробую. Встав на колени, я начинаю у основания рубить первое дерево. Нож с хлюпающим шумом погружается в него, и из него начинает хлестать сок, заливая снег. *Тьфу.* Я морщу нос, но продолжаю рубить дальше.

Рядом слышится хруст снега, и я встаю совершенно удивленная. Звучало так, будто это шаги.

— Эй? — я оглядываюсь и смотрю по сторонам. — Аехако?

Никого нет. Должно быть, воображение разыгралось. Или, может быть, это кролик. Или... каков бы ни был эквивалент кролика на этой планете. Но я не могу быть глупой трусишкой и сходить с ума при каждом малейшем звуке. Я возвращаюсь к дереву и продолжаю его рубить.

Я снова слышу хруст снега, а через мгновение — сильный стук. Нет, это не совсем стук, это... мурлыканье? Что на Земле...

Что-то ударяет меня по затылку, и я падаю вперед, погружаясь во тьму.

Но даже туда за мной следует мурлыканье.

АЕХАКО

Харлоу нигде нет. Будь проклят этот человек за то, что бросила нас.

Я укладываю бессознательного Хэйдена на самодельную волокушу, когда над головой раздается ревущий звук. Я поднимаю глаза и смотрю, как на горизонте вырисовывается черное пятно инопланетного корабля. У меня в груди начинает бешено колотиться сердце, в то время как я наблюдаю, как он медленно ползет по небу. *Он улетает? Забрав с собой мою Кайру?* Беспомощный страх сжигает меня изнутри.

Странной формы летающий корабль, кажется, наклоняется на бок, продолжая свой медленный спуск. Он пролетает над головой, и я поворачиваюсь, вот тогда-то я понимаю, что он направляется прямо в стену ближайшей горы.

— Нет!

Мой хриплый крик эхом отзывается по одиноким, заснеженным равнинам. Но он не останавливает инопланетный корабль на полном ходу летящий навстречу скалам, ни катастрофу и ни последующий огненный взрыв.

— КАЙРА! — в глубоком отчаянии я падаю на колени.

Нет. Моя пара. Моя сладкая пара с печальными глазами. Боль утраты не похожа ни на что, что я когда-либо раньше чувствовал. Я всегда был счастливчиком, родившимся в большой, любящей семье. Мы уцелели, когда много лет назад кхай-болезнь нанесла ощутимый вред пещерам. Я никогда не терял кого-то, кого любил так сильно, как Кайру.

Сама мысль о том, чтобы продолжать жить без нее, в голове не укладывается.

Я падаю на живот и прижимаю кулаки к ледяному снегу, пытаясь сдержать свою ярость и горе. Хэйден нуждается в моей помощи, хотя мне ничего не хочется сильней, чем разыскать те черные, дымящиеся угли корабля и найти следы моей сладкой Кайры. Ей было страшно, когда она умирала? Больно? Отчаянные рыдания подступают к моему горлу и прорываются наружу.

Она заслуживала лучшего, чем это.

Отрешенным взглядом я смотрю на бессознательное тело Хэйдена. Было бы очень легко просто перекатиться на спину и дождаться, когда наступит мой собственный конец. Отречься от жизни и соединиться с моей Кайрой в смерти. Но здесь Хэйден, а ему нужен целитель, и на мгновение я чувствую волну уродливой обиды на моего раненого друга за то, что он не дает мне с ней соединиться.

Но это ведь не означает, что я не могу о ней скорбеть.

Я сажусь на kortочки, не обращая внимания на колющую боль моей раны. Я сжимаю в кулаке горсть снега и начинаю петь одну из траурных песен для моей единственной пары. У меня нет пепла, чтобы осипать мои рога, так что я допускаю, что по моему лбу ручейками струится снег, и я отдаю моей погибшей паре тоуважение, которое она заслуживает. Когда Хэйден будет в безопасности, я устрою церемонию получше. Я сделаю моим рогам надлежащие надрезы, намажу пеплом лоб и еще раз пропою песни нашей любви, прежде чем продолжу жить без нее.

Если я смогу продолжить жить без нее.

Но сейчас сама мысль об этом кажется до невозможности мучительной.

Ясыплю еще несколько горстей снега себе на лоб и рога, а мои скорбные песнопения становятся все громче и громче. Я так потерялся в своем горе, что не слышу шума вокруг себя до тех пор, пока у меня над головой не пролетает тень. И тут я понимаю, что воздух раскалывает мощное жужжание, гул, который мало чем отличается от гула пещеры старейшин.

Я протираю от снега глаза и вижу, как неподалеку в снег аккуратно приземляется капсула того же темного цвета, что и инопланетный корабль, но значительно меньше. Слышится какой-то свист воздуха, а затем как будто разбивается скорлупа яйца и открывается люк. Что-то тут же выбрасывается прямо в снег, и мне в нос ударяет резкий запах крови и сажи.

Это... похоже на отрубленную ладонь. Оранжевую, инопланетную ладонь.

И тогда из капсулы вываливается маленькая фигурка и приземляется лицом вперед, прямо в снег. Это — человек с каштановыми волосами, в грязной, рваной кожаной одежде и с самыми красивыми глазами, которые я когда-либо видел.

— Аехако, — выдыхает Кайра.

— Моя пара, — рычу я, резко вскакивая на ноги. Я забываю о своей ране. Я забываю о траурных обрядах. Я забываю о Хэйдене, лежащем рядом без сознания. Для меня главное то, что моя Кайра — моя красивая, нежная человеческая Кайра — прямо передо мной, живая и невредимая. Шатаясь, я иду к ней и заключаю в свои объятия, прижимая ее к себе настолько крепко, что опасаюсь, что раздавлю ее.

Несмотря на это, я не могу отпустить ее. Я больше глаз с нее не спущу.

— Аехако, — она снова всхлипывает, и ее голос полон смеха и радости, наряду со слезами. Ее руки, обнимающие меня за шею — самые красивейшие из всех, что мне довелось видеть за всю свою жизнь, а когда она хватает меня за лицо и начинает осыпать мои губы сладкими поцелуйчиками, я чуть ли не взрываюсь изнутри переполненный радости.

— Кайра! Кайра! Моя пара! Но как такое возможно? — мои пальцы погружаются в ее волосы, и прежде чем она успевает мне ответить, я завладеваю ею грубо-вым поцелуем, и мой язык устремляется к ее. Необходимость заклеймить ее как мою, забрать себе, прежде чем ее снова украдут у меня, переполняет меня. Мне хочется поглотить ее целиком, если только таким образом нас с ней уже ничто больше не разлучит. Требуется каждая унция моих сил, чтобы перестать ее целовать настолько долго, чтобы она могла перевести дух, а когда Кайра поднимает на меня глаза оглушенным, голодным взглядом, отражающимся на ее лице, я целую ее снова и снова.

Теперь, когда она вернулась в мои объятия, я буду спариваться с ней устами днями напролет. Ни одна часть тела Кайры не спасется от моего голодного языка. Я буду поклоняться каждой ее частичке.

Ее запыхавшиеся стоны совершенно опьяняющие, и мне хочется сорвать свою набедренную повязку и толкнуться своим пульсирующим членом в ее радушное влагалище. Я впечатываю ее спиной в снег и слышу, как она приглушенно ахает.

— Аехако, я чувствую запах крови...

— Это — ерунда, моя пара, — говорю я ей между свирепыми поцелуями. — Позволь моему языку спарится с твоим ротиком, прежде чем спариться с тобой моим членом.

Она бьет меня по плечу, и мгновение спустя ее до предела возмущенные хрипы эхом отзываются в моем ухе.

— Аехако! Ты истекаешь кровью!

Я вздыхаю и попросту крепко ее обнимаю, прижимая к себе, в то время как ее руки неистово скользят по моей груди. Был ли мужчина ша-ххай когда-либо столь счастливым? Я ласкаю мягкие волосы Кайры и вдыхаю ее аромат. Ничто другое для меня больше не имеет значения, за исключением того, что моя пара жива.

— Ты ранен! — ее неожиданный крик отдается визгом у меня в ушах. — Аехако, прекрати! Дай мне осмотреть тебя!

Я не могу перестать улыбаться, не могу перестать прикасаться к ней.

— Плевать на мои раны, Печальные Глаза. Где ты была? Как тебе удалось сбежать?

— Мне не плевать на твои раны, — она суетится и беспокоится, преисполненная решимости позаботиться обо мне, и мне так нравится, когда маленькие ручки моей пары стягивают с меня одежду.

В этот момент я мог бы умереть счастливым.

Пока она снимает с меня тунику и перевязывает мою рану, она рассказывает, как сбежала с корабля. Ее глаза выражают тревогу, когда она надавливает на мою рану толстым куском кожи.

— Я убила их всех, Аехако. Мне даже не жаль. У меня все время крутится в голове, что могло бы произойти, вернись мы обратно с ними. Я не могла этого допустить.

— Ты защищала своих людей так же беспощадно, как любой вождь, — говорю я ей, лаская ее щеку. — Я горжусь тобой.

Горжусь и абсолютно вне себя от радости, что она выжила.

— Я все время повторяю себе, что, наверное, мне стоило больше стараться, чтобы договориться, — говорит она тихим голосом, забинтовывая мою грудь длинной полоской из разорванной одежды. — Возможно, они прислушались бы к доводам и оставили бы нас здесь. Но я не могла так рисковать.

Мне нечего сказать. Очевидно, что она справляется с этим по-своему. Все, что мне остается, — поддерживать и любить ее — две простые задачи.

— И мне просто казалось... — ее мысли обрываются, и она озирается вокруг, а потом ее взгляд возвращается ко мне. — А где Харлоу?

— Исчезла, — отвечаю я не в состоянии сдержаться, чтобы раздражение не просочилось в мой голос. — Бросила нас и сбежала, как трусишка.

Кайра хмурит брови.

— Не думаю, что Харлоу струсила. Хотелось бы мне знать, что с ней произошло?

— Она ушла, чтобы раздобыть шесты для волокуши, и так и не вернулась. Она пустилась наутек в поисках безопасного места, где укрыться от ваших инопланетян. Она слгупила и навлечет на себя смерть, и, вполне возможно, что и на Хэйдена, — я заставляю себя встать, пусть даже мне не хочется ничего сильней, чем оставаться здесь, сидя на снегу со своей парой, когда она суетится надо мной. — Мы должны доставить его к целителю и как можно скорее. Понятия не имею, продержится ли он еще одну ночь.

Кайра широко раскрывает глаза.

— Но Харлоу...

— Мы должны сделать выбор, — говорю я тихо. — Мы можем ждать здесь и надеяться, что она вернется, но Хэйден скорее всего умрет. Или можем оставить ее в руках судьбы и увезти Хэйдена, чтобы его исцелили.

Я оставляю выбор за ней. Не я должен сделать этот выбор, потому что я никогда не смогу предпочесть ветреную, ненадежную Харлоу мужчине, с которым вырос и которого я считаю братом.

Взгляд Кайры перемещается к волокуше, а потом обратно ко мне.

— Разумеется, мы не можем оставаться, — говорит она тихим от печали голосом. — Просто я думала... — она качает головой. — Думаю, это уже неважно. Бедная Харлоу. Надеюсь, однажды она придумает, как вернуться обратно в пещеры, — она встает на ноги, после чего прижимает руку к моим повязкам, как только я встаю. — Давай доставим Хэйдена обратно живым. Если он умрет, я не смогу себе этого простить.

— Тогда не дадим ему умереть, — заявляю я ей твердым голосом.

КАЙРА

Возвращение обратно в пещеры — сплошной ад. Я переживаю за Харлоу, которая бесследно пропала. Все-таки она такая скрытная, и я понятия не имею, все ли с ней в порядке, может действительно она просто скрывается, или же произошло что-то ужасное. Аехако ранен, а Хэйден на пороге смерти, так что нет времени ждать и следить за тем, вернется ли она. Мы погружаем Хэйдена на волокушу и тянем его по свежему и хрустящему снегу.

На этот раз погода на нашей стороне и держится хорошей, и, когда день переходит в ночь, небеса ясные, ни намека на снег. Мы не останавливаемся, даже когда солнце садится. Идем мы всю ночь, бесконечно тащимся обратно в племенные пещеры. Аехако слабее, чем пытается показывать; нуждаясь в отдыхе, ему приходится несколько раз останавливаться. Я забираю у него шесты волокуши и какое-то время тяну их, пытаясь помочь, хотя моя сила даже не наполовину такая, как у него. Правда, он меня целует в макушку и бормочет слова благодарности за мои усилия.

Это долгая ночь, полная отчаяния. Я справляюсь, просто сосредоточиваясь на том, чтобы продолжать ставить одну ногу впереди другой. Пока я вместе с Аехако это даже и не важно. Ничто не важно. Мне бы хотелось держаться с ним за руки, но когда он не тянет за шесты волокуши, их тяну я. Поэтому я просто засовываю руки в свой меховой плащ и мысленно представляю себе, какова будет наша жизнь, когда мы вернемся в пещеры.

Поскольку я переезжаю жить к Аехако. Он принадлежит мне, и я не намерена ждать, чтобы забрать его себе, несмотря на то резонируют наши кхай или нет.

Постепенно приходит рассвет. Мои ноги отяжелели и холодные, как лед, но как только мы останавливаемся, чтобы проверить Хэйдена, сразу видно, что Аехако беспокоится о нем. Ему и не надо ничего говорить; вполне очевидно, что Хэйден может не дотянуть до пещер. Я покрепче перевязываю его рану, снимаю свой меховой плащ и окутываю им бессознательное тело Хэйдена, а потом мы продолжаем путь.

Я уже совершенно оцепенела от усталости, когда слышу пронзительный крик. Он в чем-то похож на птицу. Я сразу же смотрю на Аехако, и его лицо прямо сияет от радости. Сложив ладони чашечкой, он прикладывает их ко рту и повторяет крик, добавляя в конце пронзительный «йи-йи-йи».

— Охотники, — говорит он мне. — Неподалеку Рбхощ. Они нам помогут.

— О, отлично, — выдыхаю я. Как раз сейчас я бы прокатилась на спине всю обратную дорогу до дома, если бы мне предложили.

— Вот, видишь? — говорит Аехако и указывает на холм. Два покрытых мехом тела бегом направляются к нам, один из них в снегоступах и в толстом меховом плаще, а другой одет в простую кожаную одежду и набедренную повязку. От его головы там, где должно быть два рога, изгибается вверх один единственный рог.

Конечно же, это Рбхощ и Лиз.

— Марко, — смеясь, призывает Лиз, как только они приближаются.

Мне так и хочется рассмеяться ее шутке, но я слишком устала. Я опираюсь на руку Аехако, пока мы их дожидаемся. Я могла бы уснуть стоя прямо сейчас. Вообще-то мне кажется, что я давно уже забыла, что такое сон.

— Йоу, подружка, тебе полагается сказать «Поло», — говорит Лиз, вприпрыжку направляясь к нам, прежде чем броситься обнимать меня. Но тут она щурит глаза, лишь

гляднув на мое бледное лицо и волокушу, а потом на Аехако. — В чем дело? Да что, черт возьми, произошло?

— Мы возвращались в пещеры, потому что увидели инопланетный корабль, — говорит Рбхощ мрачным голосом.

— Ага, но он снова улетел, так что я подумала, что все хорошо, — говорит Лиз.

— Он не улетел, — говорю я ей. — Я разбила его вдребезги о стену горы.

— На обратном пути все вам объясним, — прерывает Аехако. — Сначала мы должны доставить Хэйдена к целителю, пока не стало слишком поздно.

Рбхощ сужает глаза, подходит к волокуше и, сорвав вниз мой меховой плащ, раскрывает Хэйдена. Мгновение спустя он встает, возвращая обратно покрывала и забирает у Аехако шесты волокушки.

— Я довезу его. Оставайся с женщинами.

Аехако с благодарностью хлопает его по плечу, и мы смотрим, как Рбхощ, сорвавшись с места, вихрем уносится прочь, потянув позади себя волокушу со скоростью и мощью, заставляющие меня чувствовать себя измотанной, чтобы просто смотреть.

— Кайра, ты в порядке? — спрашивает Лиз. — Выглядишь так, будто сейчас свалишься в обморок.

— Все нормально, — уверяю ее, хотя я плетусь неуверенной походкой.

— Я бы с радостью понесла бы тебя, но мускулы у меня вроде как хилые, — говорит она, сгибая руку. Она приспосабливает свой лук, перекидывая его себе через спину. — Однако, я с радостью подставлю тебе плечо, на которое можно опереться, если тебе нужно.

— Нет необходимости, — прерывает Аехако и в следующий момент поднимает меня на руки.

— Ты же ранен, — я возражаю. — Тебе нельзя меня нести, — я пытаюсь выскользнуть из его рук, но Аехако держит меня лишь крепче.

— Ребята, у вас все хорошо? — забеспокоившись, спрашивает Лиз.

— Все в порядке. А ты, Кайра, совсем легкая, — говорит он и затем прижимается к моей шее. — Для меня большая честь и удовольствие нести свою пару.

— Боже мой, — визжит Лиз и хлопает по губам. — Вы оба что, резонируете? Серьезно?

Я качаю головой, а Аехако вмешивается.

— Нет никакого резонанса. Мы сами друг друга выбрали.

— Ооу, это так романтично, мне кажется, — говорит Лиз, но у нее нахмурены брови, словно она не совсем уверена, должна ли она быть за нас счастлива или нет. Знаю я, о чем она думает, — что произойдет, если кто-то из нас начнет резонировать кому-то другому?

Так что я отвлекаю ее, когда мы начинаем идти, направляясь по дорожке, которую в снегу проложил Рбхощ.

— Ты ведь не видела Харлоу, не так ли? — спрашиваю я ее. — Она была вместе с нами и сбежала, а теперь мы нигде не можем ее найти.

— Черт, кажется, мне не достает изрядного куска этой истории, — говорит Лиз. — Кто-нибудь заполнит мои пробелы между авиакатастрофой инопланетян, ранениями и пропавшим без вести человеком?

Мы это и делаем, и нужно время, чтобы все рассказать. К моменту, когда заканчиваем эту историю, мы уже направляемся к входу в пещеру, Аехако держит меня на

руках, и нас окружают взволнованные соплеменники. Я практически ощущаю, как в воздухе витает любовь и беспокойство, и это так удивительно и приятно. В первый раз я не чувствую себя одиноким аутсайдером, изгоем.

Возможно, это потому что, когда Аехако опускает меня вниз, он не захотел отпускать мою руку и удерживает меня рядом с собой. Мне это понравилось.

Несколько мгновений спустя возвращается Рбхош и обнимает Лиз за талию, пособственнически. Он кивает головой Аехако.

— Хэйден с целителем.

— Как хорошо, что ты вовремя столкнулся с нами.

— Тебе тоже нужен целитель, — указываю я. — У тебя рана...

— Успокойся, — говорит Аехако и целует меня в макушку. — Моя мать наложит на раны повязку с травами, и это поможет мне продержаться до тех пор, пока целитель не будет готов меня принять. Пошли. Мы должны рассказать ей, что у нее появилась дочь. Она всегда мечтала хотя бы об одной.

Лиз начинает зловеще хихикать.

— Ух ты, встреча со свекром и свекровью. Ну что ж... удачи тебе в этом.

Я бегло оглядываюсь назад на нее, но не возражаю, когда Аехако ведет меня вглубь пещеры. Его рана вызывает у меня особую обеспокоенность, а отнюдь не то, понравлюсь ли я его матери.

— Ты точно уверен, что с тобой все в порядке? — спрашиваю я, сжимая его руку.

— Не волнуйся за меня, со мной все будет в порядке. Мне не хочется отвлекать Мэйлак от процесса исцеления, которое она сейчас проводит на Хэйдене. Ему требуется все ее внимание, — он хмурит брови от беспокойства и бросает взгляд на пещеру целителя. — Если он не выживет...

— Он выживет, — заверяю я его. А когда он медлит, я осторожно направляю его в сторону его пещеры. — Сначала позаботься о себе, после этого сможешь посмотреть, как он справляется.

Он кивает головой в согласии и тащит меня вперед. Я прохожу мимо Тиффани и Джоси, у которых явно встревоженные лица. Потеря Харлоу — это то, о чем я еще не готова говорить. Я даже не уверена, смогу ли я горевать о ней. Просто произошедшее не кажется мне реальностью. Как мы могли потерять человека? Нас здесь и так слишком мало.

— Сынок, — кричит пожилая женщина, и я вижу, как из своей пещеры появляется Севва, протягивая руки для объятий. — Что с тобой, я только что услышала о твоей ране?

— Пустяки, не стоит переживать, мама, — уверяет Аехако, улыбнувшись своей привычной улыбкой. — Ты слишком сильно печешься.

— А ты печешься не достаточно сильно, — беспокойно указывает она, обнимая его.

Моя рука выскользывает из его ладони, когда он идет прямо в объятия своей матери, а я остаюсь возле входа, чувствуя себя немного неловко. Мы с Севвой разговаривали довольно часто. Да и пещера маленькая, но мне она нравится. Севва красивая с ее седыми косами, заплетенными вокруг ее рогов, и с тем же бледно-синим оттенком кожи, что у ее сына. Выглядит она царственной, а от уголков глаз тянутся тонкие морщинки — от смеха, что просто замечательно. Думаю, мне не следовало бы стесняться зайти прямо внутрь и присесть, когда она заводит своего сына в их пещеру. В смысле — она и до этого просила меня заходить, приглашая на чай.

Просто в последний раз я была всего лишь одной из многих людей, а не невесткой. Невесткой, которая никогда не будет резонировать.

Я с трудом глотаю.

— Куда тебя ранили? — волнуется Севва. — Ошен, принеси мне мои мешочки с травами. Сесса, выйди отсюда. Иди поиграй с Фарли.

В то время как я задерживаюсь у входа в их пещеру, Сесса — мальчик, которому не может быть больше десяти лет — хихикая, молнией выскакивает из пещеры. Я всегда забываю, что у Аехако есть брат намного младше него. Я так же знаю, что есть еще и старший брат по имени Рокан, но от вида тощего тела Сессы и его веточкоподобных рожков я чувствую какую-то странную внутреннюю тоску. Это ведь то, как выглядели бы дети Аехако?

На краю поля моего зрения мелькает хвост, и как раз, пока я смотрю, Айша медленной, ленивой походкой заходит в пещеру Севвы, как в свою собственную. Я вижу, как эта кокетка идет прямо к Аехако и обнимает его со спины.

К его чести, Аехако уклоняется и высматривает меня.

— Кайра?

Я прикусываю губу и вхожу внутрь, хотя и чувствую себя, будто вторгаюсь на чужую территорию. Севва окидывает меня полным любопытства взглядом, а пристальный взгляд синих глаз Айши пронзает меня, словно кинжалами. *O, Господи.* Я и правда не очень-то сильна в ситуациях с выяснением отношений, а эта напоминает именно ситуацию с выяснением отношений.

Вся ирония в том, что я уничтожила инопланетян без малейшей капли раскаяния и страха, зато, когда приближаюсь к мужчине, который меня любит, когда его бывшая подружка пытается проскользнуть на мою территорию? Пока его мама наблюдает за мной? Это тяжело.

Со смирением, я безропотно встаю рядом с Аехако и снова переплетаю свои пальцы с его.

— Подержи это? — спрашивает Севва и вручает мне маленькую костяную миску, полную трав и чем-то, что похоже на пух. — А теперь, Аехако, расскажи мне, в какого рода глупости ты вляпался, шаловливый пройдоха.

Голос его матери — любящий, ласковый тон женщины, которая знает, в сколь многие неприятности ее сын может попасть.

— Ты скучал по мне? — тоном, не допускающим возражений, спрашивает Айша, протискиваясь к Аехако с другой стороны, как будто меня здесь даже нет.

Нахмутившись, он смотрит на нее и качает головой.

— Я не...

И хотя я смотрю, ее рука скользит к его хвосту, и она вцепляется в него у основания. Я задыхаюсь, потому что это кажется невероятно сексуальным.

Как эта сучка посмела прикоснуться к моему мужчине?

Моя рука отпускает Аехако, и прежде чем я просто останавливаюсь, чтобы хотя бы задуматься о том, что делаю, я шлепком отбиваю от него ее руку.

— Хватит трогать мою пару!

Слова вылетают, прежде чем я могу их остановить, и все в пещере таращаются на нас. Ошен, отец Аехако, его мать Севва, Айша — все они смотрят на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

И тут Севва вскрикивает, и улыбка растягивает ее губы.

— Сынок! Ты резонируешь? И такому замечательному человеку!

Она лучезарно мне улыбается, согревая своим материнским теплом.

— Нет никакого резонанса, мама, — говорит Аехако и прижимает меня к своему боку, заботливо отводя меня подальше от изумленной Айши. — Я выбрал ее своей парой, а она согласилась принадлежать мне.

Я ожидаю, что Севва начнет расспрашивать об этом, но она только улыбается.

— Все равно замечательная.

Она тянет за завязки кожаной туники Аехако, но видно, что так из этого ничего не выйдет.

Я выбираюсь из хватки Аехако.

— Снимай рубашку, чтобы твоя мама могла осмотреть рану.

Он снимает одежду, ну а потом протягивает мне свою тунику и весело подмигивает.

— И часа не прошло, как мы вернулись, а моя пара берется уже меня раздевать. Теперь понимаете, почему я выбрал ее своей женщины? Она исключительно требовательная.

Я краснею.

Айша все еще стоит там, и я украдкой бросаю быстрый взгляд на нее. Она стоит, застыв на месте, а на ее лице нечитаемое выражение. Очевидно, что ей здесь не место, и кроме того, очевидно, что она и не думает уходить. Неловкая ситуация. Мне ее жалко. Знаю, что она буквально набрасывается на Аехако, но совершенно очевидно, что она несчастна, и все благодаря кхаю, который выбрал кого-то другого.

Ее пристальный взгляд скользит по мне, и я пытаюсь ей робко улыбнуться.

Она окидывает меня хмурым взглядом и ураганом уносится прочь.

Вот тебе и адекватная реакция.

Севва качает головой и берет горстку пухоподобных трав из миски, которую я держу.

— Упрямая у нее голова. Может теперь, когда ты нашел себе пару, она выбросит из своей головы мысли, что вы должны быть вместе.

— Будем надеяться, — раздраженно говорит Аехако. С его губ срывается шипение, когда Севва прижимает пучок трав к его ране.

— Ее следует зашить, — заявляет ему Севва.

— Мэйлак справится с этим.

— Мэйлак будет, наверное, еле на ногах держаться, пытаясь спасти Хэйдена, — настаивает Севва. — Я не буду стоять и смотреть, как ты истекаешь кровью, пока ждешь, когда он придет в себя. У тебя такая красивая пара, которую можешь уложить в свои шкуры. Последнее, что тебе нужно, — тратить свое время, стоная от боли.

— Не тогда, когда я бы предпочел проводить его, просто стоная, да? — поддразнивает Аехако.

О, Господи, поверить не могу, что он только что отпустил эту шуточку своей маме. Я пялюсь на него в полном потрясении и не в силах рассмеяться.

Словно она может прочитать мои мысли, Севва закатывает глаза и, хлопнув его по щеке ладошкой, говорит:

— Веди себя прилично, ты, похотливый болван.

С моих губ срывается хихиканье, и Севва улыбается мне широкой улыбкой. Похоже, все эти свекровины штучки, в конце концов, могут оказаться не такими уж и ужасными.

— Нуу, — говорит Севва, в то время как она приготавливает шило и прочный длинный шнур. Когда она подтягивает маленький табурет, ее муж Ошен в перчатках достает миску с полки над кострищем и подносит ее. Горячая вода. Он ставит его рядышком, и Севва окунает в нее кусочек кожи, затем покрывает им края глубокой раны Аехако. — И где вы с твоей новоиспеченной парой собираетесь жить?

— Жить? — спрашиваю я.

— Мама, ты что, не хочешь, чтобы мы жили здесь? Я же ранен.

У меня глаза раскрываются еще шире. Разделять пещеры с многочисленной семьей Аехако? И при этом пытаться заняться сексом? Идея просто немыслима. Но все ровно идти больше некуда, а Харлоу — и любые надежды на скалорез — исчезли. Это то, о чем я даже не подумала, и я стреляю обеспокоенным взглядом в Аехако. Неужели он хочет, чтобы мы жили здесь?

Однако когда я смотрю я на него, он подмигивает мне.

Севва фыркает.

— Последнее, в чем нуждается молодая спаривающаяся пара, — двое стариков и двое парней, рядышком, устроившихся в шкурах поудобней. Твоя пара будет нуждаться в большем уединении по сравнению с этим, — она снова покрывает его рану, потом смотрит на меня. — Поскольку здесь так много недавно спарившихся пар, ведутся разговоры о том, чтобы к зиме открыть пещеры на юге и разделить племя.

— Тогда мы отправимся туда, — заявляет Аехако, вздрогнув, когда его мать наклоняется к нему. — Мы с Кайрой определенно нуждаемся в своем собственном пространстве.

— Она шумная, да?

— Самая шумная, — гордо заявляет Аехако.

У меня такое впечатление, что мне определенно суждено умереть от стыда.

Я, должно быть, в какой-то момент заснула, потому что следующее, что я знаю, — Аехако целует меня в лоб и укладывает в постель. Наверно, мне следует встать, но здесь так тепло и спокойно, и я лежу рядом с ним, свернувшись калачиком, так что я лишь прижимаюсь покрепче и погружаюсь обратно в сон.

Это чистой воды рай.

В какой-то момент я просыпаюсь, потому что у меня такое ощущение, словно кто-то уставился на меня. Я вынуждаю себя открыть один глаз, и Сесса — младший брат Аехако — пристально смотрит на меня сверху вниз. Чувствую себя немного неловко, и я стесняюсь будучи в центре его внимания.

— Доброе утро, — говорю я на их языке, поскольку теперь я его знаю. Чувствую, что слова с моего языка текут бегло, и тут я осознаю, что это первый раз, когда я смогла сказать больше, чем просто «привет» детям, которые не отправлялись на корабль старейшин получить языковую «загрузку». Мне захотелось немного похвастаться. — Я странно сплю? Ты поэтому так пристально смотришь?

— Ты пара Аехако?

— Да.

— Но вы же не резонируете. Как вы можете быть парой?

Боже. Как мне объяснить этому ребенку, откуда берутся дети?

— Ну, да... иногда, когда два человека очень любят друг друга, они хотят всегда быть вместе, несмотря на то, что не могут завести ребенка.

Он воротит носик от подобной мысли.

— Это значит, что ты переходишь жить в нашу пещеру? Но тут и так уже все переполнено.

— Не знаю. Эээ... твой брат Аехако где-то здесь?

— Он с вождем.

— Спасибо, — бормочу я и поправляю свою одежду, прежде чем вылезти из постели. Хвала небесам — я все еще одета, но моя одежда пахнет дымом и потом, и я была бы не прочь, чтобы у меня было что-то еще, во что я могла бы переодеться. Однако, с двенадцатью новыми людьми, о которых приходится заботиться, одежда сейчас навес золота. Может быть, у кого-то имеется запасная, которую я могла бы позаимствовать. Я выскользываю из шкур и оглядываюсь вокруг. Я все еще нахожусь в удобной пещере Севвы, хотя данная ее половина стратегически разделена на части каменистыми возвышениями и большим плетеным щитом, чтобы придать иллюзию уединения. Рядом я все равно слышу тяжелое дыхание кого-то, кто еще спит, а по соседству тихий бормочущий голос Севвы.

Сесса совершенно прав. Пещера, безусловно, маленькая и переполненная. Я, конечно, благодарна за постель, но с тоской вспоминаю свою квартирку на чердаке, когда жила на Земле, которая еще пару месяцев назад казалась такой крохотной, а сейчас кажется непревзойденной роскошью. Когда здесь рождаются малыши, придется ложиться друг на друга штабелями из-за перенаселенности.

Ну... похоже, у нас с Аехако с этим проблем не будет. Я чувствую внезапную острую боль своей вины при одной мысли об этом. *Он сам выбрал спариться со мной, несмотря на то, что знал о моих изъянах, поэтому мне не стоит об этом волноваться.* Я убеждаю себя в этом, когда всовываю ноги в мягкие сапожки, глажу Сессу по голове, а потом выхожу из частной пещеры в центральное помещение племенных пещер.

Я зеваю, когда вхожу в главный зал и понимаю, что... я отлично выспалась. В первый раз за долгое время, которое кажется вечностью, я спала, не подслушивая каждого, кто занимаетсяексом, их шептания, и прочее, подхваченные переводчиком. Неудивительно, что я чувствую себя настолько обновленной. Прямо сейчас пещера переполнена, но не подавляет голосами. Более того, это похоже на тихий, приятный гул разговоров.

Это... потрясающе.

Есть, конечно, маленький побочный эффект, который заключается в том, что я понятия не имею, где сейчас моя пара. Я не могу отследить звук его голоса через переводчик. Мне придется открыть на него охоту, как на оленя, старым добрым способом.

Совсем рядом Тиффани и Джоси выскабливают шкуры, натянутые на рамах. Джоси, увидев меня, радостно визжит и размахивает своими руками, покрытыми запекшейся кровью.

— Я бы обняла тебя, девочка, но я грязная! Я так рада, что ты вернулась!

Тиффани более сдержанна и просто мне улыбается.

— Я тоже рада, что вернулась, — я потираю мочку уха. — Без переводчика мне стало намного легче.

Интересно, сколько они знают о возвращении корабля и желающих всех нас снова похитить, или же это держится в тайне.

— Я почти не узнала тебя, — говорит Джоси веселым голосом, после чего возвращается к выскабливанию своей шкуры. — Может и мне следует заглянуть на старый звездолет и посмотреть, не получится ли сделать грудные имплантаты. Чувствую себя совершенно неполноценной рядом с дамами ша-кхай, — она раскачивает свои маленькие груди взад-вперед, пытаясь покачивать то немногое, что у нее есть.

— О, прекрати, — говорит Тиффани и подталкивает Джоси локтем. — Серьезно. Да никто тебе не даст имплантаты сисек, потому что ты — тощая белая девчонка.

Джоси показывает ей язык, а Тиффани отвечает тем же, и они обе начинают смеяться.

Мда... Кажется, им не рассказали о корабле. Они однозначно слишком... счастливы. Я показываю на вход в пещеру вождя.

— Вэктал там?

Тиффани наклоняется, чтобы взглянуть на вход в его пещеру.

— Не думаю. Кажется, я недавно видела, как он вместе с другими выходит оттуда. Наверное, стоит проверить, спросив у охотников, не в шкурах ли он вместе с Джорджи, — она подмигивает мне.

Упс. Меньше всего мне бы хотелось наткнуться на них, когда они занимаются сексом. Одному богу известно, что я и так уже слишком много услышала.

— Эээ..., пожалуй, сначала я спрошу у охотников.

— Верное решение, — Джоси от смеха начинаешь давиться. — Как-то раз я увидела больше, чем мне того хотелось.

— Этим людям не помешали бы какие-нибудь гребаные дверные звонки, — говорит Тиффани, покачивая головой.

Не могу не согласиться с этим. Импульсивно я обнимаю их обеих одной рукой за плечи, а они никак не могут ответить тем же из-за их своих рук, ну а потом пускаюсь рысью на поиски Аехако и вождя. Марлен присматривает за небольшим костром, где происходит готовка человеческой еды и предлагает мне на завтрак лепешку из корнеплода — мало чем отличающимся от картофельных оладий. Я перекусываю ею, пока продолжаю свой путь. Будь здесь еще и кофе, я бы сказала, что эта пещера, бесспорно, самая комфортная.

Я нахожу Аехако с Вэкталом, разговаривающих у входа в пещеру. Отойдя достаточно далеко, они поднялись на подъем, чтобы их не подслушивали. Джорджи, присев рядом в снег, тянется к своей паре, а Вэктал тем временем гладит ее по волосам.

Я запихиваю свою лепешку из корнеплода в рот и быстро пережевываю. Наверное, было бы плохой идеей есть рядом с беременной женщиной с утренней тошнотой. Бедная Джорджи. Ее не перестает тошнить с тех пор, как она залетела.

Ну, разумеется, я бы с радостью поменялась с ней местами. Я хотела бы блевать каждый божий день три года подряд, если бы это позволило мне заполучить ребенка от Аехако.

Моя пара в этот момент поднимает глаза и видит, как я приближаюсь, и на его широком лице появляется улыбка. Я греюсь в теплоте его одобрения, и я так счастлива,

что меня аж распирает. Те зеленые человечки мертвы, мой переводчик удален, и меня любит сексуальный, восхитительный инопланетянин. Господи, мне будет сложно оставаться самой собой.

Когда я подхожу и встаю возле Аехако, он целует меня в губы, ну а потом проводит языком по уголку моих губ.

— У тебя жир на щеках.

Покраснев, я оттираю щеки.

— Я пыталась съесть побыстрее, чтобы не смутить Джорджи, — я с сочувствием смотрю на свою дорогую подругу. — Как ты сегодня?

— Не так уж плохо, на самом деле, — говорит она и встает, вытирая свои губы. Она выглядит бледной и усталой, но Вэктал одаривает ее легкой улыбкой благодарности, когда вручает ей кожаный мешок с водой. Она прополаскивает рот, а затем выплевывает в сторону.

Вэктал изучает меня, скрестив на груди руки. Его хвост разок щелкает.

— Я не сразу узнал тебя без твоей раковины, — говорит он и жестом указывает на ухо.

— Я удалила переводчик, — говорю я ему, чувствуя себя неловко. Я и вправду настолько незапоминающаяся? Но, наблюдая за тем, как он пожирает взглядом Джорджи, мои обиды рассеиваются. Скорее всего, я для него всего лишь очередной человек, тогда как Джорджи — единственная, кто действительно имеет значение. Совершенно ясно, что Вэктал одержим своей человеческой парой и страстно влюблен в нее. По-моему это очень мило, даже несмотря на то, что он все еще меня немного пугает.

Джорджи прислоняется к Вэкталу, и он обнимает ее за талию.

— Хорошо, что ты пришла, — говорит она. — Мы только что обсуждали события.

— Как Хэйден? — спрашиваю я.

— Выздоровливает, — говорит мне Аехако. Он берет меня за руку и переплетает свои пальцы с моими. — Мэйлак, исцеляя его, совсем утомилась, так что еще какое-то время я останусь раненым, — он поглаживает живот в забинтованном месте. — Думаю, тебе придется быть со мной в шкурах поаккуратней, мои Печальные Глаза.

Я так понимаю, «игривый Аехако» вернулся на всю мощь. Я фыркаю и просто игнорирую его откровенные слова.

— А Харлоу? Какие-нибудь знаки от нее?

Джорджи качает головой.

— Мне не нравится, что она вдруг бесследно испарилась. Что-то здесь не чисто. Она не похожа на ту, кто бездумно ставит крест на своей жизни.

Затем она снова замолкает, и я знаю, что обе мы вспоминаем Доминик. Доминик была еще одной рыжеволосой девушкой, которая была похищена и брошена в трюм с нами на инопланетном космическом корабле. Охранники изнасиловали ее, и это сломало что-то в сознании Доминик. Она пережила катастрофу, но в тот момент, когда у нее появился шанс, она сбежала в холодные снега, одетая лишь в одну ночнушку. Она замерзла насмерть.

Ее уграта по-прежнему сильно ранит, даже после всего, через что нам пришлось пройти.

— Она смысленая, — заверяю я, вспоминая ее быстрый ум, когда Харлоу по кусочкам собирала скалорез. — Может она найдет дорогу обратно.

— Думаю, надо послать за ней охотников, — говорит Джорджи.
Вэктал мотает головой.

— Жестокий сезон приближается очень быстро, а у нас двенадцать...
— Одиннадцать, — спокойно поправляет Джорджи.

— Одиннадцать новых ртов, которые нужно прокормить. И некоторые из них вынашивают детенышей. Мы должны заботиться о благе всего племени, а охотники необходимы каждую свободную минуту. Если они уходят не для того, чтобы добывать пищу, мы не можем их отпускать, — он дотрагивается до ее живота. — Я не допущу, чтобы ты с нашим детенышем — и все остальные новые жизни, которые рождаются — оказались в опасности из-за одной глупой человеческой девушки.

Мне не нравится его ответ, но, оглядываясь на Аехако, вижу, что он кивает головой. Они знают погодные условия этих мест лучше нас. Если они обеспокоены тем, что зимой у нас может не хватить еды, то нам тоже стоит беспокоиться, мне так кажется.

Не могу определить, также ли недовольна Джорджи, но она окидывает меня беспомощным взглядом.

— Она вернется, — заявляю я решительно.

Мы обсуждаем повторный прилет космического корабля и его гибель. Джорджи соглашается с Вэкталом с тем, что не стоит рассказывать остальным. Никто, кроме нас — и Лиз с Рбхошем, которые охотились и видели корабль — не будет об этом знать. Джорджи не хотелось бы, чтобы все остальные впали в панику, не сейчас, когда они начинают тут привыкать и обживаться.

— Да и если они все мертвые, беспокоиться не о чем, верно?

Будучи полна решимости, она кивает мне головой.

— Верно. А значит, нужно обсудить разделение племени.

— Разделение? — обеспокоившись, я смотрю на Аехако.

Он кивает.

— Когда мы были детенышами, наши пещеры переполнились, и у нас была вторая пещера на юге, которая также была переполнена семьями. Кхай-болезнь забрала так много жизней, что мы все переехали в эту сеть пещер, однако с учетом новых семей, я предложил Вэкталу вновь открыть их для нас.

— Лишь потому, что не хочешь делить пещеру с еще одной парой, — подразнивает Вэктал. — Ты такой же, как и я, и хочешь свою пару всю целиком и только для себя.

Аехако окидывает своего вождя ленивой усмешкой.

— А что в этом плохого? Хотеть иметь возможность спариваться со своей женщины, не опасаясь, что тут же появиться Айша и присоединиться к нам?

Я задыхаюсь.

— Эээ... я тоже за новую пещеру.

Одна только мысль, что Айша смотрит — тем более, пытается присоединиться — крайне ужасает.

Джорджи хихикает.

— Видела бы ты свое лицо, Кайра. Боже мой.

— При открытии новой пещеры, все люди должны по-прежнему оставаться рядом с целителем.

— А это справедливо по отношению к другим? — спрашиваю я. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы остальная часть племени обижалась на нас.

— Люди вынашивают детенышней, — убеждает Вэктал. — Если они еще не вынашивают, то будут. Они должны быть рядом с целителем.

Я храню молчание.

— Я согласен с Кайрой, — говорит Аехако. — Пещера, полная стариков и одиноких охотников, лишь породит раскол общины. Наиболее справедливо разделить племя поровну.

— У нас лишь один целитель, — рычит Вэктал. — Она останется с Джорджи.

— Успокойся, Вэктал, — Джорджи похлопывает свою пару по его большой руке. — Не сомневаюсь, что все можно разделить так, чтобы это было справедливо по отношению к каждому. А что, если в новую пещеру мы отправим одиноких людей, а беременных оставим здесь?

— А что насчет Рбхоса с Лиз? — спрашиваю я.

— Их наказание остается в силе, — объявляет Вэктал. — Они продолжают охотиться, пока Лиз не станет слишком неповоротливой, чтоб этим заниматься. Но они могут искать у нас в пещере прибежище, когда Лиз придет время рожать своего детеныша.

— Тогда, кто будет отвечать за новую пещеру? — спрашивает Аехако. Его рука сжимает мою.

На мгновение Вэктал выглядит озадаченным.

— Я собирался отправить тебя, но теперь, когда вы спарились, это создает проблему. Кайра должна будет остаться рядом с целителем.

Я прикусываю губу. Мне думается, пришло время все рассказать.

— Вообще-то Кайра не должна. Я не могу резонировать. Я бесплодна.

Лицо Джорджи смягчается, в то время как Вэктал выглядит растерянным.

— Она не может иметь детей. Мы сами выбрали наше спаривание, — заявляет Аехако и, обняв меня, прижимает к себе покрепче. — Не будет никаких детенышней, да это и неважно. Важно только то, что она принадлежит мне, а я ей.

От этого его заявления у меня наворачиваются слезы.

— А что будет, если позднее начнется резонанс к кому-то другому? — спрашивает Вэктал.

— Значит, разберемся с этим, когда до этого дойдет, — заявляет Аехако. — Однако до того, как этот день настанет — если это вообще когда-нибудь произойдет — я принадлежу Кайре, а она принадлежит мне.

Вэктал кивает головой и окидывает нас обоих взглядом, полным понимания.

— Я сделал бы то же самое для Джорджи, если бы она мне не резонировала.

AEXAKO

Требуется два полных дня и ночи, прежде чем нам разрешено пойти и посетить вторую сеть пещер. Кайра стала называть их Южными пещерами, и это название прилипло и ко мне. Остальным мы ничего не сказали. Если мне придется быть лидером этой маленькой частички племени, хочу, чтобы все было решено и высечено на камне, прежде чем кто-либо будет перемещен. Как только у нас наступят жестокие месяцы, визитов между этими двумя пещерами будет мало и с большими промежутками времени.

Установление баланса между племенами — дело деликатное и требует немало дней обсуждений между мной и Вэкталом, и мы включаем в него и наши пары, которые являются нашими голосами разума, когда речь заходит о человеческих женщинах. Если мы не умудримся установить просто идеальное равновесие, тогда те, кто переедут в Южные пещеры, будут чувствовать себя брошенными на произвол судьбы и совершенно никуда не годными. Однако, если мы заберем в Южные пещеры наших самых сильнейших, тогда сильно пострадают племенные пещеры.

Постоянно думая-передумывая, мы спорим о том, кто должен остаться, а кто переселиться. Планы меняются ежесекундно до тех пор, пока я уже не готов рвать на себе волосы, если Вэктал еще хоть раз стукнет кулаком по столу и скажет «Нет!» на мои предложения.

Он — вождь, а еще он мой друг, но в то же время он невероятно упрям. Настоящая заноза в заднице, как говорит Кайра.

Я и сам раздражительный. Хэйден еще не восстановился, а Мэйлак, будучи беременной, должна весьма аккуратно относиться к своему здоровью, и она еще не успела обработать мою рану. Она причиняет мне боль, но все же и наполовину не такую, что я лишен возможности спать с моей Кайрой и радовать ее.

Ей не обязательно говорить мне, что она стесняется заниматься сексом, когда ее окружает моя семья. Это видно по скованности ее тела, когда, ложась спать, мы раздеваемся. А точнее, я раздеваюсь. Кайра просто снимает обувь и ложится в постель полностью одетая, и вздрагивает от любого малейшего шума. Каждая икота Сессы, каждый храп, который во время сна издает мой брат Рокан, каждое бормотание моих отца с матерью, когда они спариваются — Кайра все это слышит, и очевидно, что все это ее тяготит.

У нас не будет никакого секса до тех пор, пока у нас не будет своей собственной пещеры и единения.

Ну, что ж, ладно. Мне просто нужно ускорить ход вещей. С другой стороны моя потребность обладать моей Кайрой имеет приоритетную силу над всем. Я жажду своими устами вкушать ее сладость, спариваться с ее ротиком своим, погрузить член глубоко в ее влагалище и услышать ее громкий вопль наслаждения.

Именно эти мысли заставляют меня следующим утром предложить отправиться в Южные Пещеры. Кайра возле костра жует лепешку из корнеплода, которые ей и этим человеческим женщинам, похоже, очень нравятся, пока они болтают между собою. Вэктал отдыхает в бассейне, тогда как Джорджи заплетает его волосы в тысячу крошечных косичек, которые вокруг его рогов торчат прямо вверх и выглядят как какое-то причудливое гнездо. Все расслабились и веселятся, прежде чем приступить к повседневным делам — идеальное время, чтобы улизнуть с моей Кайрой.

Когда она заканчивает есть, я отвожу ее в сторонку.

— Пойдем сегодня со мной.

Она вытирает руки и кивает головой.

— Куда мы пойдем?

— Проверить Южные Пещеры. Хочу сам осмотреться и посчитать, сколько у нас пещер и их схему расположения, прежде чем примем окончательные решения о том, кто должен остаться, а кто переселиться.

Кайра наклоняет голову и взирает на меня любопытным взглядом.

— Ты что, совсем не знаешь эти пещеры?

Вообще-то знаю. Я знаю их наизусть и много раз бывал там. Однако мне не терпится провести время вдвоем с моей любимой парой, а это — наилучший способ этого добиться.

— Знаю, но я хочу узнать твое мнение.

Потрясающая улыбка пересекает ее лицо, и при виде ее мой член резко увеличивается. Мы определенно должны сбежать от остальных, или иначе всем им предстояло увидеть, как я обладаю своей любимой парой, потому что я уже почти не могу себя сдерживать и не прикасаться к ней.

— Ну? — спрашиваю я, когда она проходит через вход в Южные Пещеры. — Что думаешь?

Я очень хочу услышать ее мнение.

Она пристально разглядывает высокий потолок.

— У вас полно сталактитов.

— Мне незнакомо это слово.

— Пещерные сосульки, — поясняет она и указывает на них. — В той, другой, пещере их нет. Думаю, Харлоу был права, что у старейшин, когда они обустраивали вашу пещеру, было что-то вроде скалорезов.

Должен признать, я слегка встревожен, что она все же не выглядит восторженной энтузиазмом. Если буду ответственным за эту пещеру, как Вэктал того хочет, она будет жить со мной. Хочу, чтобы ей здесь понравилось. Хочу, чтобы она была здесь, со мной.

— Эти пещеры очень отличаются друг от друга, — признаю я. — Ну, к примеру, здесь в центре пещеры нет купального бассейна.

Она окидывает меня чопорным взглядом.

— Нельзя сказать, что это так уж и плохо. Чем меньше я вижу причиндалы других людей, тем лучше.

Я хихикаю. Ее скромность так непривычна. В конечном счете, она наверняка ее утратит, ну а пока я буду наслаждаться ее стыдливой неловкостью и тем, как она покрываются румянцем.

— Разве ты не хочешь видеть свою пару голым?

— Я каждый день вижу тебя голым, — говорит она, а щеки у нее такие розовые, когда она проходит мимо меня, пристально разглядывая все вокруг нее. — А здесь темнее и холоднее.

Я следую за ней.

— Вторая пещера нагревается подземным родником, поэтому она остается приятной для проживания даже во время жестокого сезона. А вот в этой нам придется полагаться на большее количество костров.

— Костры — это же не плохо, — говорит она с задумчивым выражением лица. — У нас все еще много людей, которые едят приготовленную пищу. А благодаря высоким потолкам с дымом не будет особых проблем, — она направляется в один из частных укромный убежищ, представляющим собой жилое помещение. Перед входом в эту пещеру все еще опущена старая кожаная завеса, как сигнал на уединенность. И она издает изумленный возглас. — Силы небесные! Оно такое огромное!

— Правда? — я ощущаю, как по чуть-чуть ко мне начинает возвращаться чувство гордости. — Тебе нравится?

— До тех пор, пока мы не окоченеем от зимних морозов, я думаю, что это местечко имеет значительный потенциал, — с легким смешком отвечает она. Она продвигается внутрь этой приватной пещеры и озирается вокруг. Я следую за ней. Прошло уже, по крайней мере, пятнадцать полных циклов времен года с тех пор, как эта пещера была населена, и я не припоминаю, кому она когда-то принадлежала. В центре помещения расположена выдолбленная яма для костра с аккуратно выложенными камнями окружающими его. С одной стороны выступает плоский горизонтальный участок, на котором расположены, как видно, постельные шкуры и иссохшие, сморщеные корзины, дно которых уже обгрызаны. Она проходит мимо всего этого, а затем улыбается мне и вытягивает свою руку вперед. — Покажи мне, которую именно ты запланировал для нас?

На ее улыбку я расплываюсь в ответной улыбке и беру ее маленькую ладошку в свою. Мне нравится ощущение того, как ее холодные пальцы переплетаются с моими в поисках тепла, и желание схватить ее, увлечь на пол пещеры и обладать ею переполняют мои чувства практически сокрушительной силой. Я смотрю на нее сверху вниз, и мой член затвердевает в моей набедренной повязке.

— Пещера? — она сжимает мою ладонь. — Аехако?

Мое имя, слетевшее с ее губ, тут же напрягает мои яйца. Каким-то образом мне удается сосредоточиться, и, развернувшись, я обдумываю лабиринт маленьких пещер, примыкающих к той, что самого большого размера. В отличие от племенных пещер, которые выстроены кольцом, эти что-то вроде рога с широким и открытым входом и которая, уходя в глубь самой горы, сужается. Видимо, пещеры возле входа следует отдать охотникам и полностью ша-кхай семьям. Люди хрупкие и намного хуже сохраняют тепло, поэтому им необходимо будет находиться в глубине пещеры, подальше от снежных ветров. Есть тут одна особенная пещера, на которую я положил глаз, и я направляю ее к ней. Она поменьше, чем некоторые другие, но имеет свое особое очарование.

Здесь тоже перед входом опущена завеса с выцветшими нарисованными символами, извивающейся вдоль шкуры. У Кемли когда-то была сестра, Колой, но она умерла от кхай-болезни. Колой любила рисовать так же, как сейчас это любит делать Фарли, дочь Кемли. И ее старая пещера до сих пор сохранили следы ее фантастических узоров. Я отодвигаю в сторону завесу и, пригнувшись, вхожу в пещеру, таща за собой Кайру.

Ее радостный крик подсказывает мне, что справился я отлично.

— Здесь так темно, Аехако. Но все эти...

— Узоры, да. Женщина, которая раньше жила в этой пещере, разрисовывала стены. Тебе нравится?

— Это так красиво, — она проходит вперед, в сторону кострища, пристально глядя вверх, где с потолка проникает струйка света. — Проход для дыма?

Я киваю головой.

— Ну, это удобно, — она снова оглядывается, а затем указывает на заднюю часть пещеры. — А это что?

Я делаю несколько шагов в тень, и тут до меня доходит.

— Это — череп са-кохчк. Здесь нет бассейна для купания, поэтому они опустошили череп и покрыли его водонепроницаемыми шкурами, чтобы сделать небольшой купальный водоем...

Ее визг восхищения в пещере отдается эхом.

— Это что, ванна?

Я пожимаю плечами. Я не знаю этого слова.

— Ну... наверное?

Кайра подскакивает на месте, а затем бежит ко мне, хватая меня за руку.

— Я хочу эту пещеру. Она наша, верно?

Меня переполняет огромная гордость из-за ее восторга.

— Да. Именно эту я выбрал для нас.

Ее руки оборачиваются вокруг моей талии.

— Это потрясающе!

Кто бы мог подумать, что моя Кайра будет настолько счастлива от вида красок на стенах и импровизированного купального водоема. Мои руки тянутся к ее спине и начинают скользить вверх и вниз по ее позвоночнику.

— Я рад, что она тебе понравилась.

— Я уже обожаю ее, — говорит она. — Не могу дождаться, когда переберемся сюда.

Столько единненности будет бесподобно. До наступления зимы у нас хватит времени, чтобы навести порядок и сделать ее уютной.

Зима — это ее слово для жестокого сезона, поэтому я просто киваю головой.

Она запрокидывает голову назад и смотрит на меня, а на ее губах появляется улыбка.

Я в восторге от этого зрелища.

— Ну, есть кое-какая вещица, которой тут не хватает, — заявляет она мне.

— О?

Она отступает на шаг назад и снимает с плеча сумку. Я знаю, что она принесла с собой кожаный мешок с водой и несколько лепешек из корнеплода, которые люди с удовольствием едят, но вот мне интересно, зачем они нам сейчас нужны. Она поворачивается ко мне спиной и движется к стене, к укромному уголку спальной зоны. Там есть что-то вроде полки, образовавшийся путем смешения резких краев пещеры, и она ставит туда предмет.

Как только вижу его, резкий взрыв хохота прорывается из моего горла.

Это — подарок в знак ухаживания, который я подарил ей — точная копия моего члена, вырезанная из кости. Она принесла ее с собой и утвердила пещеру «нашей», разместив ее здесь. От одного вида на эту копию я долго хохочу, чуть ли не заливаясь слезами, а ее счастливый смех переплетается с моими. Звук ее беззаботного смеха — ее счастья — тут же заставляет все мое тело отреагировать, и я притягиваю ее к себе.

— Моя сладкая пара, — бормочу я, проводя пальцами сквозь ее волосы. — Ты принесла это сюда, чтобы я смог использовать ее на тебе?

Ее выражение лица меняется к застенчивости, и она отводит взгляд. Но вместо того, чтобы запротестовать, ее руки скользят к переду моей туники, и она дергает за нее.

Axa! Так значит, моя пара соскучилась по моему телу так же сильно, как я соскучился по ее. Потребность волной хлынула сквозь меня. Я вонзаюсь пальцами в шелковистые пряди ее волос и оттягиша их назад, обнажая ее шею. Я прикусываю связки у нее на шее, а затем провожу языком по ее коже.

Ее сотрясает дрожь.

— Как же я соскучилась по тебе, Аехако. У меня такое ощущение, будто мы не были наедине целую вечность.

— Оглянись вокруг, моя пара. Тут нет ничего, лишь мы вдвоем, в великолепном единении.

Кайра дергает перед моей туники.

— Тогда почему ты все еще одет?

Я покусываю ее шею, прежде чем выпустить ее.

— Какая нетерпеливая. Сердце мужчины радуется, когда он слышит, что его пара так стремится соединиться с ним.

Я развязываю шнурки своей туники, после чего стаскиваю все это через голову, оставшись лишь в леггинсах и набедренной повязке. Я расправляю свою тунику на пыльном полу, чтобы моей паре не приходилось сидеть на холодном камне.

Она тут же начинает развязывать шнурки своего плаща, но я ее останавливаю.

— Я раздену тебя.

— Ооо! — улыбка играет в углах ее губ. — Собираешься развернуть меня как подарок?

— Как мясистые кусочки, скрывающиеся под ребрами свеженькой добычи, — поддразниваю я.

Она морщит свой носик.

— Звучит ужасно.

— А-а, но ведь это самые вкусные, самые сочные кусочки, — я развязываю свою набедренную повязку, а она, задумчиво покусывая губу, наблюдает, как я раздеваюсь. Я бросаю ее на пол, ну а потом и свои леггинсы, и мягкие сапоги. И тогда я стою прямо перед ней абсолютно голый, а мой член встает, жаждя ее тела. Я сжимаю свой член в руке и дразняще его поглаживаю, только чтобы увидеть выражение ее лица.

У нее судорожно перехватывает дыхание, и ее взгляд встречается с моим.

— Не хочешь понаблюдать за тем, как я себя ублажаю? — я обожаю, какой ошарашенной она выглядит от одного этого зрелища, и я еще разок потираю свой член именно так, как мне нравится, круговыми движениями плотно сжатыми указательным и большим пальцами, потянув от основания до головки, после чего легонько его сжимаю, сгиная запястье.

— Я бы сказала «да», но в любое другое время, — шепчет она, не в силах отвести взгляд от моих движений. — Ведь я так хочу, чтобы ты коснулся меня. Значит ли это, что я жадная?

— Если это так, тогда я — самый счастливый мужчина, имеющий столь жадную пару, — заявляю я ей и развязываю завязку ее плаща у нее на шее.

Дрожа от нетерпения, она стоит на месте и огромными глазами смотрит на меня. Ее лицо не отражает ни малейшего страха или настороженности, одно лишь вожделение. Она так красива, что мне аж больно становится, глядя на нее. Воистину, я определенно самый счастливый мужчина, который когда-либо жил. Я прижимаюсь губами к ее странному, гладкому лбу и целую ее крошечный, очень ровный носик. Для меня она абсолютное совершенство.

Я наклоняюсь и прикасаюсь к ее подбородку. Затем запрокидываю ее голову назад, чтобы я мог поцеловать ее в губы, спариваясь языками самым сногсшибательным образом, который люди так обожают. Она тянется ко мне за поцелуем, ее руки скользят к моим бокам, а затем, опираясь на мои бедра, прижимает меня к себе. Мой член прижимается к ее животу, твердый и напряженный. Он тоже хочет внимания. «Скоро», —

напоминаю я себе. Вот именно, но это всего лишь второй раз, когда мы будем спариваться, и я по-прежнему должен быть с ней осторожен и быть уверенными, что она готова.

Так что я продолжаю медленно снимать с нее одежду. Я снимаю с ее плеч плащ, кладу его на пол и расстилаю его как одеяло. Ее платье сделано из самой мягкой кожи, изготовленной Кэшремом, но рукав порван, само одеяние в лохмотьях, а юбка все еще запятнана сажей от ее захвата в плен. Увидев все это, я хмурюсь, и не только потому, что у меня остались воспоминания о том, что я был так близок к тому, чтобы потерять ее, от чего мое сердце страдало от невыносимой боли, а еще и потому, что она нуждается в теплой, чистой одежде.

— Тебе нужно новое платье.

— Я забыла попросить об этом, — она пожимает плечами. — Не так уж это и важно.

— Это важно для меня. Ты — моя пара. И я хочу, чтобы ты была тепло одета.

— Мне хотелось бы самой сделать себе одежду, — говорит Кайра робким голосом.

— Хочу научиться. Хочу уметь заниматься этим.

— Могу показать тебе, как нужно работать с кожей, но это и близко не так хорошо, как это делает Кэшрем, — я стягиваю ее платье через голову, и в ту же секунду, когда я это делаю, она сжимает мой член в своих маленьких ладошках, от чего из моих легких с шипением вырывается дыхание.

— Давай не будем сейчас говорить про одежду?

Я начинаю хихикать.

— Тебе так не терпится?

Робкий наклон ее головы рассказывает мне все.

Я опускаюсь на пол на шкуры и притягиваю ее к себе, усаживая Кайру прямо к себе на колени. Она садится на одно из моих бедер, и ее маленькая, бесхвостая попка ерзает, пока она устраивается поудобнее. Я обхватываю одну ее грудь своей ладонью, восхищаясь мягкостью ее плоти и тем, как она задыхается в ответ на это.

— Ты везде такая мягкая, моя Кайра, — бормочу я и наклоняюсь, чтобы взять в рот напряженный сосок.

Она издает стон и ее бедра взбрыкивают, и, цепляясь за меня, ее руки обнимают меня за шею.

Я облизываю и сосу ее сосок, терзая его шершавым кончиком моего языка. Ее слабые крики подсказывают мне, что ей это нравится, даже очень, и я ощущаю, как на мое бедро просачивается влажность, что у нее между ног. Моя другая рука движется к ее влагалищу, чтобы окунуться в ее сладкий мед. Она разгорячилась и промокла под темными завитками между ее ног, ее складочки налиты соком и дожидаются моего языка. У меня слюнки текут от одной только мысли об этом.

И тут я вспоминаю, что она принесла с собой подарок в знак ухаживания, который я для нее сделал. Она хочет его опробовать? Я никогда ни о чем таком не слышал, но люди изобретательны, и я с нетерпением жду возможности поучаствовать. Я сделал его таким же большим, как мой член, и хотя я ничего не хочу так сильно, как погрузить себя между ее ног, меня прямо таки распирает от желания узнать, как она отреагирует, если я опробую на ней этот подарок.

Мои пальцы скользят между ее скользкими складочками. Она горячая и влажная, а, когда я поглаживаю ее, она двигает бедрами, побуждая меня толкнуться внутрь нее.

Короткий стон срывается с ее губ, когда я облизываю ее сосок, и это все решает. Я хочу еще больше ее стонов, ее криков, слышать, как она издает воплями мое имя. Хочу возбудить в ней такое неистовство, чтобы она повела себя, как дикарка.

Я протягиваю руку назад к полке и беру мой подарок в знак ухаживания и держу его прямо перед ней.

Кайра резко вдыхает, и ее взгляд тут же направляется мне в лицо.

— Отличная копия, правда? — я восхищен своей резьбой, вплоть до прослеживающих вдоль ствола вен. — Ты даже не представляешь, сколько часов я провел, разглядывая свой собственный член, чтобы все сделать, как надо.

Она тихонько хихикает.

— И ты сделал это специально для меня?

— Ну, разумеется. Ты — моя женщина, и я очень хотел тебя порадовать.

Сжимая руки вокруг моей шеи, она наклоняется вперед и нежно целует меня в губы.

— Ты всегда меня радуешь, Аехако.

Я скользжу им по всему ее животу.

— А сейчас мне хочется порадовать тебя этим, — заявляю я ей между поцелуями. Я чувствую, как она застывает, и ее дыхание ускоряется, но «нет» она мне не говорит. Поощренный, я скользжу им еще ниже, направляя его головку к ее холмикам. — Думаю, так же как и моему члену, нужно убедиться, что он мокрый от твоих соков, прежде чем я введу его в тебя.

Из ее горла вырывается жалобное хныканье, а ее руки вокруг моей шеи напрягаются еще сильнее.

— Раздвинь для меня свои ноги, моя пара, — говорю я ей.

Она снова прикусывает губу, но ноги раздвигает с непринужденностью. Я вижу блеск влаги на ее верхней части бедер и чувствую аромат ее жара. Из-за этого я просто с ума схожу от желания. Из глубин моего горла подступает рык. Потребность обладать ею крайне сильна, но мое любопытство и более, чем будоражащая игрушка — а также мысль о том, чтобы доставить ей удовольствие — то, что движет мною. Я проталкиваю массивную головку игрушки между ее складками, и она прижимается к ее третьему соску.

Кайра издает крик, ее бедра приподнимаются, а руки вокруг моей шеи затягиваются.

— О, Господи!

В воздухе витает ее мускусный аромат даже гуще, чем прежде. Ее тело дрожит.

Я тяну головку искусственного члена сквозь ее влажные складочки, делая его скользким. Каждое его перемещение заставляет Кайру реагировать — влеченная своей потребностью она приподнимается с моих коленей, а ее ногти впиваются мне в плечи. Я проталкиваю головкунского члена в нее, и она начинает хныкать. Дальше вглубь я не продвигаюсь, потому что, чтобы сделать куда больше, ей придется сменить позицию, и я хочу, чтобы она попросила об этом. Я хочу выяснить, получает ли она удовольствие так же, как и я. Мой собственный член пульсирует из-за пренебрежения к нему, однако в данный момент все полностью посвящено Кайре и ее нуждам.

В то время, как я не проникаю глубже, ее всхлипы усиливаются, а бедра, поощряя меня, приподнимаются.

— Аехако, — говорит она, задыхаясь, и ее ногти впиваются в мою кожу. — Пожалуйста.

— Ты хочешь большего, моя пара? — я наклоняюсь вниз и целую ее, при этом легонько подталкиваю искусственный член, чтобы напомнить ей о его присутствии.

Она издает слабый, бессловесный звук, после чего кивает головой.

— Ты мне доверяешь?

И вновь она кивает головой. На ее лице выделяются глаза — огромные, зрачки которых расширились от необходимости.

— Тогда ляг на спину для меня, — я вытаскиваю искусственный член, и в то время как она просто смотрит на меня, я облизываю головку, очищая ее от всех следов ее соков. Из моего горла прорывается угробный рык. На вкус она восхитительна, и я хочу прикоснуться к ней своим языком.

Кайра вздрагивает, но потом кивает головой. К моему удивлению, она переворачивается на живот и подталкивает свою попку вверх, слегка раздвигая ноги. Она животом налегает на мое бедро, и я хочу ее поправить... но сдерживаюсь.

Ее попка такая гладкая, нет даже намека на хвост, что нарушило бы эти сладкие изгибы. И я понимаю, что, если я погружу искусственный член в нее, ничто не сможет помешать мне погрузить его полностью. Очарованный этой мыслью, я проталкиваю пальцы между ее бедер, чтобы поласкать ее влагалище, а она стонет, вжимаясь лицом в шкуры.

Кайра мокрая, скользкая и готовая, и я убираю руку и нажимаю головкой искусственного члена на вход в ее влагалище. Ее поощряющие покачивания — красивое зрелище, и я вжимаю его глубже, дюйм за дюймом до тех пор, пока он не оказывается наполовину внутри нее. Она издает стон, когда я начинаю медленно им двигаться, толкаясь в нее все глубже с каждым погружением внутрь. Я очарован видом, как искусственный член — мой член — толкается в нее, а мой собственный член вздрагивает, реагируя на это.

— Ахако, — стонет она, а ее бедра покачиваются, когда я толкаю его все глубже в нее. Когда я это делаю, вглубь ее попки вжимается шпора, и она испускает визг. — Что это было?

— Это была шпора.

— Ооо, — выдыхает она и снова расслабляется. — О, Боже, даже и не знаю, по душе ли мне это.

— Разве это что-то плохое?

— Да нет, в этом-то и проблема, — она стонет и снова подталкивает вверх свои бедра, побуждая меня дать ей еще. Я толкаю его внутрь нее снова, еще глубже, с каждым ударом члена продвигаясь в ее попу шпорой.

Но когда она издает вопли, меня пронзает укол ревности. Глупо ревновать к резной игрушке, но все же хочу, чтобы она стонала и вопила из-за моего члена. Хочу, чтобы ее влагалище сжалось вокруг меня, ее соки просачивались на мой член, а не на вырезанную кость.

Я вытаскиваю его из нее и отбрасываю в сторону, не обращая внимания на ее крики. Но когда я поднимаюсь и поправляю ее бедра, приподнимая их к себе, ее протесты изменяются на скулеж потребности, призывают меня своим телом. Я провожу рукой по ее гладкой заднице, а мой хвост стегается по ногам. Я никогда не предполагал, что отсутствие хвоста может быть таким... чрезвычайно эротическим. Я раздвигаю ее бедра и

погружаюсь в нее одним плавным движением, наблюдая, как моя шпора проникает в ее задницу.

Крик наслаждения Кайры отдается в пещере гулким эхом.

— Да!

Рык прорывается из моего горла, и я хватаю ее за бедра. Слишком много времени прошло с тех пор, как я прикасался к своей паре и клеймил ее как свою собственную. Я больше не могу сдерживаться. Я снова толкаюсь в нее, подаюсь назад и опять скользжу глубоко в нее, а Кайра вопит от восторга. Она не может сдержаться. Чем больше я врезаюсь в нее, тем громче она становится, и тем ближе ее вопли следуют один за другим, пока она не издает один длинный голосистый вопль, когда кончает. Ее влагалище капканом сжимается вокруг меня, после чего становится еще сложнее удерживать контроль над собой. Я врезаюсь еще три раза, прежде чем проливаюсь внутри нее, и у меня такое ощущение, будто все мое тело опустошается между ее бедер. Я не прекращаю толкаться в нее, пока полностью не осущен, но когда я вытаскиваю свой член из ее тела, уже испытываю легкое чувство потери. Я уже хочу вернуться обратно.

Но она счастливо вздыхает и падает в шкуры.

— О, Аехако.

— Ммм, — молвлю и ложусь рядом с ней, подворачивая ее маленькое тело к себе.

— Должно быть, это неправильно, что я так счастлива сейчас.

Меня пробирает смех.

— Разве мы не заслуживаем немного счастья?

У нее задумчивый вид, пока я вместо одеяла натягиваю поверх ее обнаженного тела разбросанную одежду. Я не хочу, чтобы она замерзла.

— Не знаю, — говорит Кайра спустя некоторое время. — Просто беспокоюсь, что упадет еще один сапог.

— Ты же босиком.

Она смеется.

— Это такое выражение. Оно означает, что если все так хорошо, это предвещает, что случиться что-нибудь ужасное.

Я целую ее гладкое плечо.

— Ты слишком много волнуешься.

Она улыбается мне нежной улыбкой, когда оглядывается на меня.

— Наверное.

KAYRA

Ну... наверное, переселение в новую пещеру совсем не такое, как я ожидаю. Исходя из моего небольшого опыта между общежитиями и моей собственной квартирой, подготовка к отъезду включает в себя в яростном темпе побросать все в коробки и еще проводить дни на распаковку и размещение вещей в новых домах. Но у людей ша-кхай не так много всякого хлама, как у среднестатистической американской девчонки, и как только решено, кто переезжает в новые пещеры, вещи упакованы и в тот же вечер готовы отправляться в путь.

Это — несколько шокирует, но одновременно и захватывает.

Мы с Аехако занимаем разукрашенную пещеру. Должна признаться, что я в восторге заиметь свою собственную пещеру, особенно ту, которая уже украшена и в которой находится импровизированная ванна. Аехако навыочил на себя шкуры, свои орудия охоты и приборы для резьбы, и он готов идти. Что до меня, то у меня куда меньше этого. Мое поношенное кожаное платье, пара снегоступов и мои одеяла. По-моему, мать Аехако, Севва сжалилась надо мной, потому что она забивает его руки несколькими корзинами и посудой из своей собственной пещеры, кудахтая над своим птенчиком, который наконец-то покидает гнездышко.

Те, что уходят с нами в новую пещеру, представляют собой смесь старииков и молодежи. Мэйлак и ее семья остаются в главной пещере, поскольку она — целительница. Вэктал с Джорджи и все недавно спарившиеся пары также остаются с ними, так как никто точно не знает, как будет проходить ша-кхай — человеческая беременность. Пожилая Кемли с ее парой Борраном и их юной дочкой Фарли отправляются в новые пещеры вместе с нами. Старейшинам — все мужчины — предстоит разделиться на обе пещеры. Тиффани, Джоси и Клэр присоединяются к нам, также как и несколько охотников — холостяков, которые теперь будут делить большие, просторные пещеры в передней части сети Южных пещер. Ну, люди слегка ворчат, потому что Южные Пещеры будут полны холостяков и старииков, но Вэктал дал понять, что хочет, чтобы старейшины научили людей здешнему укладу жизни, и кто лучше это сделает, чем тот, кто уже прожил сто оборотов сезонов и до сих пор полны сил?

Единственная пара, которая отправляется вместе с нами и которая раздражает Аехако, — это Айша и ее пара Химало. Хотя они и являются спарившейся парой, у них тоже нет маленького ребенка, так что понятно, что они подобраны переселиться в нашу пещеру, а все остальные пещеры в племенной сети теперь вернулись обратно к их первоначальному использованию. Одна из пещер охотников — теперь уже опять хранилище мяса, а еще есть пустая пещера, которую Вэктал отвел на случай, если беременность Лиз будет развиваться быстрее, чем ожидается.

Группа, которая направляется в Южные Пещеры, несмотря на раздражающее присутствие Айши, просто отличная. Мы обнимаем всех, кто нас окружают, — невзирая на то, что мы всего в нескольких часах ходьбы — после чего отправляемся в путь. Клэр счастлива до крайности, поскольку уже знает, что Бэк тоже направляется в Южные Пещеры, а Тиффани горит желанием научиться у старейшин здешним ремеслам. Джоси радостно болтает с Кемли и Фарли даже несмотря на то, что никто ее не понимает. Хэйден тоже переходит в новую пещеру, и выглядят он довольно раздраженным из-за болтливости Джоси. В глубине души мне кажется, что непрерывная болтовня Джоси полезна для Хэйдена, который практически все время совершенно ото всех изолировался и потерялся в своих собственных мыслях.

Когда мы добираемся до Южных Пещер, люди громко кричат от счастья и в течение следующих нескольких часов, многие нетерпеливо суетятся и все обследуют, сравнивая пещеры друг друга, и обустраиваются. В центре устроен большой костер для освещения помещения и чтобы придать ему домашний уют. Тут для нас, людей, приятно и уютно тепло, однако я замечаю, что несколько из охотников раздеваются из-за жары.

— Не могу сказать, что это такой уж ужасный побочный эффект, — шепчет мне Тиффани в то время, как я пялюсь на мускулистую, потную грудь Аехако, пока он веткой подметает пол, убирая мусор.

— Нет, — говорю я, отвлекаясь на проходящего мимо еще одного почти голого охотника. — А я этого и не говорю.

В этот момент, бойко стуча каблуками, вперед проходит Айша и кладет руку на мою пару.

— Аехако, хочу с тобой поговорить. Мне совсем не нравится моя новая пещера! Она слишком маленькая.

Тиффани закатывает глаза.

— Ну все, началось. Принцесса планирует заполучить вашу пещеру, вот увидишь.

Тиффани уходит. И она, наверняка, не ошибается. Более чем очевидно, что долгое, долгое время, когда Айша была одной из немногочисленных незамужних женщин в племени ша-кхай, это сделало ее весьма испорченной и капризной. Но, теперь-то она спарена.

Конечно, я тоже. Однако сейчас она лапает мою пару и притворяется, что плачет, и это зрелище меня просто бесит.

Я наблюдаю, как Аехако протягивает руку и похлопывает ее по плечу, пытаясь успокоить.

— Твоя пещера — одна из самых красивых. Честно.

— Она слишком маленькая, — Айша надувает губы.

O, ради всего святого. Ей не нужно делиться ею ни с кем, кроме своей пары, что делает ее в два раза больше, чем если бы в придачу к пещере она заимела бы еще одну спарившуюся пару. На меня накатывает раздражение, и я вздыхаю, когда она берет Аехако за руку и пытается утащить его в свою новую пещеру, словно должна ему лично все показать.

С меня хватит.

Я делаю шаг вперед, приближаясь к Аехако со спины. Когда я это делаю, замечаю, как ужас накрывает выражение его лица, когда он смотрит вниз на Айшу. Забеспокоившись, я ускоряю шаг...

И слышу невообразимое.

Аехако резонирует, а Айша держит его руку в своей.

Сапог? Брошен.

Часть 6 КАЙРА

Я не могу дышать. Мое сердце бьется так сильно, что кровь стучит у меня прямо в ушах.

Аехако только что резонировал другой женщине. Я его потеряла.

Шок и горе поистине колоссальны. Я пялюсь на их соединенные руки, а потом перевожу взгляд на свою пару. Он кладет руку себе на грудь, и я отсюда слышу, как та напевает.

Он резонирует — его кхай реагирует на присутствие его идеальной пары.

И это не я. Это Айша.

— Я не понимаю, — говорю я. Я едва слышу свой собственный голос из-за рева крови в моих ушах. — У Айши уже есть пара. Ты не можешь ей резонировать.

Ты принадлежишь мне, а не ей.

Это так несправедливо. Аехако — лучшее, что когда-либо со мной случалось, и я так быстро его теряю? Рыдания давят мне горло. Мое сердце бешено колотится.

Моя красивая пара пристально смотрит вниз на свою грудь и тут сбрасывает руку Айши.

— Я не ей резонирую, — он поворачивается ко мне, и его глаза кажутся неестественно синими и яркими.

Сердцебиение в моих ушах отдается все громче, быстрее. Ускоряется...

И вдруг я понимаю, что это.

И от счастья я валюсь с ног.

Мгновение спустя большие руки Аехако обнимают меня, и он меня нежно прижимает к своей груди.

— Кайра, — бормочет он и пристраивает мою голову у себя под подбородком. — Моя Кайра.

Моя собственная грудь отдается громким эхом и напевает ответным резонансом. Этот пульсирующий стук и есть то, что я слышала? Это оказался не мой пульс. Это оказался мой кхай, откликнувшийся на его.

Как такое возможно?

Даже сейчас, пока я удивляюсь, мое тело меняется. Интенсивные чувства и потребность обрушаются на меня, затопляя все части моего тела. Сексуальной лихорадкой. Я чувствую, как мои бедра сжимаются вместе, а боль от желания быть заполненной, оседает глубоко внутри меня. Мои соски ощущаются сверхчувствительными, а моя кожа зудит, в то время как мой кхай наряду с кхаем Аехако напевает общий ритм.

Я цепляюсь за него, разрываясь между надеждой и отчаянием.

— Я... не понимаю.

Он смеется, и звук одновременно полон и радости, и удивления. Его губы прижимаются к моему лбу, и он целует меня, когда мы, рухнув, сидим посреди пещеры друг перед другом.

— А что здесь понимать, моя пара? Твоему кхай всего лишь было побольше убеждения.

Я смеюсь, и мой смех переходит в слезы.

— Но... я же не могу...

— А может, ты можешь, — он убирает мои волосы с моего лица. — Кхай приспосабливает тебя к жизни здесь. Может, он в твоем теле сотворил больше изменений?

Я в полном удивлении пялюсь на него. Быть может, так оно и есть. Быть может, кхай выискивает поврежденные части тела и излечивает их от недуга. Я уверена лишь в том, что мне всегда говорили, что у меня никогда не будет детей. И, тем не менее, я здесь, резонирую мужчине, которого люблю.

— Ты такая молчаливая, — шепчет он, и его руки затягиваются вокруг меня. — Ты что, не рада?

Я прижимаюсь лицом к его груди, слушая звуки его кхая, поющего моему. Это самое прекрасное, что я когда-либо слышала.

— Я более чем рада. Я даже... — у меня в глазах появляются горячие слезы. — Я даже не могла...

Мечтать о своем ребенке или о чем-то еще... Аехако мой навсегда.

Он издает гортанный рык, и я чувствую, как он прижимается членом к моему бедру.

— Что ж, тогда пойдем в нашу пещеру, чтобы доставить удовольствие нашим кхай?

Я задыхаюсь от смеха, упорно цепляясь за него.

— О да, с удовольствием! Прошу тебя!

Аехако встает на ноги, и я уже чувствую себя обездоленной — и изнывающей от желания — в ту же секунду, когда больше не прижимаюсь своей кожей к его. Но тогда он подхватывает меня на руки, и я вновь преисполнена такой абсолютной радостью, что ничто не способно разрушить мое счастье.

Вообще ничто.

Он направляется к нашей новой пещере и криком предупреждает через плечо:

— Мы с моей парой будем заняты. Так что не беспокойте нас.

Мне следует быть в ужасе, что он растрепал всем, чем мы собираемся заняться, но я слишком счастлива, чтобы об этом переживать. Я украдкой бросаю взгляд поверх его руки, оглядываясь на остальных присутствующих в пещере. Тиффани и Джоси стоят вместе, перешептываются, и на их лицах играют улыбки. Айша выглядит несчастной и потерянной. Остальные охотники просто громко хохочут и перекидываются насмешками про Аехако и его мужской мозги.

Все это время мой кхай напевает, и напевает, и напевает.

Аехако вносит меня в пещеру и нежно опускает на груду шкур, из которых будет подготовлена наша общая постель. Они все еще свернуты в рулоны для переноски во время перехода. Мы были так заняты, помогая остальным, что у нас не было времени для обустройства собственной пещеры.

— Посиди здесь, — говорит он мне и, подойдя ко входу в нашу личную пещеру, укрепляет перед входом натянутую кожаную завесу, что сигнализирует табличке «не входить». Все время я наблюдаю, как под его набедренной повязкой, когда он ходит, поигрывают мышцы его задницы, и бешено стегается по ногам хвост.

До сих пор хвост никогда мне не казался таким сексуальным. А сейчас? Он сводит меня с ума от потребности. Ну, надо же. Я прижимаю руку к своей груди и чувствую, что она вся вибрирует от силы песни кхай. Из-за этого мне так и хочется протянуть руку и прикоснуться к Аехако... или к себе. Мои бедра плотно сжаты вместе, и я сопротивляюсь с весьма настоятельным призывом плюхнуться на спину в покрывала и ласкать клитор, пока я не кончу. У меня никогда раньше не было настолько крайнего желания сексуального удовольствия. Кхай делает невозможным думать ни о чем другом, кроме как схватить Аехако и облизать его с ног до головы.

Очень, очень сложно оставаться собой. *Очень сложно. Честно.*

Вместо этого я тянусь к рулонам шкур и прилагаю усилия, чтобы их развязать. Нам же нужно что-то, на что лечь. Однако, мои пальцы не очень-то хотят нормально работать. У меня трясутся руки, и я слишком отвлекаюсь. Я все думаю об Аехако и сексе.

Боже, так это правда, насчет этой кхай штуки. Такое ощущение, будто кто-то внутри меня крутанул секретным переключателем и мгновенно превратил меня в нимфоманку. Это так странно. Но это не делает меня несчастливой — ни в малейшей степени. Мне приходится бороться с желанием не закричать от остроты эмоций, а мои пальцы тщетно ковыряются в кожаном узле.

Я чувствую — а не вижу — что подходит Аехако и приседает позади меня. Мой кхай к нему крайне чувствителен, а наши совпадающие мурлыкающие звуки кажутся такими странными и все же чертовски правильными.

Ко мне сзади поднимаются его руки, и, целуя меня в шею, он обхватывает своими ладонями обе мои груди.

— Моя пара. По-настоящему моя.

Слезы от глубины эмоций, которые я сдерживаю, наконец-то прорываются. Я прижимаю его руки к своим грудям и рыдаю.

Я чувствую, что его большое тело напрягается.

— Почему ты плачешь, Кайра?

— Я просто н... никогда не д... думала, что это случится со м... мной, — заикаюсь я. Я уже смирилась с тем, что я единственный человек среди других, который не сможет иметь детей, когда рождение детей настолько жизненно важно для племени. И Аехако хотел их иметь. Мне и в голову не приходило, что смогу родить.

И только сейчас я осознаю, как сильно мне всего этого хочется. И это не поддается контролю. Я плачу, даже несмотря на то, что он меня успокаивает, а его чувственные объятия становятся поддерживающими. Он шепчет и гладит мои волосы, в то время как я заливаю его грудь слезами. Я совсем не несчастна. У меня все как раз наоборот. И я понятия не имею, почему я такая плаксивая, но я счастлива и так переполнена эмоциями, что могу лопнуть, и по-моему, слезы — это то, как они выходят наружу.

— Шшш, — говорит он мне, глядя меня по волосам. — Все решат, что ты несчастна уже от мысли о том, чтобы вынашивать моего ребенка.

С моих губ срывается смех сквозь икоту.

— И даже больше, — бормочет он, скользя рукой вниз по моей руке, плавно двигаясь по моей коже. — Они скажут, что она очень сожалеет, что у ее кхай настолько дурной вкус, чтобы спарить столь умную, красивую девушку с таким болваном, как он.

Я фыркаю. Никто не посмеет обругать Аехако болваном.

— Не говори глупостей.

— Это вовсе не глупости. Не спаренных мужчин вдвое больше человеческих женщин. Разве ты не считаешь меня счастливейшим из мужчин, что это я резонирую тебе? Я — да.

Я вздыхаю, вытираю свои слезы, потому что он такой милый. Я так сильно люблю этого мужчину. Он всегда меня замечал, даже тогда, когда никто этого не делал. Мои недостатки никогда для него не имели значения — мои улыбки — единственное, что было важно.

— Я самая везучая, — говорю я ему тихо и провожу пальцами по линии его челюсти. Он, моя пара, такой красавчик. Я все сильнее возбуждаюсь, лишь взглянув на его большое, широкое лицо, его светящиеся глаза и улыбку, которая растягивает его губы. Я тянусь вверх и целую его, и его руки тут же напрягаются вокруг моей талии, прижимая меня к себе.

— Кайра, — говорит он, и его голос звучит так, словно он задыхается, как и я. Он носом задевает мой, прежде чем берет в рот мою нижнюю губу и начинает ее посасывать. Господи, теперь он уже такой мастер в поцелуях. — На сей раз, когда я возьму тебя, боюсь, не смогу себя контролировать. В дальнейшем у нас еще будут долгие, нежные ночи спаривания. Однако сейчас..., если я не погружусь в тебя, то сойду с ума.

Он прижимается своим бугристым лбом к моему плоскому и закрывает глаза. Дрожь проносится сквозь него, и я понимаю, насколько близок он к тому, чтобы потерять контроль. *Ну, надо же.*

А мой ответ на это? Я прикладываю руку к переду его штанов так, чтоб я могла проследить контуры его члена. Он с шипением выпускает воздух, а в следующий момент меня практически сбрасывают с его колен.

У меня голова кругом идет от желания, и я жду, чтобы он занялся мной. Однако я смотрю, как он голыми руками по-варварски разрывает шнуры одеял, порвав крепкую кожу, будто это какой-то пустяк. С невообразимой скоростью он бросает одеяла на пол пещеры, после чего оборачивается и смотрит на меня пылающими глазами.

Все мое тело бросает в дрожь. В своем желании он такой... варвар. Это так чертовскиексуально.

Затем он подходит ко мне и хватает за перед моего платья, после чего тянет меня вперед, чтобы накрыть мои губы диким поцелуем. Раскаленная дрожь желания вихрем проносится сквозь меня, я начинаю стонать ему в губы, а мои руки тянутся ему на шею.

— Моя Кайра, — говорит он резко, а затем аккуратно толкает меня на спину, в шкуры. Он задирает мои юбки вверх вокруг моих бедер, и следующее, что я знаю, он лежит лицом вниз между моих ног, а его язык ищет мой клитор.

Шумный вздох удивления срывается с моих губ.

Он стонет между моих бедер, и я чувствую, как его язык уже в который раз двигается по моей чувствительной плоти.

— Ты уже так намокла, — он поднимает голову, и в его глазах я вижу дикий блеск, когда он облизывает свои блестящие от моих соков губы.

Аехако подается назад и срывает свою набедренную повязку. Возникает его член, более темно-синего оттенка, чем остальная часть его тела, а головка сверкает предсеменем. Я могла бы им любоваться часами напролет, но все, что мне достается, — увидеть его мельком, прежде чем он уже на мне, а его рука тянется к моим волосам. Его губы захватывают в плен мои...

И тогда он, толкнувшись одним жестким движением, погружается внутрь меня до самого основания.

Мой крик поглощается его губами и его ищащим языком. Я цепляюсь за него, потому что, о Боже, ощущения его внутри меня заставляет мой кхай податься в овердрайв. Такое ощущение, будто все внутри меня вибрирует, вот только член Аехако разжигает эти ощущения гораздо сильнее. Я чувствую, как его шпора трется о мой клитор, и мои ноги судорожно подергиваются, потому что я уже чувствую, что вот-вот кончу.

— Я сделал тебе больно? — спрашивает он резким шепотом возле моей челюсти, в то время как покусывает мой подбородок.

Мне удается безмолвно потрясти головой.

— Чувствую себя отлично, — отвечаю я ему.

«Отлично» — это еще очень мягко сказано, но я не думаю, что мои губы в силах выговорить слово «сногсшибательно».

Его бедра двигаются, и он снова глубоко врезается внутрь меня. Я испускаю стон, и ноги у меня снова дрожат. Еще пара толчков и я кончу, я уверена. Я поднимаю ноги и оборачиваю их вокруг его бедер, прямо под его хвостом. Аехако снова рычит и делает очередной толчок, и я чувствую, как мой кхай своим напевом переходит в состояние

лихорадки. Все, что я слышу, — это песня между нами, а затем, когда он вновь погружается внутрь меня, позади моих глаз взрываются звезды. Я кончую, и кончаяю..., и не могу остановиться. Такое ощущение, будто я кончу вечно, в то время как он продолжает врезаться в меня сильными, полными потребности толчками. Тогда он со стоном произносит мое имя, и его тело на мне напрягается, он входит в меня, а мое тело вокруг него сжимается и вздрагивает.

Тяжело дыша и задыхаясь, Аехако падает на меня. Пока мы пытаемся отдохнуть, он поднимает свой вес на локти, чтобы не раздавить меня, и прижимается ко мне лицом, целуя мою шею и челюсть.

Когда больше не чувствую, будто все мое тело вот-вот распадется от абсолютного удовольствия, я испускаю тяжелый вздох.

— Ничего себе.

Я вполне уверена, что нашпигована шкурами, что у меня под задом. А еще я вполне уверена, что, скорее всего, это был всего лишь трехминутный секс или около того. Я даже не сожалею об этом, потому что я вполне уверена, что не кончала сильнее, чем когда-либо раньше.

Он наклоняется в сторону и прижимает ладонь у меня между грудей.

— Твой кхай доволен.

— Разве? — я кладу руку рядом с его. Гудение немного притихло, но оно все еще сильное. Даже от этих незначительных прикосновений мои соски твердеют, а мои ноги судорожно подергиваются, заставив меня остро осознавать, что он все еще внутри меня... и все еще напряжен.

А я все еще возбуждена.

— Эээ... кстати, — говорю я, поглаживая его по руке. — Как долго длится резонанс?

— До тех пор, пока я не посеку внутри тебя детеныша, — он целует мою челюсть. — На это может уйти много-много дней.

Господи Всемогущий. Я просто умру от передозировки удовольствия. Это была бы красавая смерть.

— А сейчас я овулирую, верно? Из-за этого я начала резонировать?

— Что такое ову-ли-...

— Неважно, — говорю я. Должно быть, дело в этом. В противном случае он не мог бы сделать меня беременной, да и все остальные, кажется, полностьюправлялись с их резонансом. Сильно подкошенные, счастливые, однако все еще невредимые.

Его бедра делают движение, и я чувствую, как его член в медленном движении снова погружается внутрь и выходит из меня. Выгибаясь, я испускаю стон.

— О Боже, мы повторяем все по новому кругу?

— Мы будем повторять еще много, много раз, — говорит он мне и накрывает мои губы быстрым поцелуем. — И тогда ты будешь вынашивать в себе моего малыша, — его рука тянется к моему животу. — Это — мое, — шепчет он. Его рука скользит вниз. — И это мое, — заявляет он, проводя рукой там, где его шпора прижимается к моему клитору. — Твое влагалище мое и только мое, сладкая Кайра.

Я издаю стон, потому что у меня такое ощущение, что я снова начну кончать.

— Полностью твое, Аехако.

— Ну а потом мы вернемся в главную пещеру, чтобы ты находилась рядом с целителем...

Я мотаю головой, даже несмотря на то, что он нажимает большим пальцем на мой клитор с другой стороны, от чего меня так и распирает от наслаждения.

— Не хочу.

— Нет? — он кажется удивленным.

— Нет, — говорю я, и я так и считаю. Не знаю почему, но я доверяю своему кхай. — Мне не понадобится целитель. Все будет хорошо. И это именно то место, где нам предназначено быть, — я оглядываю окрашенные стены моей пещеры и ощущаю резкий всплеск радости. — Мы уже дома.

— Мой дом лишь там, где ты, — заявляет мне Аехако.

Я нежно прикасаюсь к его лицу.

— Я чувствую то же самое.

Конец